

Г.П.Абаджан

Исповедь жены
ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЯ

УВВАКУ - ПОДМОСКОВЬЕ 1985-1992 годы
Луганск-Ровеньки-Ступино-Сергиев Посад
и где-то в лесу

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Гаянэ Павловна Абаджан Исповедь жены военного строителя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68303830

SelfPub; 2022

Аннотация

Честный, детальный рассказ жены советского офицера о гарнизонной жизни в период распада СССР. Повествование охватывает горбачевский период с 1986 по декабрь 1991. Содержит нецензурную брань.

Гаянэ Абаджан

Исповедь жены

военного строителя

ПРОЛОГ

Моего мужа всё время переводили. Мы чертили своё «золотое кольцо» вокруг Москвы, потому что мой Серёжа отличался буйным нравом и «склонностью к продолжению банкетов». Поэтому когда к руководству приходила разнарядка: "выделить офицера для перевода", то у комбата взгляд веселел, улыбка становилась ослепительной и, Серёгу отправляли куда подальше "по служебной необходимости".

== Серёга ==

Вообще у меня есть гипотеза что он пошел в армию именно потому что у его родителей большое украинское хозяйство: огороды, свиньи, куры, кролики, утки, индюки... , А так же двое младшеньких – двойняшки братик и сестричка. А также его мама торговала шапками, которые всей семьёй шили, вычинив ножечками чик-чик-чик шкурки.

С детства он сидел с малышами, ну и от работы по дому никто его не отстранял. Так что тяпать бескрайние огороды, резать свиней, вычинять шкурки и торговать на рынке его учили одновременно с пользованием горшком.

Поэтому после восьмого класса он попытался поступить в

Суворовское училище, и поехал для этого в Уссурийск, где преподавал его дядя. Серёгу не взяли, потому что училище строго региональное на противоположной стороне глобуса от Донбасса.

После школы он опять приехал к дяде и теперь уже в 1981 году поступил в Уссурийское Высшее Военное Автомобильное Командное Училище (УВВАКУ). Он много об этих годах рассказывал: и что икру местные курсанты приносили в трехлитровых банках, и что рыбы там было огромное множество и после неё смотреть на ту, что здесь продают это даже не третий сорт. И про тамошние местные нравы и обычаи, топающие по деревянным тротуарам.

Его рассказы о том как он ездил на практику, где их поселили в квартире сбежавшего в неизвестном направлении алкаша – прапорщика, а под кроватью нашелся чемодан сигнальных ракет, которые они стали использовать сколько было сил, как на бронированной полковой машине мотались в ближайший городок за бухлом – для меня, домашней девочки, были полнейшим открытием мира. Я не представляла, что так в нашей стране может быть.

Про училище тоже было интересно: курсанты умели на лекциях спать, опёршись на локоть и дергать рукой как будто пишут.

Серёга уверял что никакой "дедовщины" в училище не было. Все курсанты были друг за дружку горой, помогали и заступались.

Иногда ему приходили от родителей посылки, и в одной из них Серёге прислали засыпанный семечками бутылёк самогона. Он с испугу сначала не знал куда прятать, потом в темном углу вместе с друзьями распил это первое бухло в своей жизни.

Благодаря полученным в детстве урокам жизни, Серёга смог занять удобную нишу в иерархии училища – однажды к ним на лекцию пришли из хозчасти и спросили: «Кто умеет забить свиней?». Несколько человек подняли руки и из них организовали бригаду. За ними приходили по мере необходимости прямо на занятия, и они гордо шли на выход, а сзади завистники шипели: "Специалисты".

В подсобном помещении кухни на чердаке стоял припрятанный курсантами бак, куда они скидывали что ни попадя и пили полученную бражку.

А однажды был исторический случай в амурных приключениях его сокурсников: четыре курсанта прошлись к местной девушке в гости, а потом она пришла к руководству с жалобой. По этому случаю объявили общее построение, и девушка обошла весь строй училища, что бы найти этих своих гостей. И над плацем раздалась команда: "Ёб*и, пять шагов вперед!"

Один из этих "именинников" оказался ни в чем не виноватым – он заснул на унитазах, а из трех оставшихся один ей даже понравился. По мудрому решению командования курсант, который смог ей понравиться был на ней женат, кото-

рый заснул на унитазах, чем положил пятно на честь мундира – исключен, остальные два были наказаны в дисциплинарном порядке. Потом женатик по окончании училища развелся, но остался с алиментами.

Запомнились и педагоги из Серегиных воспоминаний. Один, с огромным пузом, умел делать на гимнастических кольцах все трюки. И курсанты с восхищением смотрели на то, как он зависал в «кресте» с выпирающим животищем. Другой преподаватель слишком превратно понимал задачи Партии по выполнению "продовольственной программы", и в газоны вокруг Училища вместо травы засеяли морковь, петрушку и всё такое. Но приехало руководство из Министерства и всё нафик смели немедленно и срочно посеяли опять траву обыкновенную.

Курсантов очень ругали, если кто поддевал жилетки или что другое для утепления. Это называлось поддеть «гнидни-ки». А так же советовали шевелить большим пальцем в сапоге для выражения несогласия с подаваемыми командами. Когда наступала очередь дежурить по кухне, то наряд из шести курсантов должен был начистить несколько ванн картофеля. Но, очевидно, всё это не шло ни в какое сравнение с мамиными огородами или расположенными по соседству шахтами, где особенно хорошо платили в забое.

После Уссурийского автомобильного училища в 1985 году Серёгу распределили сразу в Подмосковье в автомобильные войска при Строительном Главке. Это приложил-

ся его дядя. Иначе можно было попасть в самые неведанные края, где бегают одичалые прапорщики, светит над пустыней Солнце, по полгода ночь или пресную привозную воду надо три – пять раз кипятить и отстаивать, прежде чем что-то с ней делать дальше. Например, Серегин друг после автомобильного училища получил распределение на атомную подводную лодку замполитом.

На расставание его друг, который окончил ещё и Суворовское училище – то самое, в которое Серёгу после восьмого класса не приняли, подарил ему свой суворовский значок, который Серёга бережно хранил вместе с подаренной на совершеннолетие печаткой.

Серёга прибыл к своему первому месту службы и остался впечатлён. Это был 1985 год, посёлок Каменка – недалеко от посёлка Икши. Войсковая часть автомобилистов была примерно в 40 минутах езды от Москвы по бетонной дороге, которой не было на карте, а по нормальному добираться к части надо было на электричке Москва –Дмитров от Савеловского вокзала, станция Икша и оттуда на рейсовом автобусе "железяке" ещё почти час, с многочисленными остановками, пока не доедешь на конечную – глубоко в лес.

Относилась Серегина часть к Главку Строительных войск. Их Автомобильное Управление располагалось в Москве на Окружной, а батальоны дислоцировалась по области. Серегин батальон имел мутный адрес: «Долгопрудный» с каким-то номером, а на почтовых конвертах надо было писать

индекс словами: «п/о Горки». Батальон состоял из трех рот водителей и одной роты авторемонтников, а так же ещё одной отдельно расположенной роты, находящейся с другой стороны от Москвы между Черноголовкой и Владимиром "в постоянной командировке", по адресу: Ногинск- не помню сколько.

Выглядел их городок строителей так: прямо на опушке леса четыре пятиэтажных жилых дома и одноэтажный павильон – магазин. И всё это ютилось – примыкало к высокой стене огороженного военного городка подводников, куда вёл вход через охраняемую проходную по пропускам. В городке кроме прочего был Дом Отдыха, в который направлялись на восстановление подводники после длительных походов. А невдалеке вдоль дороги, метрах в трехстах, располагалась деревенька Каменка.

В армии с названиями всегда очень мутно. И из перечисленных мною Каменка и номерных Долгопрудный и Горки, в разговорной речи использовалось всё же Каменка, а иногда и «Икша» по названию станции, от которой ходили местные рейсовые шарбаны.

Рассказ о своих первых впечатлениях Серёга начинал с воспоминаний о своем первом командире роты. Это был здоровенный мужик, среднеазиат, который на русском говорил не очень четко. Серёга его впервые увидел на следующий день по прибытии, на утреннем построении. Тот вышел перед солдатами и что-то очень громко командовал, типа:

«Рры – ры уа, уа, уыы». Серёга, ни слова не разобрав, спросил у ближайшего соседа, что тот говорит. Ему объяснили, что так каждое утро командир роты инструктирует солдат, чтоб они хорошо работали и были дисциплинированными.

Серёге предстояло распределение, и он очень не хотел попадать в авторемонтники, потому что видел каких-то страшно замызганных и промасленных солдат, и он не хотел лезть в ремонтную яму. Его назначили заместителем по технике в роту водителей. Он очень обрадовался.

Когда резкость в его глазах появилась, то выяснилось, что страшно замызганные и все в мазуте – это и есть водители. Безусловно, они сами и починяли свои автомобили. Авторемонтники ходили опрятные и чистенькие как огурчики. Кроме того что они ни чего толком не умели делать, то им оно и не надо. Чтоб автомобиль ездил, надо вовсе не ремонтникам, а водителям. А командир роты авторемонтников лейтенант Сальников среди них был на положении небольшого хана, потому что руководил этим замедленным действием и, через него продвигались запчасти. Не надо говорить, что одежда у него «с иголки», а в карманах – конфетки и семечки. Ещё он красиво и драматично сочувствовал тем, у кого автомобили попадали в ремонт.

Водителям приходилось выпрашивать запчасти, самим крутить приржавевшие гайки, и по ходу стеречь свои автомобили, чтоб с них ещё что – ни будь не скрутили в неизвестном направлении в помощь ещё кому-то с запчастями.

Естественно, что именно с заместителя командира роты по технике (зампотеха) всё время спрашивали: «Как идет работа по перевозке грузов?». А для этого нужны грузовики, вот Серёга и крутил гайки вместе с солдатами.

И водителям тоже, конечно, хотелось сесть в автомобиль и уехать. Ведь когда они в рейсе, то полностью предоставлены сами себе, да ещё в придачу – самосвал с бензином и грузом – точно не пропадёшь.

Где их только не видели. По окрестностям – сплошные посёлки: дачи москвичей, деревеньки, вдовы и просто одинокие женщины. Людям нужен песок, грунт, щебенка, физическая помощь, человеческое тепло и забота. Солдатам тоже многого хотелось, например, домашней еды и человеческого тепла.

Собирать их по вечерам очень проблемно и, естественно, пока последний солдат не возвращался в автопарк зампотех спать не ложился.

По крайней мере раз в две недели кто-то из солдат куда-то исчезал, и их командиры на "бобике" ездили по маршрутам и округе искать своего пропавшего воина. Найдя, вызывали тягач и притягивали сломанный грузовик. Бывали случаи, что какой-то грузовик ломался в строго определенном месте, пока не выявлялась причина – следственная связь с близлежащим домостроением и не проводилась разъяснительная работа.

Солдаты часто бывают очень горячими парнями. Так на

одного "настучали" из соседнего колхоза и, его поймали когда он вершил любовь с коровой. Очевидно, он чувствовал себя быком, а не козлом каким-то, как другие.

Ещё один исторический случай мне рассказывали несколько независимых источников с особым восторгом. Как я уже говорила, адрес у части был крайне туманный. Название почти отсутствовало. На конвертах писали: Московская область п/о Горки, а солдаты практически все были или узбеки или туркмены, с навыками вождения, полученными во время учёбы в школе на уроках профорientации в ДОСААФ. Среди них попадались некоторые, которые русский язык почти не знали. Так вот один такой солдат на КАМАЗе заблудился – где-то не туда свернул. Эпоха была до мобильных телефонов, но видимо у этого солдата вообще никаких контактов даже на бумажке не было записано. И начал он спрашивать дорогу, но местные его не понимали из за акцента, никто не мог разобрать куда же ему надо. Он говорил: «Горки, Горки». Ему добрые люди давали еду и воду, водители делились топливом, и он почти доехал до города Горького (Нижний Новгород), что в четырехстах километрах от Москвы. На подъезде к городу его наконец остановила военная автоинспекция, которая изучив документы, смогла таки определить, куда бедолаге надо.

В войсковую часть позвонили о том, что воин нашелся, и радостям командиров не было предела. И он сам очень обрадовался: несчастный, невымытый, голодный вернулся в уют

казармы, которая всё же роднее, чем необъятная пустынная планета.

Быт первого года в армии сподвиг Серёгу жениться. Там практически все офицеры были женаты, иначе очень короткая дорога в наркологию. Драки и побои постоянно присутствовали в повседневном быте, как и порча или обобществление личных вещей – издержки жизни в общаге.

Один их совершенно молодой офицер поехал домой в отпуск и сильно опаздывал обратно. Руководство связалось с военкоматом по месту жительства и, оттуда пришла депеша о том, что "не надо бузить", потому что всё в порядке, их офицер просто находится на лечении в наркологии, через неделю курс оздоровления окончится и молодой воин вернется для дальнейшего прохождения службы. Парень подлечился и приехал, но его уже ожидал приказ об увольнении. Вот в чем справедливость? Остальные блуждали невылеченными и их никто не выгонял, а он со справкой что уже здоров – уволен.

Серёга за первый год службы сумел разбить какую-то эфирную ёмкость в медпункте, где иногда ночевал по дружбе с фельдшером. В результате сильно провонял все свои вещи, кроме плащ – накидки. Её – новенькую у него «кто – то надел и ушёл» ещё раньше – в общаге. Шел дождь, Серёга спал после ночного дежурства и только помнил, что во сне у него кто-то спросил, можно ли взять плащ. Он спросонья что-то ответил и с тех пор свою плащ-накидку не видел, а

кто приходил – не помнил. Отличить свою плащ – накидку от других он даже при большом желании не смог бы. А так же однажды Серега с друзьями (из того что до меня дошло) разбил цветной телевизор, стоимостью в три лейтенантские зарплаты – неудачно переносил в общаге по лестнице. Участвовал в сильном избиении гражданского, который «не то на них сказал», но через командира части вопрос с пострадавшим "говоруном" юные защитники чести мундира «уладили». Ну, и окружающие дамы стали сильно присматриваться к нему как кандидату на женитьбу. То есть эти мелкие происшествия совершенно положительному имиджу молодого офицера не мешали.

Но когда понадобилось направить одного офицера в отдельно-расположенную "в командировке" роту, ту, что по дороге на Владимир, то выбор комбата пал почему-то на Серёгу. Как раз в этот момент тот и собирался жениться.

== 1986 ==

===== Первомайская демонстрация =====

Перед окончанием института я со всей группой ходила на ту клятую первомайскую демонстрацию 1986 года помахать флажками в последний раз. Мне выдали цветы, пацаны тащили с надписью: "Позор Рейгану". Это я даже сфоткала себе на вечную память. Дошли за поворот улицы, сложили эти флажки в мусорку и пошли допивать.

Дипломы к тому времени уже все защитили, госэкзамены по Научному Коммунизму еще зимой сдали. Мне суки "три"

поставили за то, что я сказала про атомную энергию, что официально она считается самой чистой, а по факту самая опасная. Это я после просмотра фильма "Китайский синдром" улучшила знания. Экзаменаторы неприятно оживились: что я тут говорю не убежденно по написанному и вкатили: "удовлетворительно". Заметьте, это был вопрос по научному коммунизму. Но мне уже было все равно, потому что и распределение прошло и куда ту оценку лепить. И ... Ну не любила я их. И про атомную чистую энергию уже была наслышана, хоть и без интернета.

Экзаменатор у меня был по фамилии Карлин, который был дядя моей одногруппницы Наташи, и она у него жила в Луганске пока училась, и со мной вроде хорошо дружила. С момента моего "провала" на экзамене прошло четыре месяца, как грохнул Чернобыль, и восемь месяцев – как мы с ним встретились на свадьбе у Наташи, где я с Сергеем и познакомилась.

Мы все до единого на ту демонстрацию приперли, потому что она типа выпускного была, последнее прости институтским друзьям. Я до этого почти никогда на демонстрации не ходила: то мне седьмого ноября холодно, то первого мая температурит. Потому что там ни столько идешь, сколько чего-то ждешь, часами топчешься. Одна радость: за углом алкоголем греться. Но я никогда по этому сильно не выступала.

Через месяц – в июле моя самая близкая подруга – Лена пошла к врачу: у нее недомогания начались. А врач у нее и

спрашивает: "Вы случайно в зоне Чернобыля или поблизости не были?" Лена не была, но все равно прифигела. Тогда все мы были в шоке, но по полной не осознавали все равно. У одних большая паника была, другие отмахивались.

Нас из класса на экономический вместе вообще пятеро поступило, но пацана после первого же курса в 1983 в армию забрали – при Андропове отменили отсрочку – бронь тем, кто на дневном учится.

У одной из наших – Инны мама была микробиолог в лаборатории. И она по этому Чернобылю в такие нервы впадала: всех дома заставляла голову каждый день мыть и полную влажную уборку утром и вечером. Никто не хотел полы драить так часто, тогда она сама вставала пораньше до работы и мыла. "Великия знания – великия горести" – так кажется у Соломона.

=====Второе полугодие 1986 насыщенностью событий зашкаливало =====

Летом я хорошо посмотрела чемпионат мира по футболу. Я всегда смотрела только чемпионаты мира, остальное пропускала. Но на футбол мы с одноклассниками ходили, потому что наша "Заря" легендарная – она в 1972 как раз когда я в школу пошла стала чемпионкой СССР, единственная провинциальная команда. Все обвесились значками "Заря – чемпион" и затаив дыхания ждали повторения чуда. Мы тогда не очень соображали о связи чуда с капвложениями. Но стоило у нас появиться какому –нибудь классному футбо-

листу, то его тут же переводили для начала в киевское "Динамо". Теперь у нас "звездил" молодой Заваров.

Короче, летом в июне я "отфанатев" от Марадонны, любимого с 1982, когда он ногой въехал какому-то козлу в живот, перекрестился и под красную карточку пошел с поля. Против него играли, как будто хотели убить. И вот в 1986 мы все дождались. Он зашиб англичанам в ворота сказочный гол кулаком, а потом обнес весь их строй и вкатил еще раз. Аргентина стала чемпионом мира. Я за них болела. На стадионе в Мехико «Ацтека» было сто пятнадцать тысяч человек. Это целый город. Для сравнения Харьковский Стадион "Металлист" в три раза меньше, Донбасс-Арена всего пятьдесят две тысячи.

Потом смотрела диковины эпохи – телемост с Бостоном. Грохнула со всей страной от "В СССР секса нет" и немедленно поехала проверить это на турбазу в Адлер на две недели. Вернулась, записалась на курсы кройки и шитья по воскресеньям. И с первого августа вышла на работу.

Первая моя зарплата первого сентября ознаменовался ужасной новостью: потерпел крушение пароход «Адмирал Нахимов». Это кроме того что ужасная трагедия, которая унесла несколько сотен безневинных людей, но еще и мой папа за полгода до этого на нем круизил вдоль берегов Крыма и Кавказа по профсоюзной путевке и привез кучу фото, был очень доволен.

Ужасно было всё: и что среди теплого лета, и что возле бе-

рега, и что столько людей. Было дико, что два корабля видя друг друга просто тупо столкнулись. И людей в четырёх километрах от берега не смогли спасти. Погибли и члены экипажа. А там вполне могла быть моя одноклассница. Она сразу после школы окончила мореходку и работала стюардессой на заграничных на "Федоре Шаляпине", но дисциплинарно влетела и её с него отправили на внутренние рейсы.

Она рассказывала, что "Нахимов" у моряков это как в наказание. Там работали те, кто не мог попасть на заграничку, те кого на заграничке наказали. Потому что ходить от Ялты до Сочи для моряков особой радостью не являлось.

В народе шептались, что это злой рок, "Нахимов" в войну был немецким плавучим госпиталем "Берлин". В конце войны его затопило и четыре года он лежал под тринадцатью метрами воды. Теперь он остался "местом захоронения" мирных отдыхающих в Цемесской бухте на глубине пятидесяти метров, прихватив еще и пару водолазов – спасателей..

По программе "Время" появился новый аттракцион. Сколько я себя помню, то там мы всегда за кого-то заступались. Началось все еще с появлением телевизора у нас дома, то есть наверное с 1970 года.

Нам показывали по вечерам фото и звучал лозунг «Свободу Анджеле Дэвис!» и дети писали ей письма из школ всего Советского Союза. Не знаю куда их потом девали. С Анжелиной на сегодня всё в порядке, будем считать что ее вымолили.

Осенью 1986 настало время доктора/ товарища Хайдера, который голодал в каком-то шалаше напротив Белого Дома. И нам регулярно зачитывались бюллетени о его драгоценном здоровье и так больше полгода. Президент США Рейган сказал что у этого профессора очевидно такая диета. И тем не менее в нашем правительстве колотились что "Мы упустили прессу". А мысли, что они задрали у них не возникало.

===== Моя первая работа

=====

После института осталось у меня ощущение глубокого испуга, что я чего-то кому-то должна. Иду по улице и думаю: "Мне же надо сдавать!", потом вспоминаю: "Что сдавать?" Потом успокаиваю сама себя что все, уже кругом всё сдано. Это ощущение выходило из меня года три.

Мои знания как в экономике, так и в бухгалтерии после института были крайне сыроватыми, если мягко сказать. Поэтому работать было очень познавательно. И если бы не грусть – печаль, что на окнах решётки, что здание на самом краю города, а вокруг ничего, да ещё запрет на увольнение в течение трех лет. Радовало только что рядом заброшенный яблоневый сад и стрелковый полигон ДОСААФ, где я в перерыв гуляла, собирая яблоки на обеденный десерт, и не разбившиеся стрелковые тарелочки чтоб в них ставить горшки с цветами.

Ещё начальник планового отдела стал делиться интересными экономическими знаниями. Он объяснил, что когда

водитель везёт грузовик куриных тушек, то если он возьмет себе оттуда несколько тушек, то вес грузовика не изменится. Всё. Я сама бы до этого никогда бы не дошла. Так же мне объяснили почему по вечерам все водители вокруг своих грузовиков с канистрами и шлангами ходят. То есть мой познавательный процесс был в полном разгаре.

Рассказывали, что несколько лет назад водители пивом или молоком машины мыли: некуда было девать. Как сливали в канавы бензин, чтобы наличие в баке совпадало с приписанным километражем. Но это было уже несколько раньше, чем когда я устроилась туда на работу.

В 1986 году сливать в канаву было уже нечего. Была прямо обратная проблема: бензин присутствовал в талонах на городские заправки, но на заправках его физически не было. а засунуть сам талон в бензобак – смешно и не помогает. Машины стали массово переоборудовать на газ. Водители очень злились и не хотели. Можно было в окно любоваться как по холоду по утрам эти новоявленные грузовики на газу заводили с толкача, таская на тресе тягачом. Но процесс переоборудования шёл бесповоротно.

===== Знакомство =====

Мы с Сергеем познакомились на свадьбе у моей той институтской одноклассницы – Натальи, дядя которой вкатил мне "уд" на госэкзамене за неправильную позицию к этой энергетике. Мы только что выпустились из института, получили распределения: я – на автобазу на краю Луганска

экономистом, Наташа не помню куда, но к родителям в Ровеньки.

Наташа выходила замуж за соседа по подъезду, с которым познакомилась когда он приехал в отпуск. Станислав Шуляк – высокий статный блондин, который только что окончил военное училище и получил распределение в Тбилиси. Он был Серёгин друг по курсантскому землячеству УВВАКУ. И вот Серега у них на свадьбе был дружок

У Наташи так совпало, что отец глубоко болел раком и поэтому большое веселье не устраивали, все было в квартире по минимуму.

Я отчаянно не хотела ехать на ту свадьбу: во-первых я ненавижу долгие застолья, во-вторых там вообще не будет моих знакомых, в-третьих Ровеньки уже занимали определенное место в моей жизни, в четвертых мне надо было на первое занятие на курсы кройки и шитья в воскресенье. Но меня очень сильно прессовал ее двоюродный брат, который просто пришел за мной домой уже с билетами на автобус.

Когда мы приехали, то заметно опоздали к началу в переполненную квартиру и меня посадили сбоку стола, буквой «Г» к дружку. Мама невесты сразу определила, как она ему угодила. Он замечательно оживился, и весь вечер следил, чтоб я ела и пила. Ещё у меня необычное для данной местности имя, во всяком случае Серёга такого не слышал. Поэтому, как рассказывала невеста, он под диктовку его записал, и потом со шпаргалкой заучивал.

Весь субботний вечер, то есть полночи он мне что-то рассказывал, прислонив к подоконнику на кухне, ему надо было чтоб я почувствовала как я ему нравлюсь. Я пробовала с ним общаться вопросами, спросила должна ли женщина работать. Он меня известил, что без работы скучно. Потом я еще что-то замутила и он задумался.

– Что ты так долго думаешь? Неужели твой ответ имеет такое значение?

– Эти слова будут иметь значение когда мы начнем ссориться.

Ну, как не запомнить такую фразу? Пацан знает, что ему всегда смогут припомнить что он сказал.

Потом его наконец от меня уволокла Наташина мама и мне дали покой. Я даже не помню где меня примостили, но ранним утром я уехала, и в воскресенье пришла на своё первое занятие на кройку и шитьё. То есть на второй день свадьбы я не осталась.

Дружок утром был в шоке, но как-то пережил. Ему же надо было отбивать номер дальше.

Во вторник он явился в Луганск с цветами. Потом неделю было то, что в баскетболе называют «прессинг». Он познакомился со всеми с кем смог: мама, папа, соседи, собака, кошка. На работу ко мне приходил посмотреть, к родителям своим один раз притаскивал на машине отца. И все время рассказывал какой он одинокий, его никто не любит. Но примерно через неделю уехал – отпуск кончился. Это был его

первый отпуск.

Я как-то быстро о нем забыла. В прямом смысле забыла, потому что вокруг людей валом. Тем более в бухгалтерии вечно то конец месяца, то начало проверки.

Наша автобаза обслуживала практически все магазины города, там было около 500 автомобилей.

Тут меня ещё начальник планового отдела взялся учить водить автомобиль, потому что я горько пожаловалась на ДОСААФ: меня не хотели брать учиться – нет мест. Раньше на все эти государственные курсы попасть было затруднительно, особенно если у тебя нет автомобиля и цель учебы не определённая. То ли дело мальчишки. Их всех ещё в школе учили. Как же! Их ждали ряды самосвалов и комбатовские УАЗы. Так что мальчишков поголовно всех ещё в школе ждал ДОСААФ.

Так вот, прихожу я домой достаточно не рано, а мать говорит что мне звонили и звонили, но она дала мой рабочий телефон. Потом мне и на работе на следующий день радостно улыбаясь говорили что «звонили и звонили». Я в это время по объездной училась водить, пришла домой и до меня наконец дозвонились. Разговор был не длинный. Я спросила:

– Кто это?

– Сергей.

– Какой Сергей?

– Я – Сергей из Москвы! – тут он обиделся.

– А, да, здравствуй.

– Можно я приеду?

Я растерялась, потому что не очень понимала, как я могу ему запретить перемещаться по стране. И сказала: «Можно». Всё. Весь разговор.

Через пять дней он был у меня с квитанцией, что он заказал и оплатил аванс в ресторане и свадьба через четыре дня – двадцать второго ноября. Я о*ла. Это был пипец с квитанцией об оплате.

Ну, что я могу сказать, кроме того что сопротивляться надо было сильнее. Ну, получилось, как получилось. Но жизнь с родителями уже стала напрягать. В этом уже было что то противоестественное: я уже ни где не училась, мне было дискомфортно дома, и на работе не нравилось. Почему бы не уехать, а там посмотрим. Мальчик был рьяный, молоденький, красивенький и как видно крайне инициативный. Про армейский алкоголизм мне тогда было ничего не известно. У меня даже одного знакомого военного не было. И ни одного курсанта тоже в друзьях не значилось.

Мать с одной стороны очень загрустила потому что я уеду, а с другой очень обрадовалась так как у всех её знакомых дочери были замужем, а меня возрастную уже даже и обсуждать перестали. Вот такая катастрофа в душе у женщины – матери двадцати двухлетней дочери эпохи позднего «совка».

===== Сваты =====

На следующий день к нам приехали его родители знакомиться с моими. Меня они уже раза два видели ещё со вре-

мён свадьбы подруги.

Я высказалась, что не хочу большого праздника: давайте тихо распишемся. Свекровь это взорвало, она что-то рассказала о позоре, о том, что это первый из ее четырёх детей женится и: «Я своего сына с заднего прохода женить не буду! Если хотите так, то расписывайтесь где-нибудь не в нашем городе». Я заткнулась и не стала никого огорчать. Я поняла, что надо просто отбыть номер.

Родители разговорились, и свекровь рассказала про мужа с интересным сочетанием имени – отчества: Митрофан Моисеевич, что он работает всю жизнь водителем молоковозки. И у него была уже старая машина, а в конце 1985 года выдали новенькую. И вот в самом конце апреля этого – 1986 года вызвали его и сказали, что пришла срочная разрядка ехать в Чернобыль: там что-то серьёзно горит и надо заливать водой, поэтому собирают молоковозки по всей стране. И поскольку машина у него новенькая, то она легко доедет расстояние до Киева.

Митрофан Моисеевич за всю свою жизнь однажды был на море, остальное время он предпочитал находиться дома. И теперь ехать не хотел, тем более страшно и не понятно, что там в том Чернобыле горит. Ему сказали, что у него есть выбор: или он едет, или идет слесарем в ремонтный цех, а машину передадут тому кто согласится на поездку. Свёкр был уже не молод и "на яму" идти не хотел, поэтому и поехал. Вернулся он сразу, но без машины. Её как облученную оста-

вили в зоне. А он пересел водителем на свою старенькую машину, которую не успели списать.

Сергей почему-то очень стеснялся своего отчества. А по поводу сочетания говорил, что в деревеньке откуда родом его батя имя Моисей считалось козырным, и там многие были с таким именем.

Для свадьбы нужен наряд. Вот где я его должна брать за три дня? Я взяла в прокате. Он мне реально понравился: просто, без лишних рюшечек. Какой-то веночек и обувь. Вот с обувью был капздец. Серега практически со мной одного роста, то есть он официально на четыре сантиметра выше, но у нас разные прически. Какой-то мутной траекторией нашлось что-то белое без каблуков.

===== Дружка Лена =====

В дружки я уговорила свою одноклассницу и одногруппницу Лену.

Мы с Леной вместе учились в школе, а потом еще и в институте. Она по моему была на порядок умнее меня, более связана с жизнью и много чего успела за время дружбы мне рассказать познавательного. Например, о Голодоморе: "Как тут можно сделать голод? Тут палку в землю воткни и она расти будет!". Ее семья была из украинского села, дома разговаривали на украинском. Это мы обменивались информацией, полученной от своих бабушек.

Я ей рассказала про то как мои бабушки – дедушки через горы ночью пешком уходили от резни 1915 года, унося на ру-

ках маленьких детей. А она мне рассказала в подробностях о страшном голоде на Украине. И на: "Почему же не уезжали?" Добила: "Оцепили и не выпускали". Я очень удивилась, особенно на дату, даже неосознанно не смогла поверить.

В общем, Лена была очень близкая моя подруга, но общались мы только на занятиях или по дороге домой. Вместе мы почти никуда не ходили. Она была еще более домашняя девочка, чем я. Стоило ее куда-то пригласить, как она по телефону отвечала: "Я только что помыла голову и не могу сейчас идти". Я сначала думала, что это она только со мной не хочет, но потом про ее помытую голову услышала от еще одной одноклассницы и мне стало легче.

После института мы с Леной периодически стали встречаться и сверить новые ощущения от работы. Её интересно было слушать и как передового специалиста по культуре: она и опишет, и напоёт, и даст определение. В кино несколько раз сходили. В стране повытаскивали какие-то фильмы, которые некоторые считали непризнанными шедеврами, а другие склонялись, что вредная муть. Лена смотрела – смотрела и изрекла: "Сколько я смотрю эти фильмы, то вот на полках они лежали? Там им и самое место". Не знаю что ее окончательно в этом утвердило, может: "Комиссар", но скорее "Долгие проводы". Меня лично всё устраивало, я сама задумчивая как фильмы Тарковского.

Лену в дружки пришлось уговаривать очень сильно. Моё предложение выходило для нее за все мыслимые рамки. Я ей

рассказывала, что там будет классный красавчик – дружок и все такое. И про то, что все разъехались, и если не она, то кто? В общем я ее "добила". Она согласилась и начала выбирать платье, вызвала к себе домой и предоставила для обзора варианты. Одно ей больше нравилось, но её мама забраковала выбор, потому что в платье были использованы черные цвета. Я ответила что на нём много белых пятен и мы решили этот вопрос.

===== Свадьба =====

Мои родители уехали на свадьбу на маршрутном автобусе, а за нами с Леной должен приехать жених.

Вот сидим мы, ждем, а жениха все нет. Лена так разволновалась: что делать? Я ей объяснила что подождем еще часик и начнем искать другого. Потому что это целиком его трудности.

Короче, приехал наш жених со своим другом, тоже его одноклассником. Подуставшие, взъерошенные, где-то пришлось толкать машину. Дружок у нас был бывалый, реальный красавчик, и его все друзья приглашали на свадьбы дружком. По крайней мере раз пятнадцать. Он был от этого в шоке, потому что от дружка полагался подарок, а он – бедняга столько не зарабатывал. Он – постовой милиционер и учился заочно.

Мы приехали, обе одеты в цивильное. И вот к нам подходят все Серегины гости и по очереди обеих поздравляют, потому что невесту никто в лицо не знает. Лена мне говорит,

что впервые на свадьбе, где знакома только с невестой. Я ей ответила, что у меня примерно та же ситуация, но все что надо это – пережить этот день.

Потом еще в комнате невест в ЗАГСе прикол. Туда пришла какая-то женщина с дочерью и прямо на невестах стали осматривать платья, объясняли, что скоро свадьба и они присматривают. Вот поприсматривали они на всех невестах их рюшки, а ко мне подошли и стали предлагать мне продать своё платье. Рядом Лена урывалась с этого момента, потому что прекрасно знала, что оно из проката. Я как-то отбилась, и не смогли они меня уговорить.

В Зале торжеств нам вручили факел. Раньше полагалось вручать бокалы шампанского, но в стране началась антиалкогольная компания и в церемонию внесли коррективы.

Двадцать второго ноября оказалось уже по зимнему холодно. На выходе на меня накинули Серегину дубленку, в которой я и осталась на фотках. И конечно же Серега честно меня поднял, хоть я не думаю, что тащить меня легко. Но это было делом его принципа. По моему он даже вздохнул перед этим.

На входе в ресторан нас ждала свекровь с караваем и солью. Я смогла от соли уклониться как я считала незаметно, но свекровь все неодобрительно заметила, а Серега макнулся туда капитально.

На свадьбе было многолюдно, весело. Младшие брат и сестра Сереги – ученики выпускного класса – оба были со

своими женихом и невестой. Мне Сергей рассказывал про гостей кто все эти люди. Помню, еще я загадала себе: «Интересно, будет драка или нет?»

Драка была. И жених озабочено бегал разнимать. Дрались сосед – фотограф с не знаю кем. У Сереги в друзьях было полно одногодок –ментов. Сосед, например, криминалист – фотограф, дружок- постовой. Чем еще парням заниматься? Вот потрудоустраивались.

Дом родителей нашего фотографа через забор. И отец его – Быковский на общественных началах занимался тем, что следил кто что себе везет – тянет и доводил до сведения милиции. Ничто не могло отвлечь его от этого хобби. Народ на это нервничал: то с поля что-то тащишь, то с шахты, а этот над душой. Люди сопротивлялись как могли. Однажды ему завалили ворота, выгрузив на них машину песка. Вот утром он собрался на работу, а калитка, да и ворота слегка припёрты пятью тоннами. Ну и теперь надо всего лишь отбросить несколько тонн песка. Потом антикоррупционера – первоходца избили пару раз и он скончался.

Мой отец подпил, настроение у него резко улучшилось, и он стал общаться с дамами, что не встретило одобрения моей матери.

Потом у свёкров дома отмечали второй день. Всё было вкусно и шумно, но без излишеств – никого в телегах не катали. Свекровь сказала: "Вот тебе, Серёга, свадьба первая и последняя. Живи!"

Вечером мы вчетвером с друзьями сбежали в бар, сидели и базарили под "Луна, луна". Мы с Леной пробовали слегка стебать мальчиков, но Серега солидно ответил, что мы невесть что понаслышали про военные училища, а вот у них всё на самом деле культурно. Серёга вообще был солидный и обстоятельный, а по выправке – эталонный. Особенно это видно, когда он в компании стоял. Прямо глаз резало отличие от штатских и полустатских, настоящий кадровый после многолетней муштры.

=====

В последствии я слышала что родители тоже очень хотели чтоб Серёга женился, потому что его мама ездила к нему в гости на первое место службы и по женски оценила ситуацию. Ему даже припасли через родственников и свояков невесту в Узбекистане и купили ему туда билет на отпуск. То есть после свадьбы Наташи со Стасом, Серега должен был сразу ехать в Узбекистан. Но вместо этого он с шумом сдал билеты и выступил перед мамой, что он сам знает куда ему надо ехать. Девушка, конечно, много потеряла. А может если бы она оказалась достаточно властной, то смогла бы остановить Серёгин поток. Но вообще-то вряд ли.

Фотки мы получили очень быстро. И Лена взяла себе кучу. Она сказала, что показывала их всем подругам как единственный образец, где по лицу жениха ясно видно – он очень хочет жениться.

И хочу сделать маленькое отступление о стоматологии.

Когда мы только поженились, то у Серёги болел зуб. Я этому не придавала никакого значения. Ну болит и болит, пойдёт к врачу и вылечит. Я не знала, что это будет сопровождать нас всю жизнь. Он бесконтрольно боялся зубных врачей, до ужаса. Вот для меня, например, особый страх представляет остаться без зуба. А раньше было страшно получить гной, который может пойти в кровь. Он же боялся именно лечить зубы. Он заливал дырки одеколоном, клал на них солёное сало, ел анальгин пачками. Всё что угодно, кроме пойти к врачу.

Однажды мы были в Луганске и он очень выл от боли. А попасть к врачу была очень большая проблема, талончики на прием – огромный дефицит, их надо было "добывать" или находить по знакомству. Я в зиму, часов в шесть встала чтоб к семи утра прийти в больницу и к открытию регистратуры стоять впереди в очереди. Принесла ему этот талон. Отвела его к врачу и сижу в коридоре, жду. Он вышел максимум через десять минут, прошел мимо меня и ушёл быстро. Я вышла следом не совсем понимая происходящее. Оказывается, что он, блин, сбежал!

Всё это перешло в другую стадию через несколько лет: ему под общим наркозом вырвали несколько зубов, распломбировали и поудаляли нервы ещё в нескольких. Фактически третью часть рта задействовали в этой процедуре. После чего он должен был прийти ещё раз к врачу и начать лечить распломбированные зубы. Вы догадываетесь что он этого ни-

когда не сделал. Но это были ужасные времена страшнющих бормашинок. Один их визг внушал ужас всей очереди, обезболивания тоже не применялось. Врачи говорили, что это им не совсем удобно – они так не понимают где нерв, а где не болит. Нормальные условия для лечения зубов постепенно стали появляться где-то с 1993 года по разным платным точкам. Но мы и не спорили что надо платить. Только кому?

Ещё у Серёги на лбу была маленькая шишка над правой бровью, а над ней чубчик. Я решила, что он где-то стукнулся. Но шло время и шишка не проходила. Оказывается, что это фигня, которую надо вырезать. Но если человек не в состоянии запломбировать себе зуб, то как раз он побежит вырезать шишку. Чубчик и всё тут. Только через многие годы, когда шишка выросла с пол-яйца и знакомый нейрохирург объяснил – она давит на пластинку лобовой кости, гнёт и может пробить её, то только после этого трешевого рассказа Серёга согласился её вырезать. И моментально сменил прическу на короткий ёжик, с которым щеголяли валютчики под обменками.

А так же у него на руке был круглый шрам с копеечную монету. Я долго добивалась откуда он. И в конце концов Серёга рассказал, что ещё в школе зацепил где-то бородавок, много, и никто не мог ему их вывести. И по врачам ходили, и по бабкам. А потом его друг сказал: "Что ты мучишься? Давай эту – самую большую прижжем, и всё уйдет". И они – два пацана – школьника взяли сигарету, сильно раскурили её

и прижгли. Вонь паленного тела – была. Бородавка сожглась, остальные быстро поотпадали, а у Сереги над большим пальцем левой руки образовался на всю жизнь круглый шрам.

Ну ладно об этом.

После свадьбы Серега быстро уехал, потому что отпуск ему дали краткосрочный.

== 1987. Первый пункт гарнизонной жизни – поселок Дуброво за Черноголовкой ==

В последних числах 1986 я наконец смогла открепиться и уволиться. Даже было не так: главный бухгалтер не понимала куда я так тороплюсь и «где горит». Я просто взяла билет и вместе с матерью уехала в Москву. Оформлять моё увольнение как особо ценного молодого специалиста предоставила отцу. Он со скандалом и угрожая военным прокурором забрал мою трудовую книжку, в которой сначала хитрая и коварная кадровик неправильно написала основание увольнения. А ведь Серега еще до свадьбы прихватил для меня справку – открепление. То есть еще до того как заказать ресторан, у него уже была справка где моя фамилия звучала по-новому.

===== историческая справочка =====

Как раз к моему отъезду начались первые крупные беспорядки в СССР: в Алма-Ате по национальной причине : к ним вместо Кунаева назначили русского. Мы тогда не знали что это первое ту-ту СССР.

Шмоток я с собой набрала валом, включая коллекцию

пластинок, без которой "не мыслила своего существования". Не все, конечно, но порядочную кучу. И магнитофонные ленты, особенно главными были бабины – гиганты с "МодернТокинг" и Любовью Успенской "Гусарская рулетка" – самый модняк того сезона.

Я совершенно не представляла куда я еду и зачем бы мне это всё там пригодилось. Сегодняшняя я так бы не поступила: максимум – сумка вещей на первый случай.

Серёга приехал встречать на Павелецкий на крытом КАМАЗе. Когда он увидел мою мать, то удивился, и оказалось что теперь на всех не хватит места. Поэтому взяли такси, на котором мы поехали за КАМАЗом. И на трехполосной дороге сзади смогли лицезреть как этот КАМАЗ одновременно с двух сторон «притерли» два грузовика и сбили оба зеркала заднего вида одновременно. Было красиво.

В общем ехали мы ехали, и приехали в дремучий лес: через всю Москву проехали на другую сторону города, потом мимо Звездного, мимо Черноголовки, в лес, где стоял длинный голубой деревянный барак, а рядом несколько «финских» домиков, за которыми виднелась стена военного городка.

Новый 1987 год мы с Серёгой отмечали через несколько дней в Ногинском ресторане. И мне там не понравилось: чужие люди, чужое пространство. Я вообще очень домашний человек. На следующий день мы ходили знакомиться с семьями Серёгиных сотрудников, и было веселее.

Короче, я переехала жить в подмосковный военный городок Дуброво, автобусы на который отправляются со станции Щелково и трасса идет мимо Звездного и Черноголовки, а дальше на Владимир, но надо не пропустить поворот съезда с трассы.

Мы жили в длинном деревянном бараке, поделённом на шестнадцать комнат, по восемь с каждой стороны. И нам обещали дать жильё в доме, который строят. Нам потом всегда обещали жильё в каком-нибудь доме, который строят. Мы все время переезжали и жили в квартире только один раз полгода, и один раз в коммуналке на три семьи, а последний раз вообще в гостинице полгода...

Так вот: деревянный барак был окрашен в приятный голубой цвет, и в нем было валом крыс. Они гадали по чердаку и, с учетом древесной постройки, я их слышала постоянно. Но щелей в нашей комнате больших не было, и к нам мог проникнуть разве что совсем маленький крысенок. Пару раз мы так их и ловили подручными предметами и скармливали кошке.

Сначала мне казалось, что сейчас крысы прогрызут потолок и свалятся ко мне на голову. Потом когда их вдруг не становилось слышно, то я начинала думать что произошел какой-то ужасный мор или начался пожар.

У нас в бараке был широкий и абсолютно пустой не заставленный ничем коридор. С двух сторон в конце были умывальники и Серега со временем после моих инженерных

изысканий провел нам в комнату воду – наша комната была вторая от двери, то есть очень близко от источника воды. Но канализацию провести было невозможно и надо было сливать в ведро. Забегая вперед скажу, что после нас в эту комнату вселился офис местных ЖЕКовских женщин, потому что тут была вода. То есть просто добросить водопровод через три метра – таки да – серьезный инженерный проект.

В противоположном от нас конце коридора находился единственный общий туалет на три кабинки и однажды он забился. Туда прислали солдата чистить. Он просто сидел рядом и ничего не делал. Потом пришел сержант в красных погонах и вой перекрывал всех крыс на год вперед, после чего как-то сортир был вычищен.

Еще однажды захожу в помещение туалета, а на меня крыса смотрит. Ну, я вежливо ушла. Вернулась через время – её уже не было.

В комнате напротив нас жил неженатый лейтенант, с проблемами позвоночника после того как на КАМАЗе перевернулся. У него в комнате по всем приметам были очень большие щели. Он ставил крысоловку и наловил кучу крыс. При этом убитых крыс он выкладывал перед своей дверью. Я открываю дверь и прямо напротив вижу гигантскую мертвую крысу, на следующий день другую... В конце концов мы спросили этого соседа зачем он их тут кладет. Он объяснил, что ему сказали, что если на порог класть убитую крысу, то другие в такую комнату не придут. То есть тот факт, что они

залезали к нему через чердак, а клал он убитых у двери, лейтенанта абсолютно не смущал.

Я вспомнила анекдот о чемпионате среди студентов по забиванию гвоздей лбом, там однозначную победу одержали курсанты. Они забивали дольше всех, но шляпкой в стену. Но благодаря этой своеобразной "выставке" я смогла увидеть как эти крысы выглядят. Это были ужасающих размеров животные самой разной формы: некоторые длинные, некоторые шарообразные. Кошке там было делать нечего. Они бы ее моментально разорвали, боюсь что и человеку там было делать нечего.

Другой сосед был рыжеволосый прапорщик Дима, красивый и атлетичный начальник гауптвахты. Он занимал угловую комнату прямо напротив «технического» помещения, где был водопровод. Серёга рассказывал что когда он приехал в Дуброво, то Димы некоторое время на месте не было, он где-то в Москве "выступил" и его там "замели" на Гауптвахту.

Было красиво: "Где начальник Гауптвахты?" Ответ: "На Гауптвахте". На столичной Гауптвахте общество у Димы было хорошее, были даже полковники. Они там проводили время за чтением Устава Прохождения Службы и немного ходили строем.

Дима мечтал поехать служить в Афганистан и каждый месяц писал рапорт, но на Афган разрядки ему не пришлось, в 1987 этот трафик для героев уже прикрылся. Ему пришла

только повестка в суд на алименты после поездки в отпуск на родину куда-то в Поволжье. Поскольку тогда еще ДНК – тестирование не проводилось, то Дима стоял на своём рубеже «на смерть»: знать не знаю, переживал за свои деньги. Его родственники тайно ходили посмотреть на ребенка, это была рыженькая девочка, так что Димон это "очко" тайно записал так на свою пользу.

Однажды Димка купил ружье и мальчики решили его опробовать. Мы втроем отправились на лыжную прогулку через лес. Шли мы, шли и дошли до новенького дачного городка.

Мне скомандовали: "Отвернись", послали и мы пошли обратно. Так они не придумали куда им стрелять. А потом слышу: стреляют. Оказалось, что они стали стрелять по дятлам возле нашего жилья. Я так орала, у меня была почти истерика. Я очень уважаю этих птиц. У меня в Луганске один во дворе жил на телеграфном столбе. Больше я про стрельбу от них не слышала. Вообще – то они искали зайца или ворону, но вот не попались.

В конечном счете Димка попал в тюрьму за побои. Детали я не знаю, мы тогда уже уехали. Но солдатам один вид его внушал ужас. Для меня он был добрым соседом, с которым дружил мой муж. По утрам он делал серьезную зарядку с огромной гирей, по вечерам беспощадно пил. У него была более – менее постоянная подруга или две по очереди. Я уже точно не помню. Но его фоток у меня куча, потому что мы

вместе бывали на шашлыках и однажды ходили кататься на лыжах.

Ещё у Димки в комнате была типа занавески, сделанная из разрезанных магнитофонных лент, тогда такой был молодежный прикол, я и в студенческой общаге такое видела, и себе такое хотела. Но попробовала сделать и убедилась, что по факту это очень неудобно: лента намагничивается и тянется следом, липнет и запутывается.

С другой стороны от нас жил прапорщик – дагестанец, который разговаривал с большим акцентом, с женой – Зулейхой и маленьким ребенком. Его жена стирала в коридоре в корыте ногами, зрелище было интересным. Они объясняли, что у них так традиционно принято.

Дальше жил еще один прапорщик – русский с женой и двумя маленькими детьми. Это был высокий худой в очках алкаш, который периодически устраивал дебоши. И он очень гордился своими маленькими сыновьями, рассказывал что сын – это же будущий его защитник. Жена была маленького роста щуплая безропотная женщина. Под комнатой у них был вырыт погреб и там однажды сгнила капуста, вони мало не показалось.

Остальных жителей барака я не помню, возможно, что там больше семей не было. Однажды ночью я слышала какие-то крики, потом слова Серёги, что в коридоре всё в крови. На утро я уже не очень понимала приснилось ли мне это или нет, но по коридору потом на полу появились вьевшиеся на-

всегда пятна крови. Полы были деревянные и, естественно, плохо покрашены в зеленый цвет с протертыми бесцветными местами.

В самом начале жизни в Дуброво я стала писать письма своей подруге Лене, еще и снабжая их иллюстрациями. Очевидно, это редкость в письмах. Когда она читала, то её отец глядя издали спросил: "А то что?" "Картинки" – ответила она. "А-а-а", – сказал её папа. И там был какой-то мой стишок, но история его не сохранила. Вообще-то я стихов я не пишу, но вот случился. Жаль, что эти письма не сохранились.

Мне очень нравилось тягать Серёгин спортивный костюм, при этом я подкатывала рукава и штанины. Серега этого не одобрял. Вот берёт он свою мастерку, откатывает рукава, возмущается, а потом берет штаны, а там опять откатывать надо: "И везде один фасон". Еще я носила Серёгины меховые шапки, но поскольку свекровь их сама шила и продавала, то у него их было штуки три: ондатровая, лисья, собачья.

Собачьи шапки случались у свекрови потому что у них во дворе всегда бегало много собак, включая прибившихся. Попадались очень симпатичные, свекровь их любила, как и котов. Но свёкр часто заезжал во дворрезко, и несчётное количество животных попало к нему под колеса. И дабы добро не пропадало, с них тут же сдиралась шкура.

====

Серёга ещё до моего приезда притащил и установил в

комнате самодельный электро-радиатор. Это была настоящая ребристая чугунная батарея почти во всю длину стены, установленная под окном, в неё залили солёную воду, и она включалась в розетку. В комнате было тепло. Батарея аж гудела. Я не представляю как электросеть такое выдерживала и почему нас не поубивало током. Но я не разбираюсь в этих вопросах. Вообще там электросеть наверное была мощнейшая.

У нас в комнате был столовский квадратный стол у окна, две кровати по боковым стенам: одна пошире, а другая узкая односпалка, черно – белый телевизор на ножках и очень глубокая ниша, выполнявшая функцию стенного шкафа.

На входе часть комнаты была выгорожена уголком под прихожую – кухню. Там была вешалка с большими металлическими крюками, на которой висели Серёгины шинели и бушлаты. В углу был садовый ручной насос с ведром внизу и узенькая вдоль стены до двери полочка. На ней стояла электроплита на две конфорки. Потом я докупила электро – духовку. Холодильника у нас по началу не было. Но был подмосковный январь и холодильником служил пакет за форточкой. А что еще человеку надо?

Потом более широкую кровать, из которой торчали беспощадные пружины мы выкинули и поставили раздвижной диван. А узкая кровать использовалась чтоб на неё сбрасывать вещи и для гостей. К нам периодически ещё и кто-то приезжал. То есть приезжали в Москву, но останавливались

у нас. Я помню смешную фразу, что для молодожёнов узкая кровать это роскошь. Вот примерно так и было.

С этой форточкой, изображавшей холодильник случилось то, что должно было случиться – мы её разбили. Но благодаря мощной батарее холодов от этого не наступило. Потом как-то стало прохладно, наверное я батареею выключила при первой же возможности: я ее крепко побаивалась. И я сказала Сергею, что с окна дует. Он мне посоветовал взять вату и заделать щели. Я спросила: «Зачем же я должна заделывать щели, если и стекла-то нет?». Немедленно был прислан солдат – стекольщик и всё исправил.

Мой муж был сказочно ленив. На все что надо было сделать, он всегда отвечал: "Я пришлю солдата". Однажды надо было вставить другой дверной замок, потому что этот уже рассыпался. Надо сказать, что на этой несчастной двери была куча отверстий от бывших замков, но вот совсем подходящего не было. Я просто немного потрудилась и вставила замок в дверь сама. Не знаю почему приход очередного солдата – специалиста вызывал у меня злость. Я вообще в прошлой жизни к военным испытывала раздражение. Не знаю до какой степени меня нужно было доконать дома властной опекой и тем что «подруги замужем давно», чтобы я сбежала замуж за первого встречного военного только бы уехать подальше.

Кстати, у нас были на мой вкус очень красивые обои. Я спросила о них и Серега через замыкание сказал что – да, это

он их приклеил. О, наивная молодость. Потом ко мне в гости пришла соседка – Лена из финского домика напротив и рассказала что раньше в этой комнате жила она со своим прошлым мужем и все обои тут клеила и щели от крыс заделала именно лично она. А раньше тут крысы сновали аж бегом.

Когда окончательно степлело, то мы вынужденно купили высокий холодильник Донбасс, и он занял центральное место в нашей комнате и кажется почему-то не гудел. Я просто про "гудел" не помню, может сон был крепкий. У нас в холодильнике всегда что-то было. Серёга периодически при-таскивал из части то мясо с этикетками, гласящими что оно австралийское, то кучу красной рыбы. Еще Серёгина мама нас затоваривала салом солёным, салом топленным, печё-ночным паштетом, колбасой кровяной (которую Сергей не ел). Короче, мы явно не голодали.

Больше всего Серёга любил жареную картоху, семечки и компот. Для компота он самолично купил пятилитровую кастрюлю. А семечками набивал карманы и целыми днями на работе их грыз. Может они его как-то успокаивали.

Ещё родители прислали мне стиралку с центрифугой "Волна-9м", которую Серёга на грузовике ездил забирать из багажного отделения Павелецкого вокзала. Потому что когда моя мать увидела тот барак и его «временные» условия, то была бесконечно шокирована. А я, как ребенок, в обща-гах ранее не живший, отнеслась к этому как к чему-то ин-тересному, к некоему опыту. У меня же не забирали, как я

считала, родительский дом, просто сейчас живем тут.

Воду для стирки надо было греть. И для этой цели я купила себе пару огромных кипятильников. Ведро ставилось на электроплиту, и в него ещё втыкался кипятильник, то есть грели с двух сторон. Для стирки нужно было четыре ведра воды. Но достаточно было закипятить два и к ним долить два холодных. Потом надо было слить использованную воду в помойное ведро и вынести в туалет или на улицу. Бельё вывешивалось на веревки на площадке за баракom.

Но мы на всё это смотрели как на временное – сдадут дом – мы переедем, а сейчас как на даче. Хотя в стране и пошёл движняк, но кто же подумает, что с такой великой глыбой что-то может случиться. И офицер – профессия престижная, у него зарплата больше, чем у инженера в два раза, тем более живём в Подмоскoвье.

=====

Историческая

синхронизация

=====

В январе 1987 арестовали зятя Брежнева – Чурбанова. Как ни за что его "вознесли" так примерно за это же его и "втоптали". Тяжёлая работа быть "просто зятем". И за тем все годы до "окончания" СССР длилось расследование по узбекскому «Хлопковому делу», интересное тем, что следователи и ответчики периодически менялись местами, а в промежутке кого-то расстреливали.

«Легко ли быть молодым?» режиссёра Юриса Подниекса – вторая полнометражная документалка в моей жизни, ко-

торуя я смотрела в кинотеатре. Первая была в Киеве за пару лет до этого – о Вьетнаме (кошмар и нападм).

Смотреть фильм мы с Серёгой ездили в Москву. Этот фильм был более интересен Серёге, чем мне, потому что показывал новую советскую молодежь. А Серёга считал себя как бы педагогом. Называл солдат детьми с большими концами.

В фильме показывали различные молодежные направления: панков, металлистов, рокеров, кришнаитов, драки, "афганцев", конфликты с родителями, самоубийства, наркотики, токсикоманию. Тогда это всё были новые озвученные темы. И что молодежь поменялась было новым, и что вслух обсуждается – тоже. И весь этот перечень не был пустыми словами для Серёги, потому что в армию призывали всех юношей, и с ними приходилось находить какой-то общий язык, пока они втягивались в армейский унифицированный быт. А если к этой смеси добавить еще и оживляющийся национальный вопрос, то мало не покажется никому.

Именно в разнообразии "материала" скрывалось что трем двадцатипятилетним офицерам трудно было круглосуточно совладать с сотней разномастных "тонко-чувствующих" юношей – почти их сверстников, и только кулаки, в том числе и "дедов" быстро вносили унифицированность в диссидентские сознание. Как говорится, в казарме все "безобразно, но единообразно".

=====

Историческая

синхронизация

=====

В феврале в Москву приехала Маргарет Тэтчер, которая была премьер-министром Великобритании. Сидя на кожаном диванчике у журнального столика, она рассказывала трем советским главным коммунистическим пропагандонам про всё подряд, что спросят. А они не спрашивали, а наезжали на неё.

Вся обстановка этой непосредственной близости показала разительный интеллектуальный и поведенческий контраст этой дамы с её интервьюерами. И в конце её знаменитое: "Сенкью, джентльмены" стало у нас как прикол, потому что с советских пропагандонов такие джентльмены, как из болота океан. А у Тетчер с интеллектом оказалось что все в порядке, она уже после отставки даже в сериале – политической сатире : "Да, госпожа премьер -министр" отметилась.

Я не знаю как у меня в сознании приоритеты расставляются, но когда была Фолклендская война, то я была за Тетчер и против Аргентины, а когда играл Марадонна, то я была за Аргентину. Так что всё очень тонко. Но Советский союз я ненавидела в том его виде за тьму "нельзя" и "положено", за то, что "джинсы" – осуждаемо, что фильмы знаменитые не показывали или куски вырезали, что музыку современную только по капле показывали, за то, что за границу поехать – надо характеристику у комсоргов брать, что под церквями облавы устраивали. Ненавидела.

=====

На недельку приехали в гости мои родители. Мой отец получил, наконец, возможность поближе познакомиться с Серёгой и нашел его замечательным парнем.

Они вместе пили, гуляли на природе. За природой далеко ходить не надо было. Она начиналась в трех метрах от барака. Можно сказать, что и сам барак был частью природы. Отец, осмотрев огромный коридор барака, сказал что мы можем расширить своё пространство если поставим в коридоре большой сундук. Серёга этот большой с украинским размахом сундук тут же и заказал, но когда его притащили, то выяснилось что он не проходит в дверь. Его утащили обратно и переделали.

Теперь у нас одних в коридоре стоял высокий сундук. Я на него ставила свою электро – духовку и пекла тортики. Мне нравилось.

В том сундуке хранилось я даже не помню что. Наверное, картошка, которую стырили из армейской столовой и старые Серёгины шинели и бушлаты. Я вообще не помню что бы мне требовался этот сундук, разве что в качестве стола, чтобы не чадить в комнате. Кстати, когда мы уехали, то сундука этого не забирали, Но потом Серёгу за какими-то делами прислали в Дуброво и он по случаю его забрал и установил у себя в роте в Ступино. По итогам благополучно переправил в Луганск в контейнере. Я очень удивилась увидеть его вновь, открыв контейнер с вещами. Что говорит о Серёгиной супер-хозяйственности.

Попозже с первыми одуванчиками приехала к нам свекровь с младшей дочкой – Галиной. То есть в Москву за покупками: Галя только что окончила школу и стала юной невестой.

Свекровь обошла вокруг нашего барака, потом подрядила меня нарвать цветков одуванчиков, да побольше, и крапивы. Из одуванчиков она нам смастерила очень вкусный сироп, а из крапивы мы получили весенний борщ. Елена Николаевна просто кудесница из ничего.

Однажды я завела себе котёнка. Назвала его Манька и объяснила что это в честь любимой сестры Ленина. Это конечно же было шуткой. Это был сиамец – полукровка. Откуда он взялся я не помню. Я с ним много играла и научила бегать по стенному ковру. Он забегал за лакомством под потолок. Потом мы поехали летом в отпуск и я отдала его жене Серёгина сослуживца, где он и прижился.

С этим котенком связана одна из первых моих финансовых глупостей: я ездила в Москву прогуляться с фотоаппаратом, и на обратном пути купила молоко в треугольном пакете, которое естественно разлилось. Но это ещё не совсем моя глупость, это неприятность. Но вот то, что я сама разобрала фотоаппарат чтоб его почистить привело к тому что пришлось хорошо раскошелиться за то чтоб его собрали в ателье. Это был "Киев", который подарил мне отец.

Деньги у нас в первый год были из подаренных на свадьбу плюс Серёгина зарплата. Она у него была по меркам совка

ровно как две инженерских. Например, мне после института как экономисту установили сто двадцать рублей, а у Сереги было сразу двести пятьдесят. Очевидно, государство имело ввиду что жёны военных работать не будут, хотя бы потому что особо в лесу и не где.

Мы жили вполне себе дружно. Я разнообразила жизнь как могла. Например, ещё в 1987 -1988 годах набрала билетов на кучу концертов. Это были огромнейшие залы, стадионы сборных концертов. Я помню мальчика – Преснякова, который танцевал Чаплина на концертах Вайкуле, группу "Мираж" как самую главную звезду, группу "Любэ", объявляющую на всех концертах что их гитарист женился. Когда выходил Киркоров в пиджаке с изображением часов, то он пел всего одну песню про часы и весь зал вздыхал огорчённый, что вышел певец очень похожий, но это опять не он, не Женя Белоусов.

== 1987. Москва Златоглавая и наш скромный уют ==

===== Историческая синхронизация

=====

Летом подряд умерли самые любимые наши актеры Анатолий Папанов и Андрей Миронов. Было жалко. И от каждого из них осталось по новенькому последнему фильму: "Холодное лето 53" и "Человек с бульвара Капуцинов". Еще с каких-то дел разделился Большой театр, как говорили на "мужское" и "женское".

Чтобы "добить" тему кино, то в этом году ещё вышли

культовые "Асса" с тьмой музыки, бандитскими авторитетами и прекрасной красоты актрисой, и "Десять негретят", которые хоть и убийца – судья, но можно смотреть и пересматривать. И Рязановский "Забывтая мелодия для флейты", с метками нового времени: "хором, который никак не мог вернуться с гастролей" и коррупционерами.

В следующие годы уже на советские фильмы можно было не рассчитывать, их почти перестали выпускать. Теперь только видеосалоны. Но тогда же мы об этом не знали!

Я выросла на кипе папиных пластинок на семьдесят восемь оборотов, и к чему – чему, а к широкому разнообразию музык приученной не была. Из года в год на новогодние праздники шли три обязательных к просмотру концерта: "Голубой огонек", "Песня года" и глубоко под утро "Мелодии и ритмы зарубежной эстрады". Я это всё записывала на магнитофон по трансляции и наслаждалась до следующего года.

Теперь же по мере стремительного уменьшения отечественных фильмов росло количество музыкальных передач. Конкурс в Юрмале смотрели всей страной, активно болея не хуже чем на футболе. "Музыкальный ринг" я тоже не пропускала. Это было из Ленинграда, и их канал у нас в лесу нормально принимался.

Пластинок и исполнителей появилось много и разных. Мне нравилось всё. Это абсолютно отвлекало от каких-то там крыс на чердаке, тем более к нам от них входы были за-

крыты героическим трудом предыдущей владелицы этих хоров.

Сериал "Спрут" с красавчиком – одиноким героем Микеле Плачидо мы смотрели по моему все годы нашей казарменной жизни. Вот на нем и выросло новое поколение, те кому сейчас от сорока пяти, и они вплотную приблизились к монопольному руководству страной. Я и такие же как я формировались под Штирлица, "Вечный зов", "Тени исчезают в полдень", "Четыре танкиста" и поэтому мы немного другие. Но наступило время "Спрута" и знания, что с мафией бороться бесполезно: её можно только возглавить.

Но не только по линии музыки и кино менялся мир. Армию штормило тоже по весёлому. Такого позора как получили советские противо – воздушные войска мир не видел, когда 28 мая 1987 года девятнадцатилетний пилот – любитель из Германии Матиас Руст посадил самолёт на Большом Москворецком мосту, предварительно сделав пару кругов над Красной площадью.

Только вокруг Москвы вроде бы было три кольца обороны. Сколько раз его теоретически должны были сбить? Я бы не сказала что кого-то это ужаснуло. Все весело стеблись с этой Перестройки как могли. Ржали, сочиняли песенки и частушки, рассказывали анекдоты. Самый известный это то что Красная площадь это "Шереметьево-3", поэтому курить тут нельзя.

Нашими соседями, теми кто жил в городке за высокой сте-

ной, были как раз ракетчики и подводники. И одного ПВО – шника судьба закинула к нам в гости. У Серёги были грузо-вики и, поэтому знакомых, которым чего-то когда-то понадобилось было валом.

Этого воина он притащил к нам в гости, наверное, чтоб вволю пообщаться и поржать: "Слышь, я насколько понимаю, у вас фанеру закинь в небо и вы её должны будете увидеть". ПВОшник веселья не разделял, потому что это его честь мундира. Он что-то рассказывал про то, что вели – передавали.

Лично я сделал для себя вывод, что никто не хотел брать на себя ответственность за принятие решения. Потому что в армии ровно за одно и то же могли как дать орден, так и выгнать с работы. Тем более после сбитого в 1983 году над Сахалином пассажирского "Boeing 747" вопросы целесообразности "плавали" именно между "абсолютно необходимо" и "ни в коем случае".

Главным выгодо – приобретателем от этого срама неожиданно оказался Горбачев. Он устроил настоящий погром в руководстве армии. Кроме всех задействованных по линии траектории полета Руста, выгнали ещё и руководство, вплоть до министра. Министром стал Язов, который как впоследствии выяснится, Горбачева тоже крепко недолюбливал. А снятого министра Соколова как видно совесть не мучила, иначе бы он сто один год не прожил.

В первые годы мы практически всегда на воскресенье уез-

жали в Москву развлекаться. Ходили по городу, по выставкам и музеям. Прикольно было лазить внутри по собору Василия Блаженного. А еще запомнила на всю жизнь выставку фарфоровых фигур. Там были птицы, рыбы которых невозможно было отличить от настоящих, сколько в дальнейшем я ни посещала выставок фарфора – ничего даже близко подобного не видела. Это было на улочке сразу за Красной площадью. Я бы хотела теперь вспомнить чьи это были работы. Кто-то иностранный.

Из Москвы мы всегда привозили себе буханку черного Бородинского хлеба, мороженое "Лакомка" и газету "Московский комсомолец". Бородинский хлеб мы ещё и в Луганск на гостинец таскали, Серёга считал его совершенством. Мороженое тоже такое только в Москве продавалось, оно было очень похоже по вкусу на пирожное, было рулончиком в глазури. А газета "Московский комсомолец" отличалась "глубокой печатью", то есть фотки в ней были несравненно более четкими, чем в остальных, музыкальной рубрикой и карикатурами Алексея Меринова. Для его карикатур я завела себе отдельную тетрадь, вырезала и вклеивала. Эта тетрадь у меня и до сих пор хранится в моем книжном шкафу в Луганске.

В Парке Горького, тщательно проверив мелкие вещи в карманах, мы однажды крутанулись на трешевой карусели. Я такое не выношу, но раз уж пришли. В Измайловском парке было вообще не понятно – парк это или бескрайний лес.

Что меня удивило в Москве своей неожиданностью по

сравнению с Луганском, то это их продуктовые магазины. В них абсолютно все было импортное. Когда я просила у продавца курицу, то он спрашивал: "Какую? Французскую, Венгерскую, Польскую?", то же касалось фруктов, масла, овощей. Картошка и сахар были кубинские, мясо Австралийское, яблоки – польские и венгерские. Они не портились и были без изъянов. Легенда утверждала что их для этого облучали.

Солдат в армии кормили красной рыбой и австралийским мясом. Для меня это было странной вакханалией. Я не могла понять зачем кур, масло, картофель тащить из Франции??? У нас в Луганске продавцы тоже спрашивали: "Какое вам масло?" Но это было перечисление наших местных заводов – производителей: Беловодск, Старобельск, Новоайдар, Попасная... То же касалось мяса и кур, картошки... Разве что мандарины с апельсинами на новый год были Абхазские.

И мне вспомнился рассказ – объяснение одного лектора об истории Украины девятнадцатого века: арбузы на ярмарку не возили, потому что они стоили слишком дешево и их везде было бессмысленно. Вид телеги, груженной арбузами по дороге на рынок, был бы таким же диким как вид дамы в дорогой шубе, бережно прижимающей к себе большой и грязный силикатный кирпич. Так вот Московские продмаги стали для меня именно такой дамой с силикатным кирпичом.

Моя мать, когда приезжала в Москву, тоже всему этому

подивилась и однажды по телефону рассказала мне как ей теперь хочется бананов, которых в Луганске и близко нет, а в Москве на всех углах. Я взяла картонный ящик, купила самые-самые зеленые бананы, засунула в ящик и отослала ей, но не сказала об этом. Как мне объясняли в темном сухом месте бананы дозревают, а была к тому же зима. Когда родители пришли на почту за посылкой и открыли ее, то на них пахнули прекрасные желтые бананы. Им понравилось, мне тоже.

В 1988 в наш «Военторг» как-то скопом завезли огромное количество всяких пылесосов, радиол, магнитол по сниженным ценам. Я опять не могла понять происходящего. И мне пояснили, что ими затоварены базы, а они морально устарели и освобождается место для новых и более современных. Я и поверила. Всё это раскупили и новых так и не завезли... никогда больше в СССР, это была последняя "вспышка" перед пустынными полками.

Я лично сделала интереснейшую покупку: вязальный станок. Сначала я его осматривала в магазине, потом его кто-то купил, и вот вдруг он появился опять. Как я теперь понимаю его попросту вернули. Лично я им пользоваться не смогла, но не вернула. Он и сейчас стоит у меня дома в чехле за холодильником. И мой муж периодически ехидничал про это: «Когда ты будешь вязать на своём станке?».

Стали появляться первые массовые товары от кооперативов. Это были ширпотребовские шмотки. Например, во

всех газетных ларьках Москвы продавались комплекты трусов "неделька", на них были написаны дни недели. И очевидно от четкости изображения зависела цена, которая немного колебалась. Так вот и у меня был такой комплект. Ещё я себе прибахрила бежевые "бананы" из плащевки и рубаху через голову всю в заклепках и вставках. Жаль что цветных фоток тогда не было.

Наши финские домики и голубой барак стояли вдоль дороги возле леса, а рядом был забор военного городка, в котором жили ракетчики и подводники. Это были войска связи с космосом и навигации по океанскими глубинами.

В городке было уютно: магазинчики, детские площадки, клуб со всякими секциями и на центральном выходе конечная остановка автобуса Москва – Дуброво, который шел до Щелковского автовокзала ровно один час тридцать минут. Автобусы ходили очень комфортабельные – высокие большие Икарусы с мягкими сидениями, строго через каждый час. Еще на эту остановку заезжал из Ногинска холодный дрынчащий шарабан, который ездил по круговому маршруту по окрестностям, но маршрут к нам был не прямо по трассе, а «с заездом» и надо было спрашивать. Если нет, то или ждать другого или идти через лес пёхом минут двадцать.

Наши домишки находились возле городка с другой стороны от центрального входа, и улица ожидаемо носила название "Строителей". На остановку вела тропинка через лес вдоль забора почти на всю длину этого городка. Местная ле-

генда гласила, что там кто-то когда-то повстречал кабана. Я кабана не видела, но когда шла вдоль этого забора, то разглядывала столбы с мыслью куда надо будет взлетать, если все же увижу.

К чести этого закрытого объекта – гарнизона, он был достаточно демократичен: с нашей стороны кроме проходной, метрах в ста от неё была вынесена целая секция забора. И однажды, когда я там шла (это заметно срезало угол), то меня чуть не сбил пролетавший мимо мотоцикл.

Рядом располагалась деревенька, которая будто находилась в четырнадцатом веке. Там все было из неокрашенного дерева, стоял колодец – журавль и возле каждого домика сложены дрова.

Мы мимо этой деревеньки ходили по дороге кататься на лыжах. Лыжи у нас были казенные и невероятно тяжелючие, их Серёга принес из роты.

От Дуброво до Владимира достаточно близко, но я туда так никогда и не ездила. Зато много слышала как туда из Москвы ездят машины с порченными продуктами, например зелеными колбасами, которые моментально раскупались. Как же они могут их есть? Мне объяснили, что их потом заново варят.

Я неоднократно просилась проехаться в этот самый Владимир, все же «Золотое кольцо» и Владимирская Русь, но от меня отмахивались, объясняя что смотреть там нечего: в середине церковь, вокруг серость. Сама я туда так и не отпра-

вилась, наверное потому что и так было куда ездить – Москву изучать.

Ещё развлечением было ходить в лес за грибами. Я в них вообще ничего не понимала, кроме красавцев мухоморов, конечно. Поэтому мы собирали грибочки по своему разумению и показывали соседям. Те что-то откидывали. За тем мы несли остаток к другим соседям, те тоже изучали. А потом ещё Серёга их задумчиво разглядывал. В довершение я их долго варила с луковицей. Нам объяснили, что если там будет отравленный гриб, то луковица посинеет. Я варила часа полтора не меньше, периодически доставая и задумчиво разглядывая луковицу. Как видно мы не отравились.

Ещё здесь все оставляли грибы в морозилке на зиму: варили и вместе с водой в пакетах морозили. Некоторые в морозилку кастрюлю эмалированную ставили и отковыривали по чуть – чуть.

В гарнизонный городок я ходила за покупками в магазин. Одежду я практически не покупала. Просто я этим никогда не интересовалась. В мои интересы входили музыка (коллекция пластинок фирмы "Мелодия" приближалась к исчерпывающей) и почему-то хозтовары.

В первую же зиму со мной произошло интереснейшее происшествие. Но оно и могло бы произойти только в первую зиму с человеком, который абсолютно не знал рельефа местности. Я шла по дорожке из магазина к проходной и провалилась сквозь снег очень глубоко. Я помню это чув-

ство ужаса смешанного с удивлением – тебя быстро засасывает трясина. В какой-то момент моё проваливание внезапно прекратилось, и я как-то выбралась. Никто ко мне не подходил и не помогал. Весной я увидела что там вырыта глубокая продольная канава.

Я приехала в армию и не различала ни погон, ни званий. И это была моя «дикость» в военной городке, где все женщины глядя на новую незнакомую шепчутся: «Чья это жена?». То есть это единственный возможный статус для тех мест. Этот процесс занял у меня порядка месяца три, потому что я сначала не работала и была погружена в изучение Москвы и кулинарной книги.

Когда я выходила замуж, то умела отварить сосиски, сделать яичницу и в общем всё. Поэтому совершенствоваться мне было куда. Я завела себе блокнот и первый лист был исписан ценным рецептом «как отварить макароны». И у меня была знаменитая сталинская Кулинарная книга. Вот сама с собой я и развлекалась.

После того как я энный раз попросила Серёгу напомнить мне кто он по званию, он несколько ошетинившись спросил: «Кем я по твоему могу быть после училища?» Как я теперь понимаю моя забывчивость была идиотская, но честное слово не наигранная. Потом мне объясняли кто такие прапорщики, тоже не скажу чтоб один раз. И за одно что прапорщиков называют "кусок". Якобы они зачастую "дуже хозяйновитые". И у моряков прапорщик называется "мичман" и уже

не "кусок", а "сундук" по той же причине.

В первую же зиму Серёга заболел воспалением лёгких, и его тут же положили в местный госпиталь. Ещё из тогдашних его болезней можно отметить грибок по ногам, очевидно, от влажности и армейских сапог. Мы его как-то вывели. Я раньше про такое вообще не слышала. Поэтому накупила кучу носков и когда он снимал носки, то я их сразу забирала в грязное. Так на уровне условного рефлекса Серёга научился не искать снятые носки, а идти к пакетику с чистыми.

Каждое утро мимо нас спозаранку проезжала бричка, запряженная одной лошадью. Извозчик был одет в форму матроса и пел песню подводников.

Вообще за окном пели каждый день и не раз, но всегда одно и то же. Так ежедневно мимо окон по утрам несколько раз проходил строй "красначей" и пел: "И ей понравилась шинель солдатская, погоны красные..." и что-то про Марусю. В строю явно выделялся один рослый красавчик, тот самый который "помог" прочистить туалет в нашем бараке. Его не заметить было невозможно, он был ростом на треть головы выше остальных "жгучий брюнет". Вообще "красночи" это взвод, который стерег гауптвахту. И стройбатовцы их боялись на животном уровне. И наверняка было за что.

У нас в посёлочке построили баню. Она была красивая, деревянная с двумя разными парилками, установили один день в неделю женским. Её открыли к осени, а сначала я купалась в комнате в тазу. Но эта баня смогла через две недели

сгореть. Потом ещё через пару месяцев её открыли опять и вроде она уже больше при мне не сгорала.

Со временем я начала различать солдат по погонам, узнала что сержантами становятся после полугодовой учебки, численность рот и взводов. Со временем как – то милитаризовалась.

Вообще именно по первому месту своего пребывания в армии я больше всего сталкивалась с окружающими. Или потому что провела там полтора года, а в остальных городках по полгода, или не научилась абстрагироваться от окружающих, или сама шла на контакт из любопытства и в поисках круга знакомств. Но именно в Дуброво я наслушалась и слышалась об окружающих. А может быть там действительно был самый развеселый паноптикум.

Прапорщик из соседней части всех известил, что у него на интересном месте шарик вмонтирован и он по этому показателю самый лучший. Но его жена очень сочная девушка Лена, та самая, что до меня жила в нашей комнате, почему – то гуляла напропалую. Может они что-то друг другу доказывали ? Потом она ушла от него к другому – маленькому рыжему, взяла ребенка из детдома и успокоилась. А он жутко возмущался на неё, доказывал интересными фразеологическими оборотами, насколько она была распутна ещё до его на ней женитьбы, а потом этим браком прикрыла все свои похождения. Может и так, но хочется сказать: "На себя бы посмотрел".

У начальника нашей автобазы с уст не сходила блуждающая улыбка, а губы были изъедены спиртом. Он жил в казённом финском домике напротив нас с женой, двумя детьми и тещей. Когда они гнали самогон, а это было "по мере необходимости", то у смежных соседей напор воды резко падал. В общем все знали когда они гонят самогон. Его жена и теща тоже всегда были в шикарном настроении. И были людьми без комплексов: его жена могла постучаться к соседке и сказать что что-то ей захотелось сделать оливье, но не всё есть под рукой, и могла бы та ей занять: огурцы, майонез, колбасу и горошек.

Соседка, кстати та самая Лена, возмущалась: «Ни фига себе оливье! Я так и себе бы лучше сделала. У нее же ничего кроме картошки и яиц не было».

Потом этого начальника базы перевели и к нам назначили гражданского из соседнего села по фамилии Балабаев. Он был замечательный организатор, хозяйственный и знал свою работу. А работа была нервная. Солдаты ездили по самым простым маршрутам, возили бетон, песок. Пару машин ездили на кирпичный завод. А вот гражданские возили панели домов на грузовиках с двумя прицепами. И эти панели хорошо "расходились" по дачам. Поговаривали что "панели" пользовались космическим спросом в "Звездном", там народ в свете перестройки засуетился насчет "дачку построить". Так что Балабаеву было о чем понервничать. А учитывая, что он был из громких, то есть крикливых, то вскоре

после нашего отъезда его хватил инсульт и он умер. И вывод о том, что жизнь с улыбкой и самогонным аппаратом в тех условиях была более разумна напрашивается сам.

Ещё запомнился достаточно молодой прапорщик, которому его мать присватала жениться на женщине с 2-3 детьми и лет на десять старше его. Мама сказала, что она будет ему прекрасная жена. Эта женщина по утрам кормила его полноценным завтраком, давала с собой на обед увесистый пакет еды и берегла его во всем. Он ходил сытый, довольный и лоснящийся. Потом его отправили на какой-то полигон в длительную командировку, у него там перемкнуло желудок и он скоростижно умер от онкологии. И у меня остался вопрос: это он свой желудок так изнежил или изначально была проблема? Вот мой муж такие помои пил и нифига его не брало.

=====

Историческая

синхронизация

=====

В самом начале лета 1988 года шарахнула очередная авария: на этот раз взорвался эшелон со взрывчаткой. В народе вообще говорили что Горбачев с его родимым пятном на голове "меченый" и "не от Бога". Плюс гласность. Раньше аварии замаливали, а теперь вот вам пожалуйста. В общем, возле Арзамаса по каким-то химическим причинам был взрыв и это очень обсуждали. Погибли дети в соседнем поезде.

У меня есть знакомая – уже очень старая женщина- адвокат. И у неё нет одной руки – она однажды в молодости

попала в железнодорожную катастрофу вместе с маленькой дочкой. Девочка только испугалась, а мать осталась без руки, которую она искала и не нашла вместе с перстнем. Прошло время и она стала оформлять себе пенсию и с учетом этого случая. И ей ответили, что катастрофы, о которой она говорит, что ей там руку оторвало – её в документах такой нет. Не было по документам такой катастрофы и всё. Вот как раньше было: не то что замалчивали, а и в документах не упоминали.

Мне было любопытно узнавать у окружающих ход мыслей, который приводил в армию. Поэтому я расспрашивала всех кто попадался под руку.

У нас служил 25-летний красаивчик – прапорщика из Кировограда, у него была очень симпатичная и сексуальная жена, тоже из Кировограда, которая явно не была склонна тратить жизнь на эту лесистую местность. Она рассказывала что вышла за него замуж не очень разобрав кем он работает, даже не зная кто такой "прапорщик". И когда он женихался в отпуске, то по его рассказам можно было подумать что он тут генерал. Поэтому теперь она просто ждала когда окончится через полгода его контракт и они уедут домой.

Я с ней поделилась желанием купить видеомегнитофон. Она сказала что со способностями её мужа, у них если бы и был видеомегнитофон, то они бы смотрели всё время ровно одну и ту же кассету.

Ещё мы с ней что-то вместе готовили, и она меня раз и

навсегда приучила мыть посуду по ходу готовки. То есть когда мы оканчивали печь пирог, то мыли последнюю использованную мыску.

Так же она мне предоставила для чтение новомодную тогда книгу: "Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй", в двух томах. После чего мне сказали что я её заляпала. Про "заляпала" я не очень могла припомнить, но привычка впиваться когтями в голову у меня присутствует. Я в жизни редко брала чужие книги для чтения, у меня была своя домашняя библиотека очень хорошая, а так же штук по десять библиотечных книг, так что читать чужую книгу было для меня делом новым, а по итогам оказалось и хлопотным. С тех пор я вообще сто раз подумаю, чем взять чужую книгу.

Если же в целом коснуться круга чтения в те годы, а именно 1987-88, то мне из части "приплыли" журналы, в которых я читала про "1986" и про Чонкина. И это произвело на меня громадное впечатление, особенно про 1986. Казалось, что вот оно сейчас так и будет. Ну и еще крепко врезался в память "Замок" Кафки, тоже в казенном журнале.

Остальные знакомые мне прапорщики укоренялись основательно. Они почти все были украинцами, и норовили завести себе где-нибудь огород, а то и загончик. Уезжать из Подмосковья они точно не собирались категорически.

Летом мы вместе с моими родителями отправились в Мариуполь, он же Жданов в гости к папиной сестер – тете Асе. Она жила в районе, который назвался «Островок» в частном

секторе. Там островок получался по рельефу: с одной стороны речка, с другой канал, а впереди море. Её муж постоянно рыбачил на лодке.

Во дворе был колодец и я первыми же умелыми движениями что-то откуда-то вытащила так что для исправления надо было залезть вниз. Тетя Ася мне рассказала «за жизнь». Я пошла говорить отцу, и папа мне ответил: «Ты бы ей сказала, что у тебя есть отец и он все исправит». Потом я пошла хвастаться Сереге и он ответил: «Ты бы ей сказала, что у тебя есть муж и он все исправит». Я была восхищена этими замечательными словами, которые могла сказать.

Мы интересно провели время. Серега воспылил пойти на рыбалку, я тут же легко договорилась с дедом. Утром за Серёгой с удовольствием пришли и он разок съездил. На следующее утро за ним опять с рассветом пришли и он не знал куда спрятаться, пришлось сказать что наш рыбак приболел. С рыбалкой было покончено. Серега возмутился: «Что он ко мне пристал?» К тому же он и с одного раза капитально обгорел. И чтоб его спасти мы его обильно намазали сметаной. И он естественно немного прислонился к стене.

Нас поселили в полу-кухню /полу-сарай. Я так и не поняла статус этой постройки, но на стенах были обои и определенный отпечаток Серёгиной спины в сметане остался. Тетя Ася, хоть и близоруко шурилась, но как-то сразу эту пляму заметила. Мы конечно же сказали, что все так и было, и она

пошла вспоминать когда же эти обои в таком случае испачкались.

Тетя Ася классно готовила. Однажды захожу на кухню, а она что-то из муки делает. Я смотрела, смотрела и спрашиваю: "Что это будет?". Она отвечает: "Лапша". Я удивилась, ведь ее можно купить. "Вот я буду еще лапшу у них покупать!" – возмутилась тётя Ася.

Возле нашего двора был ряд городских гаражей для лодок. Некоторые там и жили, и катались на водных лыжах. Я предлагала Серёге тоже прокатиться, но не встретила его одобрения.

Серёга очень переживал что облез, он начал тщательно следить, чтоб я ходила в тени, потому что, оказывается, он хотел загореть сильнее меня. У нас вообще были весёлые отношения, даже лирические. Например, он нашел в кармане конфету и угостил ею меня, я её честно съела. Мне потом сказали, что по его глазам было видно: он так ждал, что я поделю её пополам. Интересная мысль.

Жданов это вовсе не курорт, а город с гигантским металлургическим комбинатом, отравлявшим всё вокруг. Море было возле берега цветным. А вешать бельё после стирки надо было тоже с огромной оглядкой, в чем мы лично сами смогли убедиться – только развесили вещи, и вдруг подул странный цветной ветер. Пришлось всё со страшной скоростью на этом ветру снимать. Я такой цветной кошмар наблюдала ещё в 1980 году в Запорожье – там Днепр по субботам

был крашенный, и в Алчевске, он же Коммунарск.

Цапаться с Серёгой мы начали уже потом после первого отпуска – осенью. В отпуске мы добились свои денежные запасы, плюс купили все эти телевизор, диван, холодильник и по моему огромному желанию магнитола стоимостью в полторы Серёгиных зарплаты и навороченные наушники к ней.

Классный магнитофон был в то время пределом моих мечтаний, но тот который я хотела мы все равно не купили: такие продавали только в "Берёзке" по чекам. По итогам мы купили из того что было за четыреста двадцать рублей. Иногда такие вещи запоминаешь (сама в шоке). Но кассет к нему было буквально пару штук. Вот на всех шашлыках у нас и играли "Веселые ребята" про "Автомобили, всю землю заполонили", "Не волнуйтесь, тетя. Муж ваш на работе" и вконец замызганная от чрезмерного употребления дискотека Сергея Минаева, где он пел: «Ты мой хлеб, моя соль». И было не понятно всерьез он, или пародирует "Модерн токинг".

== 1987. Дуброво, но уже второй этап ==

И начался второй этап нашей совместной жизни – после отпуска. По осени я записалась на курсы вязания спицами. Моя мать вязать не умела, её процесс вязания выводил в раздраженное состояние, а бабушка вязала, но меня не учила и я абсолютно не умела держать спицы в руках. Я вообще мало что умела, даже ближе к ничего, но меня это совершенно не беспокоило пока я училась в институте. Я занималась шахматами, ездила по турнирам, питалась там по спортивным

талонам в кафе и ресторанах, читала книги, смотрела кино и все было прекрасно.

Но стоило мне окончить институт, то стало как-то не по себе. Я тут же записалась в Луганске на курсы кройки и шитья, чем крайне удивила свою мать. И очень хотела пойти на курсы водителей. И еще заходила на почту узнать как тут можно подрабатывать, потому что зарплата экономиста мне показалась маленькой. Вот такие порывы обнаружались у меня на выходе из института. И выходя замуж за Серегу я прикидывала, что оказавшись наконец самостоятельной экономической единицей общества, устроюсь работать где-нибудь в Москве и буду ездить на электричке на работу каждый день из пригорода.

Моя свекровь мне постоянно хвалила Серёгину старшую сестру – Татьяну, что она кудесница и прекрасно вяжет. Вот я и записалась на вязание нейтрализовать свои недостатки. Мне на этих курсах понравилось, не сразу, но тем не менее вязать я научилась и впоследствии, уже в Луганске, связала кучу разноцветных и узорных свитеров, преимущественно себе, отцу – джемпер и безрукавку, которые он стал постоянно носить. Сергею вязать было не интересно – он все равно ничего кроме формы не носил. Поэтому я ограничилась безрукавкой. Но все это было потом.

Еще мы по мере того, что реже стали ездить в Москву, начали ходить в кинотеатр в городке. Я помню мы ходили на «Том и Джери», и когда на выходе спускались по лестнице,

то наткнулись на горько плачущую маленькую девочку: она запуталась со своим шарфом. Я ей помогла, а Сергей сказал, что думал, что я вообще не умею общаться с детьми. Я не знаю умею я или нет, но шарф распутать ребенку в состоянии.

На вязание я ходила по субботам. Субботы у Сереги числились "частичным выходным", то есть он был на службе до двух. По субботам в роте полагалось проводить политзанятия. Серёга попробовал меня заставить вести его тетрадь – конспект. Меня при виде какого-то очередного конспекта, да еще по любимому мною "коммунизму" чуть не стошнило. Нет, нет и нет! Я теперь – только по кулинарной книге. Серёгин бесценный конспект продолжили вести солдаты, которые пишут более – менее разборчиво.

Однажды Серёга был на сутках в пятницу и соответственно в субботу утром ушел домой спать. Замполит роты, Сергей Колько пришел проводить занятия со своей группой, а группа Серёги шумно гужевалась без офицера. Чтоб создать тишину и чем-то занять солдат, пока мой муж отсыпался, замполит пригласил и их присоединиться к беседе. Провел он занятия, а в это время какой-то очередной проверяющий из Москвы что-то очередное проверял в роте. Некоторые полковники даже заставляли солдат разуться и проверяли пострижены ли ногти на "сынах".

Так вот, проверяющий – более партийный работник, чем наш замполит, пояснил ему, что в инструкции написано,

что "группы объединять категорически запрещено, потому что это приводит к снижению усвояемости". Лейтенанту по такому случаю за эту "провинность" вкатили выговор и следующего звания он дождался на год позже. Вообще же труд замполитов поддавался исчерпывающей формулировке: "Закрыл рот – убрал своё рабочее место".

Серёга периодически приходил встречать меня с занятий по вязанию. Я радовалась неожиданной встрече, до меня даже не доходило, что это он контролировал своё имущество. Он, кстати, был очень ревнив. Например, мне не полагалось радоваться когда по телику показывали Валерия Леонтьева, он мог возмутиться и стать перед телевизором или выключить вообще. За то "Модерн токинг" можно было слушать до бесконечности, или Минаева с теми же мелодиями, но уже на русском "Ты мой хлеб, моя соль".

Наш телевизор принимал Ленинградский канал и там начались "600 секунд" Невзорова, которые потом все обсуждали. Там действительно был дикий треш, как например, мужик "по скорой" с откушенным любимой овчаркой любимым местом. "Не смог уговорить", называется. Я стала Лене по телефону про "600 секунд" рассказывать, но она тоже видела их и сказала мне: "Разве ты не видишь, что Невзоров ..." точно не помню, но его благородные качества Лена отрицала категорически.

Ещё мне предстояло быть в состоянии научиться покупать элементарные вещи. Дома я покупала по материным спискам

хлеб, колбасу, молоко. Не больше. Теперь же я несколько пообносилась и надо было хоть что-то себе купить. Вот одной из первых моих покупок (кстати, привет, кооперативы) стали сапоги "казаки всмятку". Они были полностью без намека на утеплённость и немного большие. Я их пару сезонов обожала. Поскольку в Подмосковье лето не очень понятно когда, а в лесу и подавно, то есть ветровка из употребления не выходит, и ходить надо было по лесу, то я в них спокойненько и ходила сначала осенью, а потом на огромный носок зимой, а потом без носка... ну, вы понимаете.

К весне 1988 мы стали ссориться более отчетливо. Я запомнила (не могла не запомнить), как я купила билеты в первые ряды на первое апреля на концерт «Виртуозы Москвы», который традиционно вели Ширвиндт с Державиным, и по дороге на автобус Серёга раскапризничался и отказался ехать. Я могла бы и сама проехать, но тоже осталась. Я даже примерно не знаю что нас поссорило, очевидно что-то было сказано не так и конечно же мною, иначе чего же он расхотел ехать.

Однажды мой муж притащил резиновую грелку с чачей. Они шманали солдатские посылки и обнаружили её. Резина спиртом несколько разъедается и воняло это всё неподобно. Я думала что он принес её просто показать мне, но нифига, выпил, и с ним ничего не случилось.

Ещё хорошие друзья и родные присылали нашим среднеазиатским солдатам цитрусовые начиненные какими – то

наркотиками, но вот мой муж их не ел, то есть он становился чистым алкоголиком в свои двадцать четыре года.

Сразу после отпуска я пошла работать нормировщиком роты, в которой Серёга был зампотехом. Для этого с нормировщиков убрали солдата – срочника, который им числился до меня, но ему до дембеля оставалось пару месяцев. Это был прибалт, последний прибалт в армии, больше их уже не оставалось и не призывалось к осени 1987 года.

У нас был огромный «плюс» – под ногами целый автопарк и как Серёга говорил, то он сначала воспринимал всяких полковников и майоров снизу вверх, а потом по привычке к ним и понял, что самое главное это должность. И если ты ко мне приходишь что-то просить, то мне пофиг какое у тебя звание. Тем более это была Москва, тут и генералов уже стало как собак нерезаных, а у нас бульдозеры, краны, трактора и самосвалы. И кто тут главный, если у тебя есть только стул, стол и кабинет с двумя майорами? В армии даже был сленговый термин «трамвайный генерал», то есть у него ничего кроме погон нет и ездит он в трамвае.

В диспетчерской нас было трое: я и две местные женщины, одна из которых Нина – жена водителя – бывшего прапорщика, которого выгнали за пьянку, другая – Вера из местной деревни, получившая квартиру в военном городке – у неё муж был сантехник Ваня из ЖЕКа, и они ещё по очереди с мужем ходили спозаранку подрабатывали на одну ставку дворником.

Меня хорошо приняли и стали рассказывать про то, как Серёга однажды простудился, и они ходили его проведать. Приходят, а у него на столе стоит кастрюля, в которой что-то типа каши и туда воткнута вертикально ложка, и всё закаменело. Оказывается, Сергей так сам себе готовил: накупил пакетики разных каш и супов и смешал, оно так и загустело.

Что входило в мои обязанности на работе можно было с блеском делать максимум за часа полтора. Остальное время я со скуки помогала диспетчерам. Я должна была обсчитывать путевые листы солдат, а они гражданских. Я ещё должна была вести табель и вроде всё. По факту я обсчитывала путевые листы всех, кроме мужа старшей диспетчерши – Нины. Она его путевки считала лично. Но и всех этих путевок хватало едва ли на четыре часа в день. Так что основным моим занятием было слушать, что рассказывают эти добрые женщины.

Вера в основном рассказывала о своих сексуальных приключениях, муже и любовнике – водителе Вове, с которым она периодически уезжала. Когда в кабинете не было Нины, то Вера рассказывала о юношеских похождениях этой достойной матери семейства, там присутствовал групповой секс в лесу с привязыванием. Я не могла сопоставить эти рассказы с персоной возрастной матери семейства Нины, авторитетного диспетчера в очках, и только удивлялась: "Откуда Вы это знаете?".

Сама я сидела тихо и ничего интересного им не смогла

рассказать, из чего Вера заключила: "Одни только рассказы-вают, а другие молча только этим и занимаются".

Еще Вера любила смотреть в окно, там просматривался весь автопарк и зная, можно было высмотреть многое. Например: стоящие в углу отцепленные прицепы, которые согласно путевым листам продолжали числиться катающимися по дорогам, прицепленными к КАМАЗам некоторых наших наиболее успешных водителей.

Еще она с интересом наблюдала за моим мужем, как он целый день с семечками ходил по автопарку вслед за солдатами в пяти шагах сзади и после каждого слова добавлял "бля". Я даже сначала не поверила. Дома он не матерился так усилено, а по началу вообще. Первый раз я услышала от него дикие трехэтажные маты, когда он с кем-то разговаривал в коридоре. Я даже подумала что это не его голос.

Среди сотрудниц, которые работали в войсковых частях попадались очень отвязанные. Я не знаю какими они пришли на эту работу, но на момент моего знакомства с ними: диспетчерами, заправщицами, кладовщицами, буфетчицами... лучше было не вступать в конфликт. От них можно было послушать таких опусов, как: "Твой муж тут со всеми", "С кем со всеми?" "Ну, например, со мной!". Мне такого не говорили, но про других нарвавшихся рассказывали.

Это на штабных женщин, или служащих автобаз не распространялось, там общих тенденций я не наблюдала, а в диспетчерской все даже думали матом. И мужики – водите-

ли были тихие и вежливые, разве что кто-то говорил: «Что ж вы женщины так ругаетесь?» Но я думаю, что если кого угодно посадить выдавать путевые листы хотя бы на сотню водителей, и чтоб слушать недовольства и желания каждого куда конкретно он хочет ехать, а куда ему не нравится, то изменение сознания произойдет.

Весной на базе лужи и глубина грязи стали просто невероятными и я прибахлилась резиновыми сапогами, у меня раньше таких не было. Я понятия не имела, что обувь может быть до такой степени скользкой, я в них тут же навернулась на остатках льда раз пять, и отставила эту покупку: "Никогда больше". Только благодаря молодости я в тех сапогах не убилась.

Солдатам раздали ломы и заставляли их долбить лёд. Они не очень хотели, говорили что завтра оно само стает. Я удивлялась, ведь ковырять лёд так прикольно. Взяла у солдата лом и попробовала сама. Это оказалось действительно тяжело, и лом был блин тяжелючий. Тут пришел мой Сережа и увидел меня с ломом, когда он посмотрел на солдата у которого я его взяла, то и сама съёжилась.

Однажды по весне у самого входа в автобазу я нашла деньги. Мелкие купюры были разбросаны по остаткам снега у забора. Я их подняла и посчитала, огорчилась и стала смотреть где же ещё. Любопытен не сам случай, а моя реакция. Видимо склонность к собирательству в женщинах укреплена десятками тысяч лет, и её не истребишь мелким слоем цивили-

лизации.

Однажды пошли Вера с Ниной куда-то по автопарку и вернулись с гаечным ключом. Вручили его мне и сообщили, что за соседним зданием мой Сережа чуть не убил какого-то солдата вот этим самым ключом. Потом с опаской пришёл Сережа. Видно было, что он боится этих добрых женщин. Он нам рассказал, что шел по автопарку и увидел как старослужащий солдат бил новобранца и пытался приладить его гаечным ключом по голове. Героический Серёга еле успел вырвать этот ключ и начал дубасить виновника и тут как раз прибежали эти женщины. Ну что скажешь? Святой, практически Бэтмен.

Насилие в армии просто присутствовало. Оно было неотъемлемо, как и маты. Помню, как офицеры в вагончике "воспитывали" какого – то солдата. Вагончик просто ходил ходунном. За что били не помню, но причина была какая – то веская. То, что солдаты дубасили друг друга знают все, не скажу что они об этом распространялись, но когда дело доходило до видимых следов, то скандальчики случались.

Я насилу научилась различать погоны, всех этих дневальных, дежурных, батальоны, полки, роты, взвода, отделения. И точно я – не милитарист. Но к внутри – мужским разборкам отношусь с безразличием анатома. Они друг друга дубасят, суки тупые, которым больше не чем интересным заняться. Поэтому вой солдата – сантехника в нашем бараке вызывал у меня только желание получить тишину. Другие

женщины, которые работали у нас на базе, за солдат заступались рьяно. Они говорили, что у меня просто нет сына. Теперь, я могу сказать, что есть мальчики, которым армия полностью противопоказана по психологическим причинам, а есть такие, которыми можно и стены прошибать.

Однажды за всё время к нам прислали солдата после дисбата (армейская тюрьма) – азербайджанца по фамилии Вахабов. Он был вообще зверь. Не помню куда его дели, скорее всего отправили на дембель, потому что приезжал его отчим – тихий несчастный старик и просил за него. Как известно в срок службы время проведенное в дисбате не засчитывается. То есть, если служить надо было два года, а его через полтора осудили, то значит потом ещё полгода дослуживать. Но этого Вахабова держать в казарме с другими солдатами было крайне опасно.

В дисбат угодить, как вы уже догадываетесь, было крайне сложно. Для этого надо было очень сильно выделиться на фоне происходящего. Потому что дисбат это военная тюрьма, куда попадают через суд – трибунал, а это чрезвычайное происшествие, которого никто не хочет.

Например, однажды мой муж одним ударом сломал солдату челюсть, но все замаяли. От солдата пахло спиртным, но он пьянство отрицал. Как потом было сказано, солдат поел ликерных конфет. В больнице было оформлено, что мальчик упал с лестницы, и он с этим не спорил.

Были и травмы похуже. Один солдат залез под ЗИЛ и спал

там. Автомобиль поехал и переехал его практически вдоль, то есть ногу, руку и часть туловища, была сорвана селезёнка, помята почка. Его комиссовали, он остался жив, но бесконечно болен. И кто тут виноват?

Были и случаи чудесного спасения: например, автокран утонул в болоте, а солдат успел спрыгнуть. А то потом бы как древнего рыцаря извлекали бы мелиораторы. Или в зеркало заднего вила водитель увидел как плита сорвалась и «едет на кабину», и водитель успел на ходу выпрыгнуть. Но к армейскому насилию это отношения не имеет. Это относится к автобатовскому быту.

Еще можно вспомнить про трешевую семейку: мать и дочь из ближайшей деревни. Сначала дочь голосовала на дороге, а после того, как солдат её останавливал и всё такое, то приходила её мать с угрозами по поводу "изнасилования". Статистику успешности их небольшого предприятия я не знаю.

По городку ходили ещё какие-то трешевые истории, степень правдивости отнесения событий к конкретно этой местности мне не известна. Так, например, когда построили многоэтажку, то вода не поступала. Пришлось всё простукать и найти в одном месте вваренный каким-то весёлым дембелем вместо трубы металлический лом. И что в дальнейшем шутника по строительным документам вычислили и посадили. Ещё рассказывали про "дембельский аккорд". Это когда дембелям давали последнее задание, после которого их отпустят. Например, построить стену. И в зиму дембеля меша-

ли песок с водой и стена держалась до тепла, а потом падала. Ещё про то, как песок вместо карьера возили с ближайшего берега, а он был неправильный и возникали дефекты строительства. Делалось же это чтоб украсть бензин: до карьера далеко, а берег рядом.

== 1988. Ещё Дуброво, и у свекрови! ==

Нашего командира роты из Дуброва куда-то переводили. Это был высокого роста склонный к полноте алкаш, отслуживший в Монголии. Его худенькая миниатюрная жена на днях легла в Областную онкологическую клинику в Балашихе.

Я помню как он с Серёгой пришли к нам домой с канистрой спирта для КАМАЗов и очень озабочено его делили. Разлили на двоих и всё, плакали те КАМАЗы без всякой доли, за них же никто не заступится. На КАМАЗы в зиму был положен технический спирт, его заливали в стеклоочиститель, что ли. Я не помню куда его заливать надо было, я знаю куда его заливали на самом деле. Это была вонючая жидкость, но нашим офицерам было все абсолютно нипочем.

Новым ротным командиром прислали парня двадцати пяти лет – Мишу Герасименко, который тоже окончил Уссурийское училище и сразу после него добровольно отслужил два года в Афганистане. Он был родом из этого самого Уссурийска и пошел в Афган добровольцем чтоб не попасть служить навсегда на Нижний Урал. После Афгана можно было выбирать, и он выбрал Подмосковье. То есть зацените ситу-

ацию и шансы на успех: мой Серёга сюда приехал просто так сразу, а Мише чтоб попасть сюда, а не на Нижний Урал пришлось пару лет протрубить в Афгане.

В Афгане он сопровождал авто – караваны. А это и было самое опасное, потому что именно на авто – караваны и нападали. Он рассказывал, но я как обычно цифр не помню, что за определенное количество проведенных караванов, положена была медаль, а за большее орден. Он провел на орден, но ему его не дали, потому что и без него было кому ордена раздавать.

И ещё он рассказывал, как сын какого-то крупного начальника приехал в Афган за орденом, но на шару ему его не давали принципиальные командиры. Его распределили в самое защищенное место, куда в принципе ничего долететь не могло. И чтоб ему всё же получить этот орден, то придумали какую – то операцию с задействованием его участка службы. Потом прислали резолюцию, что операция прошла крайне успешно, и всех командиров "от и до" по этому участку боевых действий наградить орденами. И тогда этот сын тоже автоматически попал в список награждаемых, получил орден и уехал.

У этого Миши была совсем молодая жена – Лена, лет семнадцати, и начинал он с ней встречаться ещё до Афгана и она его эти два года ждала. Она была очень властная. С учетом того, что Миша был явный карьерист, очевидно, что такая девушка ему очень подходила.

Как-то наших золотых парней застучали – они поехали в Ногинск за какой-то надобностью. Я вообще и не отреагировала, и не заметила, за то она орала, что бы все следили за своими козлами, и что её Миша дома «по коврику ходит».

Миша устроил жену на нашу автобазу заправщицей и заведующей складом запчастей, и сам заправлял транспорт и выдавал запчасти. Так что я думаю их семья была на верном пути.

Теперь о трудовых буднях в армии. Наш автобат был укомплектован в подавляющем большинстве узбеками. Украинцев из ста двадцати человек было до пяти, кавказцев тоже примерно по три от основных известных народностей. Не надо говорить, что группировались солдаты исключительно по землячествам. Теплые места, как например зав.складом, водитель командирского автомобиля или что-то еще, передавались строго по наследству. Ставить русского на командирский УАЗ было безумием, потому что он переставал ездить моментально. Вся техника была изношена и требовала постоянных запчастей, которых никто не выдавал. Русский просто ни где запчастей не раздобудет. На командирском УАЗе всегда водитель был строго грузин. Каптер тоже – грузин. Всех распределений должностей я не помню, но кавказцы были на верху этой таблицы. Помню ещё какого-то солдата прислали по фамилии Эльсаидов, у которого отец был исламский священник. Он вообще никакой работы не делал, за него всё делали тихо и быстро другие. Мне объ-

яснили что он пошел в армию чтоб иметь документы, что он отслужил ,чтоб потом мог стать священником.

Была такая прослойка солдат, которые пошли в армию именно ради документов что они отслужили. Их принимали кандидатами в компартию (кому надо) или просто не очень беспокоили. Это были единицы в общей массе. Например, у нас служил внук одного очень известного героя войны, который нынче руководил рынком в Тбилиси. Парня отправили в армию, чтоб поступил кандидатом в партию и чтоб продвигать его дальше. Дед однажды приезжал к нам проверить чем внук занимается. Приехал он внезапно с двумя корешами – генералами. Сидят наши офицеры в каптерке, ведут тихий базар, а в окно видят как к ним идут два генерала, они офицеры, конечно. Но потом всё было хорошо.

В армии очень ценилось что-то уметь делать. Если солдат хоть что-то умел делать, то занимал свою нишу и отношение к нему было совсем другое. Например, уметь стричь, рисовать, вкусно готовить плов, каллиграфично писать, хорошо водить автомобиль. Некоторые солдаты по итогам службы получали в водительские права отметку, что имеет право водить автобус, грузовик с прицепом, опасные грузы.

Я в конечном итоге проработала в войсковых частях с конца 1987 три года. Это были три автобазы, на которых на хороших рейсах работали в большинстве своем гражданские водители, солдаты на ободренных самосвалах возили песок, гравий и бетон, изредка – кирпич. В ремонтных цехах всегда

были только солдаты.

В Дуброво мы находились в полтора – двух часах езды от Главка, который был в Москве. Поэтому когда надо было показать объем работы, то проверяющие ехали к нам, не ехать же им на Урал. Но все приезды проверяющих не оборачивались ровным счетом ничем. Так, например, в Дуброво вдоль забора стояло полтора десятка ЗИЛов с которых были сняты в неизвестном направлении двигатели. Их просто не было, но ни один проверяющий не поднял ни один капот. Так что такие мелочи как запчасти или горючее даже не обсуждаются.

Я не знаю какие сейчас царят нравы в системе контроля в армии, но тогда все были достаточно распушены и мягко говоря непуганы. Ревизоры были москвичи, холенные парни и как говорил один из них и я это слышала, что дальше Садового Кольца он служить не намерен. У них карманы были реально набиты пачками денег, и они выглядели счастливыми. Система: пришел, увидел, обобрал работала во всю.

Но иногда кто -то и упирался. Например, в нашу дикую местность в отдельную роту в лесу Ногинск – хз приехал ревизор. Он сразу отправился на дом к кладовщице. Они долго – долго пили, ели, веселились, а потом он на утро пришел снимать к ней остатки по складу, но она не пришла. Склад стоял закрытым. Начали выяснять и выяснили: она сказала: «Ты со мной пил? Гулял? Веселился до утра? А теперь я устала и пока не отдохну – не приду». Так он и увалил ни

с чем от этого склада. И это правильно, надо всегда различать и не путать мероприятия, выбрать главную линию и не расплытаться. Надо изначально решить что тебе нужно склад или гужба, иначе по разному может сложиться.

Продукты питания тоже нормально расходились по холодильникам. Но тут все же срабатывал описанный раньше вариант с курицей и грузовиком. Тем более что солдаты были водителями и на обед зачастую просто не попадали. Где и чем они питались мне не известно. Но известно, что горючее числилось за ними в недостатке до трехсот литров, но не у всех, в основном все же как-то сходилось, очевидно за счет приписок рейсов.

Возили в основном песок из карьера в Хотьково. И как сказал один прораб, что если собрать все накладные на песок, которые он им подписал и принять их за чистую правду, то получится яма до США.

Их автомобили ЗИЛы и КАМАЗы выглядели ужасающе – без боковых стекол, с многократно битыми лобовыми стеклами, иногда без зеркал, без порожков. У некоторых заводились какими – то проволочками, иногда со сломанным подъемником.

Зимой по пол кузова было примерзшего груза, который они постоянно туда – сюда возили. А когда я впервые увидела КРАЗы, то думала что это свалка авто – металлолома. Это были ржавые страшные обломанные автомобили. И вот на утро вся эта ржавая куча начинала оживать и ехать. Не

надо и говорить, что на въезде в автопарк была немеренная яма. Ну кто же ее засыплет.

Дорожные происшествия случались даже не выезжая из автопарка. Водители были после автошколы ДОСААФ и навыки приобретали ближе к дембелю, поэтому весь этот страшный на вид лом на колёсах был далеко не древним, максимум пять лет было тем ЗИЛам.

Раз в месяц мы ездили за зарплатой в Каменку, так же туда надо было отвезти документацию. Вообще объясняю структуру работы военных автобаз: фактически это объединение двух юридических лиц:

Первое, это – батальон, где служат офицеры, которые отвечают за жизнь солдат, казармы, столовые. Это командование батальона, роты.

Второе, это там где солдаты работают, это начальник автобазы, начальник колонны, начальник цеха. Это так по структуре. Но в реальности все капитально переплетено.

Вообще у нас была совершенно дикая для армии система стройбата. Наши солдаты должны были зарабатывать деньги на свое содержание. В конце месяца производился расчет: сколько он заработал по своим путевым листам и нарядам на ремонт, сколько было израсходовано на его полное содержание: питание, одежду. И разница шла в накопление по его счету. В конце службы деньги выдавались. Но так уж получалось что в конце у некоторых образовывался глубокий минус в основном за счет сурового пережога топлива. А за топли-

во надо было компенсировать в тройном размере стоимости. У солдат денег не было, и они слали телеграммы, чтоб им выслали деньги для расчета. Кто-то сильно скандалил, за кем-то приезжали родственники.

Однажды зимой мы возвращались на КАМАЗе из Каменки в Дуброво, ехали естественно по неотмеченным по карте военно – бетонным дорогам по лесу, и у нас отключились в снегопад «дворники». Мы останавливались бессчётное количество раз и Серёга тер шапкой лобовое стекло. Было страшно. В конце – концов измотанные мы приехали к середине ночи.

Иногда в Каменку надо было многим по своим делам, и мы набивались в спальник за спиной у водителя. Я была в те времена худая и, естественно, преимущественно там и ехала. Но мы периодически по честному менялись местами.

Летом 1988 года Серёге было двадцать четыре года, ему присвоили старшего лейтенанта, и его вернули в основное расположение батальона принимать роту. То есть повысили. Мы уехали из этого городка. Попутно у нас опять был отпуск, который мы провели частично в Луганске, Ровеньках и Гагре. И родина нам помогла в этом материально. Оказывается, то что мы находимся не вместе с основным батальоном означает «в полевых условиях» и за каждый день нам полагалось доплачивать что-то немного больше рубля. Вот эти деньги Серёге и всем остальным сотрудникам за весь период службы и выдали как раз к лету. С тем мы в отпуск и

поехали.

С билетами было не очень и мы купили себе сидячие. Сидеть тысячу километров не очень классно, но терять дни тоже не радует. Поскольку сидячих на полке три, то мы с молодой попутчицей мирно разошлись на том, что верхнее – её, а нижнее – наше и как-то влетом заснули.

В Луганске и Ровеньках мы погостили несколько дней и нас отправили в Гагры. Мой отец договорился, что нас возьмут в самолет без билетов. И мы там были не одни такие. В самолете в проходе стояли люди как в трамвае. Потом их распахали по углам. Нам достался стул стюардессы, и я сидела у Серёги на руках. Потом из Сочи мы электричкой доехали до Гагры. И там довольно не слаженно провели время. Я бы не сказала что я скандальная или обидчивая, я даже не помню, что было не так. Ну, например, Серега психанул, что в столовой только харчо было, а картошки ни в каком виде не было, а я даже этого не замечала. Потом его несло дегустировать. Однажды я решила пойти в ущелье. Для меня это слово значило что – то красивое, пейзажное. Вот приходим мы на край Гагры на какую-то помойку (почти настоящую) и Сережа говорит что мы у цели. Я отказываюсь ему верить и продолжаю искать ущелье. Это было как в мультике: "Зайца не видали?" Вот долго мы там лазили, кругом была одна помойка, а ущелья я так и не нашла.

Кончилось тем что Серёга подружился с хозяином жилья и они по своему общались. А я просто ждала когда кончится

наш отдых.

От Гагринского нашего путешествия у меня осталась куча фоток возле пальм, где я в новинке кооперативной моды того сезона – черных узорных сетчатых колготах из самых простых х/б ниток.

Ровно через год Гагры перестали быть курортом. Там началась настоящая война и всё было разрушено.

На обратный путь нам достались билеты на самолет до Ростова. Мы туда прилетели, пришли к моим родственникам и попали на какой – то большой праздник. Там было крупное застолье. Моя родня охотно с Серёгой познакомилась, нас усадили за стол и стали наливать по рюмкам и говорить тосты. И тут Серёга взорвался, что он не может пить из этих пиндюрок. Мой дядя поставил ему нормальный на взгляд Серёжи стакан и всё поладилось.

На следующий день мы поездом уехали в Луганск. И дальше мы гостили в Ровеньках.

Хозяйство мамы Серёги это была песня патриархальному быту. Там целиком властвовала свекровь. Все выполняли её указания. И только когда свёкр напивался вусмерть, то он позволял себе гоняться за нею вокруг дома с каким-нибудь опасным предметом. Но это со слов Серёги. Я такого не видела. Свёкр при мне был солидный, размеренный мужик.

Свекровь занималась всем. Она откармливала поросят, и в то же время покупала откормленных свиней и бычков, забивала, и торговала мясом на рынке. Она знала браконьеров

и они ей продавали нерестовую рыбу, которую она потом перепродавала. Она у егерей покупала шкурки ондатр, вычи- няла, шила шапки и продавала. Она могла торговать и пти- цей, при чём все было по научному: потрошок отдельно на тарелочке, тушка отдельно.

Как-то я с ней ходила покупать рыбу. Мне взвесили, я со- бралась платить, а она вылила воду из пакета и попросила перевесить. Казалось бы маленькая деталь.

Самогон, конечно, она тоже делала, и всегда передавая его Серёге говорила: «Нехай вин по трошечку». А на жалобы что «вин не по трошечку» объясняла, что сейчас же радиация, вот они и пьют, чтоб выводить нуклиды. Хоть от нуклидов вроде Кагор рекомендован, которого я в их ассортименте не наблюдала.

Свекровь постоянно посылала своих мужиков что – ни- будь втихаря набрать на колхозном поле. Или им надо было ехать тятать, закупать корм на рынке. У неё всё кипело.

Даже рождение её младших двойнят связано с легендар- ной историей. Свекровь тогда ещё и шмотками приторговывала и для этого нужно было съездить в Москву их купить. Вот она и поехала уже на сносях, потому что когда родит, то уже не сможет ехать. И там она всё замечательно накупила, но вот ещё ковер попался и упустить его было никак невоз- можно. Её сильный организм ковра уже не выдержал, и судь- ба её по срочному закинула в Московский роддом, откуда уже её с двойней, шмотками и ковром поехал забирать муж,

это был 1970 год.

А шкурки вычинять свекровь научилась хитрым образом: подрядившись помогать какому – то специалисту и высмотрела тайно всю рецептуру.

Но у нее был один недостаток, свойственный собственно всему обществу в то время: она не знала куда тратить деньги. Поэтому она покупала толстые обручалки, а ещё у нее были схроны с пачками денег. И она строила планы, типа прикупить соседский дом, но потом боялась, что менты спросят где она взяла деньги. И ещё она была типа сильно жадная. Поэтому, в семье шёл невидимый бой. Так младший брат Серёги захотел мотоцикл и они с батей для этого "вычислили" один Ленкин – как её называл свёкр, схорон и купили Шурику Яву, утянув оттуда денежку.

А когда с раннего детства абсолютно больная астмой и поэтому проживающая в Ялте при пансионате и работающая медсестрой её старшая дочь могла вступить в жилищный кооператив, то мать ей денег на первоначальный взнос не дала.

Что там в дальнейшем со всеми реформами и потрясениями в стране с её деньгами случилось, я понятия не имею. Я бывала у них примерно два – три дня в году, и не углублялась вообще в их быт. Они всегда были лично для меня не более чем знакомыми.

Так вот, мы приехали погостить к свёкрам, и при виде нас свекровь сразу определила кому чем заниматься. Серегу отправили что-то чистить у животных и тяпать.

Меня, как крайне не пригодную к полевым работам, определили по системе: "Кто всрався? Нивистка: свиной пасе звиттеля несе" собирать в рукавицах крыжовник. Остальные члены семьи отказывались его собирать, потому как "оно" больно колется. Я честно собирала сколько могла. Я вообще просто все делала, что она мне скажет.

Следующим номером программы было чтоб я мыла кишки: ее дочери не хотели, я мыла. Потом мне выдали ножик чтоб я вычиняла шкурки, я вычиняла, очень старалась не повредить – не порезать. Ещё меня приспособили мыть погребные бочки, что холодно. Этот раз был самый длительный из моих визитов к свёкрам.

У свекрови по кухне гуляла коза. Она была очень интересная: лазила по столам как кошка, но и везде какала. Еще у свекрови среди всех была любимая собака Кнопа – карликовый пинчер с врожденным дефектом одной передней лапки. Свекровь её себе подарила от соседки, которая давно обещала щеночка, но все не давала. Свекровь однажды застав пустую соседскую кухню, сама зашла и взяла, во тьме не разобрала какого щеночка: "Ты же, Клава, давно мне обещаешь. Вот я твоё обещание сама и выполнила". Кнопу свекровь ласково называла: "Моя секретарша".

Во дворе на цепи сидели два больших пса. Они друг до друга немного не доставали, и не любили друг друга. Старый большой пес породы овчарка уже предпочитал лежать в будке и не гавкал.

Я спросила: "Когда же Мухтар гавкает?" Мне объяснили, что он гавкает когда Кнопа скажет.

Ещё о Кнопе рассказывали, что она завидовала Мухтару, что у него есть будка, тогда батя сделал и маленькую будочку Кнопе. Она залезла в нее, пару дней не вылазила, а потом больше никогда не стала ею пользоваться. Так что ее будка – вся кухня.

Вообще кухня в доме была средоточием жизни. Она была просторная пристройка к основной части. Тут была печь на дровах или угле, диван – логово, на котором спал батя, потому что он жил по режиму: подъем в три часа утра, выход из дома в четыре, в пять – в автопарке, в шесть – на молокозаводе, в семь – на магазинах. И в час дня максимум он уже был дома. Поэтому и спать он ложился часов в восемь вечера. И так всю жизнь.

Молокопродукты были дома везде. Молочком кормили свиней, отстаивали в пластиковых ведрах на простоквашу, пили просто так. И еще батя делал масло: если в бак молоковозки закинуть свернутое узлом полотенце, то от тряски при езде в машине на полотенце налипнет взбитое масло. И это тоже конечно же делалось.

На кухне стояли телевизор и круглый стол, а также был вход в выгороженное помещение, где стояла ванна, умывальник и газовая от баллонов печь. Ещё был выход на верандочку и двери в жилые комнаты, прохладные и пустые. А что там делать? Всё уже есть на кухне.

У свёкров еще были прекрасные фруктовые деревья, высаженные по периметру двора, а в середине картошка, разделенная рядом крыжовника. Сливы и гливы давали огромные сочные и сладкие плоды. И когда я спросила разрешения нарвать, то свекровь сказала мне: "Подожди, я покажу где" И отвела меня через забор, в дальний угол соседского сада. Фантастическая женщина.

Вечером я пила со свекровью чай, и так и не поняла сколько в конечном итоге сахара она кладет десертной ложкой себе в чай. Когда я, думая что она задумалась и не видит, что делает, спросила, то она ответила: "Та хай буде".

Я искренне считала, что моя свекровь разговаривает на украинском. Но вот по телику стали показывать какой – то спектакль на украинском. Она смотрела, смотрела и спрашивает меня: "Шо вони кажуть? Я ничего не розумію". И я стала "перекладать" своей свекрови с украинского на суржик. Но осталась очень удивлена этому открытию. Так что территория Донбасского суржика это – таки да – самобытная культурная среда.

У моей свекрови было три родные сестры, но они по своим ментально -технологическим характеристикам и близко не были похожи на нее, так что тут даже и списать не на что.

Мне моя дружка – Лена, с её намётанным глазом, сказала что если бы у меня был выбор ехать в Афган или к свекрови, то я бы даже не задумывалась. Лена знала в этом толк. Она была из рода деревенских. У неё одна из бабушек жила в се-

ле и общение с ней вносило должный колорит в их интеллигентную семью преподавателя высшей математики института и главного финансиста области.

Серёга таял, возил, носил, а маманя подливала домашний самогон. Поскольку в стране уже начались перебои с сахаром, то для начала напитков был сработан на карамельках. через год в работу пойдет свекла и это будет на запах ещё круче.

Какие – либо критические замечания о родственниках Серёга воспринимал крайне негативно: "Я же не в курятнике родился", так что эта тема была абсолютно табуированная.

Перестройка нам подарила зеленый свет в новые темы. Мы смотрели фильм «Маленькая Вера», в котором был секс на весь экран. Это раньше даже в иностранных фильмах вырезали. Раньше мы даже открытую грудь считали весомой причиной посмотреть весь фильм. Интересно было ещё и потому что кажется фильм сняли в тех местах где мы в прошлом году отдыхали – в Жданове. И для меня на Серёгины Ровеньки всё это тоже походило. Следом вышел фильм "Криминальный талант" и мне подруга – Лена объяснила: "Ты посмотри, сколько у неё вариантов. Она же не повторяется".

Мой отец, что называется был упоротым коммунистом. Детей он своих не крестил, домой приносил строго зарплату, хоть был прорабом, и однажды стал парторгом треста, но не надолго, потому что приняв это за правду, начал требо-

вать честности и справедливости от руководства. А там какому-то "блатному" дали без очереди квартиру, и мой отец очень шумел, при этом даже и тот чья была очередь "проглотил" и не шумел. Поэтому вместо того чтобы зажить чуть получше, отец пошел искать работу в другой строительной организации.

На него не действовали ни какие наши семейные истории. А ведь его собственную маму ещё в тридцатые годы "раскулачивали" за то что она шила чувяки. У них была одна комнатка, где и бочка с кожей стояла, и швейная машинка была. К ней пришли домой и забрали всё, включая шифонер, кроме кровати. Кровать бабушке как матери двоих маленьких детей оставили.

Но папа на такое говорил что "Случались перегибы". И вот на его уже не юный мозг навалили Перестройку. Он просто сидел и слушал приёмник целыми днями: то наши новости, то уже четкие не заглушаемые иностранные голоса. И вдруг папа изрёк: "Меня обманывали". Мама сказала: "Я тебе об этом всю жизнь говорила".

Последним ударом для моего папы стала в июне 1988 года XIX партконференция, известная по фразе Лигачёва, ставшей афоризмом: «Борис, ты не прав». Реально фраза звучала: "Ты, Борис, не прав. Мы расходимся с тобой уже не только в тактике. Борис, ты обладаешь огромной энергией, но эта энергия не созидательная, а разрушительная! Ты свою область посадил на талоны..." И что же он сказал смешного?

Но с учетом того, что Горбачев с Лигачевым уже несколько лет гребли нашу лодку явно под водопад, то простым людям верилось, что вот Ельцин – он же с ними в контрах, значит он поведёт нас правильным путём. Но дурных дорог много. После всех дел, мой папа перестал платить партвзносы, к нам домой пришли какие-то деды и стали требовать чтоб он им в таком случае отдал свой партбилет. Он их послал со словами: "Не вы его мне выдавали". Он очень переживал, и мама за него очень беспокоилась.

Погостили мы и уехали в свой лес чтобы переехать в другой, не менее дремучий.

== 1988. Поселок Каменка за Икшой ==

Вторую половину 1988 года мы провели в городке с мутным адресом "Долгопрудный-хз сколько", индекс на конверте "п/о Горки". Ехать надо было на этот раз с Савеловского вокзала электричкой в сторону Дмитрова до станции Икши, а потом еще на трясущемся холодном шарабане часик в лес. Ну или по бетонке на грузовичке минут сорок до Москвы, если у вас он есть, конечно.

Деревенька Каменка, которая находилась поблизости, уже штучно застраивалась особнячками. Их было два – три, но я думаю что теперь там все как полагается, потому что военно-бетонная дорога, которой нет на карте, всё же физически присутствует

Наш населенный пункт представлял из себя выстроенные параллельно друг другу штук пять пятиэтажек прямо в лесу.

А рядом была проходная в гарнизонный городок, где жили на этот раз только подводники.

В Каменке, будем её так называть по наименованию самого близлежащего села, нас сначала заселили в невероятно маленькую комнатуху в общеаге, но через месяц кто-то куда-то уехал и нам дали квартиру. Ну не то чтоб на совсем дали, но комбат выдал ключи и книжку – квитанций на оплату. Я зашла в эту квартиру и меня тараканы чуть не вынесли обратно. Так я впервые встретилась с неистребимыми обитателями Подмосковных поселений. В нашем голубом бараке их не было, видимо не переносили крыс.

Я по совету сотрудниц поступила радикально: купила несколько (много) пузырьков дихлофоса и буквально залила всю квартиру. Потом, когда на следующий день мы пришли туда с Серёгой и он открыл дверь, а я стояла сзади, то он как бы отшатнулся на меня. Я бы даже сказала что он приготовился бежать, как от зубного врача. Я спросила что же произошло?

– Там тараканы, там всё в них.

– А! Это они повылазили и передохли, – успокоила я его.

Тут он заглянул в дверь ещё раз, окрылился и радостно ухватив веник и совок принялся их сметать.

Мы въехали. Это была очень любопытная планировка. Над нами была четырехкомнатная квартира и вот кухня у нас была здоровенная. Там можно было спокойненько установить диван и это бы совершенно не создало тесноты.

Коридор был тоже большим. А комната была очень маленькая. Ну и отдельный санузел.

Нашим соседом был Рустам – молодой лейтенант – крымский татарина из семьи сосланных Сталиным в Душанбе. Его мама работала главврачом в каком-то военном госпитале на южных окраинах родины, таком госпитале, в котором лежали раненые в Афганистане. Об этом мне рассказала его жена, которая в том госпитале раньше работала медсестрой, а сейчас сидела дома с малышом. Рустам сказал, что ему жену предоставила мать, сказала: "Вот хорошая девушка, на ней женись".

Я даже пробовала почву прописаться в этой квартире. Но в Подмосковье везде военных не прописывали, требовали документы, которых не было в природе. Ловушка была простая: мой муж получил распределение в Московский военный округ. А уже там его прикомандировали к соответствующей войсковой части, в каком-то из населенных пунктов. Для прописки требовали же справку что его из училища направили именно в этот город, а не в целом в Московский военный округ, такого документа нет в природе.

Заполучив наконец – то квартирку и печку, я принялась осваивать дальше свою кулинарную книгу. Надо сказать, что я была в те времена достаточно худой и никакой засады за собой не ощущала. Готовила для своего развлечения и удовольствия. Могла, например, заварить крем для Наполеона

как отдельный десерт.

В это время я подсела на рецепты из журнала «Работница». Теперь в интернете о них вспоминают и говорят как о классических. Например, о рецепте торта «Птичье молоко» из двадцати яиц или о плове.

Когда я выходила замуж, то умела отварить сосиски, сделать яичницу и в общем все. Поэтому совершенствоваться мне было куда. Я собрала у своих новых сотрудниц их любимые рецепты, например торт «Зебра». Тогда же появились новые модные салаты: «Мимоза», крабовый (из консервной банки) и еще что-то.

В наших лесах, там где мы жили, набрать ведро грибов было плевым делом, к тому же там росло море опят. Я помню, как однажды вышла из подъезда в лес, до которого было сто метров, и возле подъезда стояли и разговаривали какие то люди. Потом возвращаюсь с полным ведром грибочков-опят, а эти граждане так ещё и стоят.

Еще мы собирали малину, которая была хоть и дикая, но очень крупная. Наверное, причина была как обычно в таком хорошем удобрении как повышенный радиоактивный фон.

Однажды я проехала на электричке чуть дальше Икши - до города Дмитрова. Это городок из "Золотого кольца". Рассказ Сереги про Владимир полностью подтвердился: в центре был кремль, вокруг – ничего интересного. Но мне вполне понравилось на один раз съездить. Сколько на один раз надо? Я полазила по центру и вернулась. Фотки нашелкала,

но больше, конечно, я туда не ездила.

Мои родители, услышав, что мы переехали в другой городок, тут же приехали проверять, где мы теперь живем.

Когда я поехала встречать родителей со станции Икша, мне выдали комбатвский УАЗ с горячим грузинским парнем – водителем Зазой. И едем мы на бешеной скорости по трассе, периодически Заза останавливался, открывал капот и вдумчиво куда-то заглядывал. Когда по встрече попадались другие УАЗики, то они останавливались и подходили к Зазе, это было их армейско – грузинское братство наяву. Они тут все друг друга знали в округе. Короче, мчимся мы и вдруг грохот и темнота: с размаху открылся передний капот, на и без того потресканном лобовом стекле добавилось трещин. Я моментально обхватив руками лицо ушла с перепугу куда-то вниз.

Моя мать, приехав в гости, увидела на столе торт «Птичье молоко», решила что он покупной. Я этим очень гордилась.

Серёга, который всегда на все мои «прибеи/привинти» привычно отвечал что пришлет солдата, очень разобиделся на моего отца, который все поприбивал и попривинчивал. А тут еще и ключ попросили временно дать. Потому что они по месту ходили туда- сюда, а Серёга в это время что-то строил в районе аэропорта Шереметьево, и приезжал только вечером. Ему действительно физически не нужен был этот ключ, но оказывается, он был необходим ментально.

Мать собиралась помогать по хозяйству, и Серёга попро-

сил постирать его бушлат. Ему ответили тягучим невнятным звуком. Он прытко сказал что сейчас нам поможет и засунул этот бушлат в ванну и залил водой. Пришлось как-то постирать. Иногда он был смешным. В общем мои родители постили недельку и уехали.

Мы по случаю получения жилья, плюс отсутствие встроенного стенного шкафа купили себе одежный шкаф на три створки дверей без антресоли. Мы, конечно, хотели с антресолю, но такие были только для льготных ветеранов. Это же был Советский Союз – всё в дефиците. Так у нас появился еще и полированный шкаф.

Вот я пытаюсь вспомнить гарнизонный городок, тот что за стеной, и он мне не вспоминается. Очевидно, что я там бывала только пару раз. Магазины у нас были свои и вполне приличные, а Серёга постоянно работал в Шереметьево и по трассе всё что нужно покупал.

За то нашу часть я чем дальше, тем больше вспоминаю. У нас за забором рос могучий старинный дуб, который засох от того что на него все ссали. Как сказали наши женщины: "Там солдатам делали команду "Вольно!"

Еще у нас разразилась эпидемия дизентерии. Солдат целыми группами отправляли в госпиталь, но потом достаточно быстро возвращали. Наш пропагандист ходил специально смотреть на их дерьмо и сказал, что такое впечатление, будто хозяйственного мыла поели. Откуда он разбирался, что есть такая уловка – симуляция, чтоб попасть в лазарет и не

ходить на работу? А что можно противопоставить?

Серёга оказывается испытывал эстетское удовольствие от приятных запахов, о чем я узнала увидев как он обильно поливает моим французским дезиком свой бушлат, весь покрытый масляными пятнами от ремонта грузовиков. Я стала прятать свой дезик и он для этой цели сам себе стал покупать духи Шахерезада. И это было полный пипец: запах этих вонючих духов на фоне вони промасленного бушлата. Хорошо, что всё это находилось на входе на вешалке.

О работе – меня перевели работать старшим нормировщиком нашего батальона. Раньше я была типа нормировщиком отдельной роты. И у меня стало два рабочих места: одно в бухгалтерии штаба, второе в конторе автобазы. Вы сами понимаете, что когда одни думают что ты пошел в штаб, а другие – что ты на автобазе, то можно спокойно и поспать. Но я бы не сказала, что там кто-то сильно следил за дисциплиной. Всё было по домашнему.

В Каменке я познакомилась с одним человеком, который оказывается оказал огромное влияние на мою жизнь – это был Серёгин ровесник, тоже лейтенант, который присутствовал на том нашем телефонном разговоре, когда Сергей спрашивал можно ли ему приехать в Луганск.

Как мы помним, он тогда никак не мог дозвониться. Так вот, Серёга пытался бросить это занятие, переживал, а этот его друг стоял рядом и заставлял продолжать звонить. В об-

цем часа за два они справились.

Этот парень был милый, хороший и несчастный. Он был коренной чернобылец. Его мама так и осталась жить дома – в деревне. А у него начались странные непонятные проблемы со здоровьем: начал расти из кобчика хвост. Это было и больно и унижительно. Он как раз собирался по здоровью увольняться из армии и ехать жить домой к маме. Оказывается, очень многие люди так никогда и не уехали из Зоны отчуждения, продолжив свою жизнь там навсегда, их еще называли «самосёлами», хоть это была их исконная родина и сельский родной быт в родных деревянных домах и с привычным образом жизни.

До меня наконец дошёл ноябрьский за 1987 год выпуск журнала "Юность" с повестью Юрия Полякова «Сто дней до приказа...». Раньше я этот журнал даже выписывала, и в магазине "Букинист" возле дома пересмотрела и скупила тьму старых номеров. Мне нравились там публикации стихов Вознесенского, Ахмадулиной, Евтушенко... В прозу я как-то в этом журнале не вдавалась.

Эту повесть в стране прочитали все: и те кто был в армии, и те кто "пропетлял" мимо, и матери будущих солдат. В лексикон прочно вошло слово "дедовщина". Я стала спрашивать наших штабных солдат про это. Они не хотели даже разговаривать на эту тему. Писарь Ербулат сказал что били, но он даже не знает кто. Просто в темноте набрасывали одеяло и дубасили.

В тему пришло и ЧП. Одному молодому солдату, когда он мыл пол, въехали сзади сапогом в промежность пока он мыл пол. Там всё напухло сильно. Он горько страдал и говорил: «За что». В руководстве наступил тихий шок, пацана увезли куда-то в госпиталь надолго. Когда я уезжала, то он еще не вернулся. Может его и комиссовали.

На автобазе было много народа в офисе: В том кабинете где мне выделили стол, работали еще четыре человека. Одна – жена мичмана, очень веселая и наблюдательная. Она сразу "вычислила", что я не очень могу запоминать имена и поэтому говорю "слышишь". Обстебала меня, и я на бумажке записала все их имена. Ещё у неё мама была баптисткой. Она об этом рассказывала совершенно "со стороны". Это всплыло когда она увидела принесенный кем-то религиозный журнал, который она сразу опознала по названию и в свете изменений в стране сказала: "Все потихоньку на свет божий вылазят". Я почему-то запомнила.

Была девушка – Ольга из соседней деревни. Она раньше работала на вычислительном центре. Там работа посменно круглосуточно и она поэтому оттуда ушла: "Ночью и не работали, спали на столах, а потом приходишь домой вроде с ночи – и опять спишь. Все перепуталось. И мне такая жизнь надоела". Она была не замужем, хоть как по мне – была добрая и уютная. Оля рассказывала как её пытались знакомить даже по объявлениям, и однажды приходит она знакомиться, а напротив сидит мужик средних лет в синих трикотаж-

ных брюках и она понимает – он алкоголик. И она подумала: "Мне столько лет, неужели все эти годы я прожила для того чтоб встретить такое".

Ещё была пожилая женщина – экономист этой базы. Она повспоминала о приключениях Серёжи в первый год его службы. И что когда увидели его жену, то сказали: "У такого Серёжи такая жена (по имени)". То есть со стороны было видно, что мы не соответствуем друг другу ментально. Что и было чистой правдой. Но о единстве противоположностей тоже много чего есть написанного.

Вообще там было много незамужних женщин из соседней деревеньки. Как видно наличие военного городка не есть абсолютной гарантией для достижения "счастья в личной жизни", или хотя бы его номинального вида.

У нас в конторе работала ещё одна местная девушка – Вера, которой не было и двадцати пяти, а она уже три раза развелась. Вот она специализировалась на поисках счастья с солдатами: первый быстро оказался дурак и алкоголик, второй – грузин, и когда его родственники узнали что он в армии женился, то за ним приехал брат и увез. С третьим тоже что-то быстро не сложилось. То есть если брать хоккейное чистое время, то за все три раза брака у нее могло набраться месяцев шесть. И она как раз "работала" над очередным прибывшим молодым лейтенантом. Но он тоже куда-то домой собирался ехать жениться.

На базе был активный профком, постоянно что-то распро-

странял и разыгрывал какие-то товары. Однажды мне достались сапоги на мою мать: у нее была толстая нога, а там было специальное голенище. Но моя мать так их и не носила. Они и сейчас лежат где – то дома.

Запомнила еще одну сотрудницу из этого своего кабинета на автобазе – тоже жену моряка. Поговаривали, что она крутила шашни с одним из наших командиров авторот. Во всяком случае я на всегда запомнила её шутку, когда этот парень пришел к нам в кабинет и начал вертеть наш кактус с подоконника и просить подарить это ему. Она спросила для чего этот кактус ему нужен: "Собираешься сажать на него провинившихся?". У него была императорская фамилия – Романов, он был чисто – русский после Рязанского училища и заинтересовал меня тем, что Серёга рассказывал: когда Серёгу назначили командиром роты, то Романов сказал – теперь будет с ним дружить, потому что дружить с младшими по должности недостойно. Запоминается, не правда ли?

Вообще в ограниченном кругу гарнизона, чтобы заработать какие-то сплетни на свою голову, особо ничего делать не надо. Например, я однажды разбиралась с тем соседом – Русланом где кто что работает из солдат, а потом узнала что меня с ним связывают теплые отношения. Я даже уже не удивилась, потому что меня обстановка гарнизона уже начала серьёзно задалбывать.

Потом у нас дома появились какие-то вши. И конечно же мой муж был ни при чем. Я выварила все бельё в жестяном

ведре и на этом разборку закончили. Интересно, что моя соседка тоже выварила в эти дни все своё бельё и на этом разборку закончила.

Сережа, который ко всем своим многочисленным достоинствам был ещё и сказочна ревнив, при мне сообщил жене Рустама свою версию, основанную на дошедших до него слухах. Я ему что-то доброе ответила, а она сказала что вообще же это её проблема, потому что это же её муж значит изменил. Я подумала, что это же исламский интеллектуальный прорыв в наше христианское мировосприятие. На этом и закончили. Определились, что мальчики дрыхли в медицинском изоляторе, а там все бельё такое.

=====

Когда я рассказывала об огромной яме на въезде в автобазу, то это было именно об этой. Ряд в двенадцать страшнющих КРАЗов стоял тоже именно тут прямо напротив ворот. В Дуброво стоял ряд ЗИЛов без двигателей.

В Каменке грузовики ездили совсем близко, в основном в радиусе десяти километров, то есть на московскую трассу не выезжали. Но это большинство, а далеко не все маршруты.

Начальник автобазы Гурский, был необъятно толстый, видимо болен обменом веществ. И он же ещё пробовал доставать меня своим кокетством. Вот что можно было ему ответить? Я сказала: "Ну, приходите", и он отстал навсегда. Вообще там глазами ели многие, но с учетом нижайшей толерантности Серёги, то лучше было даже не задумываться.

Мне очень помогало то, что красавчиков было много, и поэтому влюбиться в кого-то одного было просто невозможно.

Однажды меня послали с кучей путевых листов к прорабу на карьер и я там не очень удачно из КАМАЗа спрыгнула, почти совсем неудачно: зависла на обручалке. Это очень больно – чуть палец не оторвался. Кстати, тем кто работает с приборами: летчикам, морякам кольца запрещали носить. И я теперь точно знаю почему это правильно.

На работе мне надо было вести наряды слесарей, но там были всякие термины и их командиры рот вели их без меня, просто отдавали готовые. Ещё я вела огромную книгу, в которой производился учет доходов и расходов солдат: сколько заработал, сколько на него израсходовали. И до сих пор помню что на руки рядовым положено было выдавать в месяц семь рублей, а сержантам – одиннадцать.

Как я уже рассказывала, наши солдаты должны были зарабатывать деньги на свое содержание. И это получалось не у всех. Хорошим результатом был в конце службы рублей сто пятьдесят за два года. У некоторых все же выходило какое-то накопление и им эти деньги выдавались на дембель. А у некоторых образовывался глубокий минус и они слали телеграммы чтоб им выслали деньги для расчета. Кто-то сильно скандалил. за кем-то приезжали родственники.

Вообще напруг с деньгами на содержание войск уже стал сильно сказываться в 1988 году. Я помню комбат ходил по штабу грустный и говорил о том, что бы мы придумали как

можно заработать денег. Мы предложили сдавать солдат в аренду строителям дач, но он ответил что есть норматив, по которому это запрещено. Еще у него было наблюдение, что если он видит по подмосковной трассе стоящий на обочине автомобиль с поднятым капотом, то 99% за то что на нем будут армейские номера. Это где-то так и было.

В штабе было намного уютнее чем на базе. Нас в бухгалтерии было трое, в соседней комнате в канцелярии был солдат – казах Ербулат с красивым почерком и начальник канцелярии – жена подводника, коренная Питерка, лет двадцати пяти. Её муж был потомственным подводником и как я поняла сюда они попали по блату.

Пусть вас не смущает что в Подмосковьи нет моря, а подводники там есть. Это их связисты. Они через подземные установки осуществляют связь со всеми своими подводными лодками. Как это делается для меня выдающаяся загадка, но это так. До какой глубины они там докопались мне тоже не известно, но очевидно что до той на которой находятся подводные лодки.

По штабу гуляли комбат, начальник штаба и пропагандист. Там я впервые увидела воплощение армейского дебилизма, о котором столько читала. Вообще когда я немного осмотрелась в армии, то взяла «Бравый солдат Швейк» и прочитала по новой. В школьные годы когда я его читала первый раз, то мне иногда было смешно, но в целом я нашла это произведение достаточно скучным. Теперь же по-

пав в нужную среду, находясь в окружении «персонажей», с огромным удовольствием перечитала этот армейский шедевр.

Так вот, начальник штаба Алим Кулеша решил переклеить себе в кабинете обои. Выбрал, ему их приклеили. Но не почувствовал он себя там как надо бы по фен-шую. И так раз пять. Мой муж как-то поводил меня к стене возле выключателя и тихонько показывал слои. А ведь так просто и не скажешь, что майор Кулеша имел такое обостренное по фен-шую восприятие.

Его сосед по кабинетам – пропагандист, капитан тоже обновлял себе кабинет и попросил прислать специально обученных солдат. А у нас был целый взвод солдат со строительной специальностью. Хотя они должны бы были быть в стройбате, а у нас автобат при стройбате. Вот они ему приклеили обои. Он нам показал образец творчества специалистов. Он ей богу не был привередлив. И собравшись вдвоем с одним штабным сержантом, они сами приклеили их заново. При этом они оба занимались этим впервые. И получилось замечательно и ровненько. Ну что тут скажешь? Какая армия, такие и специалисты. Ну и из этих двух историй вы можете сделать вывод, что в обоях у нас недостатка не было. И взять их на шару было можно сколько хочешь. Но имея такую возможность мы не имели куда её применить. Нам негде было их клеить или даже складировать с целью дальнейшего возможного использования.

В честь приближающегося Нового 1989 года я для развлечения взяла лист ватмана А4 и сделала стенгазету в штаб. Фотки какие-то набрала, открытки и стишки насочиняла. Сама очень удивилась, потому что ни в школе, ни в институте даже близко не подходила ни к каким активистам. Эта газета до сих пор в свернутом виде лежит где-то у меня дома в Луганске в комнате, которую я считаю типа своей библиотекой.

Еще я любознательно слушала о солдатах: кто и как попал в армию.

Дорога во солдаты была у парней очень разная. Были те кому в армии просто противопоказано. Например, к нам поступил солдат с патологией суставов. Это была их семейная болезнь. Его родной брат был прикован к постели с нею. А он пробился через военкомат чтоб доказать обществу что он такой же как и все. И его приходилось таскать по больницам. Короче, через полгода его все же комиссовали из армии.

Был двадцатилетний молодой отец. Кстати, настоящий русский красавец – Лазарев. У меня иногда проблески в памяти, я что-то неожиданно вспоминаю. Так вот я у него спрашиваю: «Тебе же должны были дать отсрочку. У тебя только что родился ребенок» Ответ: «Зачем мне отсрочка? Пусть ребенок растет. Приду из армии, вокруг все рассказывают как у них дети плачут и спать не дают. А я им скажу, что мой не плакал».

Наш писарь Ербулат был из Казахстана с Балхаша. Он

окончил техникум и мог продолжить учебу, но пошел в армию. Он своим идеальным почерком вел книгу приказов, делал записи в военных билетах. Книга приказов велась вручную в прошнурованной опечатанной тетради. В ней невозможно было что-то вставить или подделать. Это не листочки опечатанные в папке подменять. Я спросила Ербулата: «Зачем?». Он пояснил, что думал, что будет от этого какая – то польза стране. Но теперь понял, что пользы точно не будет.

Был парень по фамилии Вовк, который мечтал о военном училище, но не смог пройти медкомиссию по высокому кровяному давлению и решил попробовать через армию. Его возили на поступление, потому что есть и такая разрядка: направлять из солдат желающих учиться в военных училищах. Но тоже не получилось пройти медкомиссию.

Наша главный бухгалтер – жена мичмана, уже лет за сорок, рассказывала что её муж тоже очень хотел в армию, но он – дальтоник и в офицеры его не взяли, а мичманом (это аналог прапорщика) –пожалуйста.

Всё же у меня были большие пробелы в представлении о субординации. Помню когда услышала как дежурный кричал на дневального, кстати тот самый сержант Лазарев, то сказала ему что в следующий раз его могут назначить дневальным и на него начнут так же кричать. Он мне светло улыбнулся и сказал что это вообще никак невозможно потому что он сержант. И разъяснил разницу между сержантом – дежурным и солдатом –дневальным. Теперь мне тоже смешно.

А Серёга в этом аэропорту Шереметьевском постепенно дичал. Он уже трезвым по вечерам просто не был, начал приводить каких-то гражданских друзей к нам на кухню. Она же была огромная и они там почти до утра как в мужском клубе заседали. Самые пьяные в принципе не могли уйти, они лежали трупиками. Не помню сколько это раз повторилось. Но однажды я развела ситуацию так, что больше к нам никто не пришёл. Только сейчас я об этом вспомнила. Просто всплыло. Скорее всего, я их просто выкидывала из квартиры. Я из тех кому необходима территория тишины. Интересно что Серёгины собутыльники все были гражданские водители и он к этой своей дружбе крайне трепетно относился.

Особенно у него были близкими друзьями два водителя: один высокий, а другой маленький и щуплый, у него еще только что родился ребенок. Так вот на высокого на бухгалтерию на адрес автобазы пришло из милиции уведомление об оплате пошлины или штрафа, и в нем была фабула: занимался онанизмом перед окнами женского общежития. Я Серёге представила этот манускрипт, он прямо извёлся возмущениями, что менты могут что угодно написать, если им не заплатит и что скорее всего максимум пацан ссал под деревом. Короче, его дружбаны – святое.

А у меня начала падать планка только при одном виде пьяного Сергея. Просто я чувствовала в себе зверскую ненависть. При этом он для начала ничего плохого не делал, если не считать ничем плохим требование разговаривать с ним до

трех ночи. В три ночи ему наконец хотелось спать. Очевидно, что мне хотелось спать намного раньше и очень хотелось погасить его как источник помех.

Но не только мне стали докучать его пьяные мансы, потому что на утро он проспавшимся быть не мог. Если он суперпьяным ложился спать в три ночи, то как бы он мог стать трезвым в восемь утра? Хорошо, что машины водить в его обязанности никак не входило. Я думаю, что он потом где-нибудь в каптерке спал целый день до вечера.

У нас с Серёгой дни рождения с интервалом в семь дней: у меня двадцатого, а у него двадцать седьмого. Я всегда трепетно относилась к тому какой фильм мне покажут на мой день рождения. Типа загадывала. На двадцать лет в 1984 я в кинотеатре нарвалась на "Счастливая Женька" и очень расстроилась. Теперь же спустя четыре года я получила по телевизору "Собачье сердце". Даже не знала как на это реагировать. Но фильм хитовый. Ну, или Булгаков хитовый.

Когда Сереге двадцать седьмого ноября 1988 года исполнилось двадцать пять, я сказала кому-то на работе о его дне рождения, и у меня спросили сколько ему исполнилось лет. Я ответила, и собеседник испытал шок, потому что считал что ему под сорок. А ведь два года назад он выглядел совсем-совсем юным мальчиком. И можно это всегда проверить посмотрев на свадебные фотки. Происходил полный запредел.

Как-то наш комбат Мисхат Зякизянович Алтынбаев на меня «наехал»: "В каком виде твой муж вчера пришел до-

мой?" Что я могла ответить на этот конкретно поставленный вопрос.

– Было поздно, я уже спала и не видела. Пришел и лег спать.

Лажа редко где проходит. В армии когда начинаются внутренние исследования, то подобный бред прокатит с нулевой вероятностью. Мне комбат рассказал, что его жена определяет сколько он пил и пил ли вообще просто через дверной глазок.

Ну дальше Серёга кому -то сломал челюсть и все такое. Я об этом уже рассказывала. И однажды когда он пришел в дымину пьяный и что-то начал мне говорить и толкаться, то я просто вышла и ушла спать к подруге. Дальше было интересно. Он, очевидно, лег спать с сигаретой и был небольшой пожар. Кто там его тушил я не знаю. Просто дала телеграмму отцу: "Папа, приезжай. Забери меня отсюда"

То есть в 1988 году под новый год я отправила телеграмму отцу чтоб он забрал меня отсюда. Мои родители тут же приехали вдвоем. У отца произошел гипертонический криз и кровь текла даже из ушей, а тонометр зашкаливало за отметку "триста". И пока мы его везли по непроходимой лесной заснеженной дороге на КАМАЗе в районную больницу, то не то что бы помирились, а забыли что ссорились.

На следующий день мы ездили с матерью проводить отца в районную больницу, естественно на КАМАЗЕ, водителем был тот маленького роста Серёгин друг. Ехали обратном

пути по той же самой заснеженной лесной дороге, где была одна колея и вокруг снега выше подбородка, то есть выйти не куда, но на опушках – места для разъезда встречных машин. Вот едем мы, а на встречу наш же КАМАЗ, который я знала, что без тормозов ездит. Такое бывает, когда тормозов нет, то они по инерции как-то останавливались. И едет ЭТО прямо на нас не снижая скорость, и разъезд уже проехал. Наш водитель остановил грузовик и мы просто сидели и смотрели как на нас летит КАМАЗ. На последнем мгновении встреча слегка скосила в сугроб так что у нас только колеса погнуло. Не помню как, но на скорости 5 км в час мы все же вернулись на том грузовике. Я спрашивала водителя почему он не выпрыгнул из машины. Он сказал что стрёмно было в снег лезть, как и мне.

Моя мать сказала, что раньше когда она видела армейский автомобиль, то считала – это просто символ надежности. Что можно сказать о её представлении о мире хотя бы из этого высказывания.

Я, когда вижу армейские машины, и теперь сквозь годы – шарахаюсь как можно дальше. Чудеса пилотажа у юных воинов просто зашкаливают. Например, я иду по автопарку и вижу, что для какой-то надобности в асфальте вырубает яму. Когда иду через двадцать минут обратно, то в этой яме уже колесо грузовика. Или иду и вижу, что в расположение казарм заехал грузовик, который пытается вырулить обратно задом. На обратном пути я уже вижу заваленный электри-

ческий столб и абсолютно не удивляюсь. Все что могло произойти в этой области – всегда происходило. Теория вероятности по типу случится/ не случится не действовала, все на сто процентов сбывалось.

ДТП всякого рода были не редкость. Хорошо, что хоть до смертей не доходило. Наверное, за счёт защищённости самого КАМАЗа.

Мои родители уехали, пожелав нам дружно жить. Мысль что их дочь разведется казалась им абсолютно невыносимой. Через год ровно я загремела в онкологию с лимфогранулематозом – болезнью иммунитета. В больнице было замечательно, по сравнению с другими моими альтернативами на земле – там можно было находиться.

Я уяснила, что теперь за меня в жизни заступиться никому. И если я к отцу с подобным еще раз обращусь, то он либо умрет, либо его парализует, потому что по справочнику и по тонометру такого давления у людей не бывает.

На Новый год Сергея ожидаемо поставили дежурным на базе где проводили строительные работы возле аэропорта Шереметьево. А кого бы еще, после всего что он сумел сделать? Мы отправились туда вместе, весело провели время, жарили семечки на электрообогревателе. Потом я проиграла кому-то в карты какую-то мелочь в секу. И мой муж меня ругал за то, что я играю в карты на деньги. То есть он боролся с моими пороками. Было смешно.

Он действительно ни во что не играл, ему это было не ин-

тересно. Поэтому пока все сидели и играли в каптерке, он слонялся по строительному участку, вдумчиво разглядывая работающих солдат. Мы же знаем, что смотреть на огонь, воду и как другие работают не надоедает никогда.

И один крупный начальник принял его за очень работающего. Его фамилия ушла в туман моей памяти, что-то созвучное «Талалаев». Он носил форму моряка. Когда-то давно он служил во флоте, давно перевелся, но форму менять отказался и вот все вокруг в зеленом, и один он – капитан первого ранга. Вот этот мореман – начальник Загорской базы автотранспортной механизации забрал моего Сергея к себе командиром батальона. Это был маленький батальон, фактически как рота – на сто пятьдесят солдат, но числился батальоном – частью. В это время ходил анекдот про жену Горбачева, как она его среди ночи будит и спрашивает: "Мечтал ли ты, Миша, простой парень – тракторист когда-нибудь спать рядом с женой Генерального секретаря партии?". Мои подруги по работе этот анекдот несколько переиначили в связи с тем что я внезапно стала женой комбата.

И мы сразу после нового года уехали в Загорск, ныне Сергиев Посад.

После того как мы уехали в Загорск в Каменке наступили некоторые изменения. Ту отдельную роту из Дуброво перевели в общее расположение в Каменку. Уж не знаю куда там расселяли семьи офицеров. И у одного солдата нашли туберкулез. Казарму драили и дезинфицировали. Но по крайней

мере один человек – замполит роты от него заразился, долго и тяжело болел, лечился и из армии комиссовался.

== 1989. Город Загорск ==

На этот раз рота состояла из автослесарей и строительных рабочих. Водителей среди солдат не было.

Мы переехали из Долгопрудного-хз, который был в глубоком лесу в очень приличный городок. Конечно, поселить нас смогли и там в какую-то конуру. Нам выделили комнату в трехэтажном здании с высоченными потолками, явно девятнадцатого века. На местном сленге здание именовалось «Пентагон», а район, окруженный болотцами и на отшибе – "Островок", официально: конечная остановка улицы Фестивальной.

Меня по переводу приняли экономистом в бухгалтерию. И жилось бы нам вполне себе хорошо, если бы Серёжа мог себя останавливать хоть иногда.

Предыдущий комбат этой части? Всегда интересно куда и почему делся твой предшественник. Вот моя предшественница в бухгалтерии ушла декрет. А предшественника Серёги перевели тут же в другое подразделение, потому что он достал начальника – моремана своим пьянством, которое сопровождалось периодическими исчезновениями на несколько дней, вплоть до недели. Насчет него даже однажды приходили какие-то девицы с документами и спрашивали: "Ваш? Заберите, он у нас лежит, уже надоел". И за ним высылали машину и увезли "мертвое" тело. Его жена была местная –

из Загорска, работала завмагом и на этом конструкция держалась. Пристроен пацан был к мореману по благу и протекции, но сильно перегнул палку.

Наш "Пентагон" имел вид необычайный и устрашающий: его много раз ремонтировали, затирая стены. Здание стало как боец, покрытый разными по цвету и форме рубцами. Основной цвет категорически отсутствовал. До остановки, которая располагалась за поворотом трассы, нужно было пройти минут десять мимо пустыря и помойки на краю треугольника дикой природы. Вечером возле помойки всегда собирались свора больших собак.

Однажды я одна возвращалась с остановки домой, шла мимо всего этого, а сзади какая-то компания. Когда мы потом столкнулись, то им было очень весело рассказывать мне же, как хорошо им было видно: до какой степени мне было страшно идти мимо этих голодных больших псов. Интересно, что ни кому в голову не приходило, что в моей реакции была полная адекватность ситуации.

В нашей общаге потолки были невероятно высокие, и окна им соответствовали. Зимой прогреть это все было невозможно. Я заделала окно полностью ватным одеялом. Это помогло. Мы несколько месяцев жили со включенным светом. Поскольку зимой все равно все время темно, то занавешенность не напрягала.

С соседями мы не общались, кроме моей новой начальницы – главного бухгалтера автобазы с приятной фамилией

Маслёнкина. Она с дошкольной дочкою и мужем – бывшим прапорщиком жила через стенку.

В этом "Пентагоне" видно было, что многие семьи с детьми жили десятилетиями. Как они там уже у себя в комнатах обустраивали уют я не знаю. Но вот три соседские семьи как-то очень скандалили: мужья имели где-то дополнительные "гавани" и периодически уходили в недельные запои. Да, это был зверинец, состоящий преимущественно из бывших прапорщиков, уволенных за пьянство и оставшихся на гражданских должностях, в основном водителями. С прапорщиками такое часто бывает. Очевидно, туда идут те, кому после срочной службы особо не куда возвращаться.

Магазин на Островке был один и очень маленький. Купить в нем реально, кроме брикетов киселя было не чего. Неподалеку, через речку, располагался очень уютный и ухоженный военный городок с пропускным режимом. Дорога туда лежала поперек зеленой полосы и находящегося в глубине её мостика через водоем.

Удобнее же было попадать в него на рейсовом автобусе. Я в перерыв иногда туда ездила. Поскольку городок был закрытый, то на въезде заходил дежурный, проходил по автобусу, произносил: "ну, вроде все свои" и выходил, а автобус заезжал в глубь городка.

В основном продукты покупались Сергеем в Москве. Он ездил туда раз в неделю на грузовике, так что его это не затрудняло, а очень даже развлекало. Он вообще любил делать

мелкие покупки и истово торговаться на рынке с зеленщицами. Я ему не мешала, поняв что это обряд – шоу – развлечение, поэтому стояла в стороне и ждала. Где в Сергиевом Посаде рынок я сейчас даже не очень припомню. Скорее всего мы туда не ходили вообще.

В общежитии существовал порядок: мы были разбиты по пол этажа и по очереди на своем полэтаже убирали раз в неделю. И надо было сдать дежурство. Туалет естественно был общий, как и умывальники.

Среди наших соседей, которые жили тут уже годами, сложились определенные отношения, в основном конечно неприязнь. И было такое милое развлечение – на дежурство своего недруга засунуть в унитаз что-нибудь типа большой тряпки, чтоб спровоцировать засор. И смотреть как тот с этим борется.

На наше дежурство Серёга сам дрял туалеты и начищал бронзовые краны. Я мыла пол. Он сказал, что мог бы прислать солдат, но соседи такой хай организуют, что лучше самим помыть. Комнат было штук восемь и дежурить надо было примерно раз в два месяца. Так что мы за полгода может раза три там и подраями. Но хочу отметить, что мой Серега вообще-то бывший курсант и четыре года на казарме в училище хорошо натренировали его. Так что драть и начищать сапоги он умел лихо, как и чистить картошку.

Кухня была большая общая с поломанными электроплитами. Никто ею почему то не пользовался. Кухонные столы

были выставлены прямо по коридору под дверями в комнаты и все там что-то готовили. И хранили всякий хлам прирешенным к стенам, в сундуках, или наваленным на эти самые сундуки. Так что пройти по тому коридору тоже порядочное грузиво. У меня такого стола не было. В комнате был отгорожен угол с электроплиткой и духовкой. И мы там что-то готовили. Вообще-то Серёга прекрасно ел в солдатской столовой и от голода явно не доходил. Поэтому вопросы питания не заострялись на нём. Вопрос был во мне. Мне тоже хотелось нормальной человеческой еды. Вот я и готовила. В те светлые времена заведения типа "Пузатая хата" еще отсутствовали, а имелись либо где-то далеко рестораны, либо столовые с липкими столами и помоями в оловянных тарелках. Так что спасение утопающих – в руках самих утопающих

И, возвращаясь к бессмертным коридорам "Пентагона", там конечно же варили самогон тайно по ночам. Возвращаясь домой поздно вечером после прогулки можно было всего этого нанюхаться вволю.

По соседству подселили нового главного инженера нашей автобазы – подполковника, который приехал без семьи. В список дежурств его не включили. Жаль, было бы интересно посмотреть. За тем к нему стала приезжать в гости жена, но видимо не совсем его. Я хочу отметить что не совсем свои жены у офицеров встречались не редко. Они приезжали с детьми и оставались жить. Можно провести исследование на

тему: "Как плохо должно житься женщине, чтоб она притащила жить хрен знает куда своих маленьких детей". Я – то все же была сразу после института, да ещё и никогда раньше не жила в общежитии. То есть лично для меня это было приключение взросления. Потому что когда я училась, то слегка завидовала девчонкам, которые жили в общежитии, и охотно ела их "фирменные" блюда: картошка с салом и луком и суп с колбасой. Дома такого не готовили.

Под Загорском находился могильник радиоактивных отходов. Были какие-то выступления против. Соответственно в Загорске радиоактивный фон был сильно повышен. В Троице-Сергиевскую лавру привозили иностранные экскурсии, кроме японцев. Японцы, запуганные со времен второй мировой, носили на груди дозиметры и когда автобус подъезжал к Загорску, все эти дозиметры начинали пищать и экскурсанты просили повернуть автобус обратно.

Дети в этом городе зачастую рождались с большими дефектами и когда их возили по больницам области, то от врачей слышали фразу: "Задолбали эти загорские". Например, у нашей зам.главбух родился внучек со сросшимися ногами. Её сын со своей шестнадцатилетней женой оставили ребенка в роддоме. А наша Герасимовна, которая, кстати, разговаривала с большим украинским акцентом, забрала малыша оттуда. И возила его по врачам, ему ломали кости и что-то делали. На работе она просто молчала, и лицо у неё почернело от горя.

Ещё мне запомнилось, что в городе была экспериментальная птицефабрика, с которой постоянно возили на продажу битые яйца. Так вот они все были очень большие и на два желтка. То есть с лотка могло попасться несколько штук с одним желтком, а остальные – на два. Теперь я могу прокомментировать: чистый Чернобыль. Больше я таких яиц ни где не встречала.

Периодически активисты устраивали митинги и заслоны перед автопоездами, с мигалками тянувшими новые отходы на эту радиоактивную свалку. Я помню плакат "Могильник в колыбели" (отсылка к значимости Лавры, которая считалась официальной резиденцией Патриарха Всея Руси). Но Патриарх на самом деле в Загорск особо не показывался, а обитал всё же в Москве.

Лавра была главным местом наших прогулок. Можно было ещё пойти на природу, которая была слегка заболочена, или в кино. Мы так и делали. Ходили в кино иногда и на два фильма в день. На природу редко выбирались, но какие-то шашлыки все же пару раз делали, при чём исключительно вдвоем. А по Лавре сделали сотни кругов и заглянули везде.

Когда в начале 1989 года мы туда приехали, то в Лавре по всей территории насчитывалось три ларька и магазинчик: на входе, посередине и в глубине. На площади перед главным входом в подворье летали голуби и стояли лужи. До осени – момента нашего отъезда всё так и сохранялось.

Когда же мы в середине 1991 года оказались там повтор-

но, к слову – это и стало нашим последним местом службы до декабря 1991, то Лавру было не узнать. То есть через год – полтора она превратилась в нескончаемую туристическо – рыночную площадь. Перед главным входом расположился новый рыночек сувениров, по всему подворью стояли неисчислимые ларьки православных товаров, служители приобрели бизнесовый вид. По фразам, содержащим слова: "офис", "бизнес", "цены", долетавшим из их разговоров с цивильными, можно было понимать, что темы бесед далеки от жития святых.

На большие православные праздники со всех концов съезжались гости. Самым крупным был именинный день Святого Сергия Радонежского, основателя монастыря. В электричках по дороге прося милостыньку приезжали убогие. Приезжали провинциальные, деревенские служители церкви со своими многочисленными чадами, разодетыми в пестрый ситец и повязанные платочками под подбородком. Было видно, какие они радостные и торжественные, было видно, какие они нищие в своей стоптанной обуви и дешёвой одежде, ношенных и ободранных рясах. Было видно, что их жены вели далеко не праздную жизнь, что это уставшие и измученные женщины. Именно благодаря этому фону особенно смотрелись церковные аристократы в своей византийской одежде, практически полностью покрытые золотой росписью с вкраплением драгоценных камней на драгоценных тканях. Это были настоящие "Два мира, две системы", но

только внутри одной структуры. О самом ходе празднования говорить что-то излишне, это можно посмотреть на видео: пышность помпезная, сытые и самовлюбленные лица, настоящая ожившая карточная колода.

Мой муж притаскивал периодически всякие церковные сувениры типа огромных, похожих по росписи на пряники свечей. Он же был с одной стороны общительным и любознательным, а с другой обладал стопятидесятью фактически рабами, которых церковники и просили им выдавать Христа ради для каких-нибудь работёнок. Так что какие-то знакомые в Лавре у него были.

Я до сих пор не пойму, почему мне тогда не пришла в голову мысль там откреститься. У меня отец был ярый коммунист и детей крестить не позволил. Мы потом каждый своим путем открестились. Лично я в двадцать восемь лет уже в Луганске целиком самостоятельно пошла в церковь без каких-либо родственников. Меня всегда коробила мысль иметь над могилой фанерную звезду. Впрочем, теперь я категорически вижу себя исключительно сожженной и развеянной, в будущем, конечно.

В батальоне у Сергея устраивали на выходных какие-то развлечения, а Сергей очень гордился нашей коллекцией пластинок, которую я не поленилась притащить из Луганска, и систематически пополняла уже в Подмоскowie. Тогда выходило очень много нового из русского рока. Раньше такого вообще не издавалось, кроме "Машины времени", а теперь

поперло в свете Перестройки. Я все аккуратненько скупала вне зависимости от своих вкусов. Хотела дома внимательно расслышать слова, и вообще до сих пор считаю что рок-музыка это в русскоязычном сегменте прямое продолжение Пушкина и Лермонтова. В общем, пластинки были все что можно придумать от фирмы "Мелодия".

И однажды пришёл солдат подбирать что-то на выходные. Я не помню чтоб сильно обрадовалась, что у меня их заберут и уж точно поцарапают. Но не спорила. Он стал смотреть, я стала предлагать. И тут я поняла, что у меня в мои двадцать пять уже образовалась некоторая пропасть с девятнадцатилетними во вкусах. Солдат сказал, что хочется по жёстче и выбрал "Кино" и еще что-то.

В нашей бухгалтерии было пять человек: две пенсионерки – жены полковников из гарнизонного городка, главбух – жена бывшего прапорщика, которого выгнали за пьянство, замглавбуха о которой я уже упоминала – украинка, которая переехала сюда когда вышла замуж за солдата, служившего в их украинских краях и я. Полгода, что я там проработала и были идеальным сроком чтоб собрать все их истории.

Но из их историй сделать однозначный вывод "что же правильно в этой жизни" невозможно, потому что во всех случаях получалось плохо. Имена я как обычно не очень помню и фото у меня есть только главбуха, с которой мы однажды встретились в центре города у фонтана.

Начну с пенсионерки – коммунистки, пусть её условно зо-

вут Анна Ивановна. Она с мужем до этого лет десять провели в Нахичевани, который Азербайджанский, но возле Армении. Климат там был не очень, но жить можно. Её муж всегда хорошо учился и мечтал продолжить учебу в Москве – стать кремлевским курсантом, чтоб красиво маршировать на парадах на Красной площади. Он поехал туда поступать и ему предложили вместо этого учиться в Ленинграде. Очевидно, что по Москве всё уже и без него – отличника было расписано. Он отказался, потому что это не совпадало с его мечтой маршировать именно по Красной площади. Юная Аня плакала и думала: "А не дурак ли ты?" После десяти лет в Нахичевани ему пришла разрядка – перевод на Крайний Север. Тут уже возмужавшая Анна Ивановна не выдержала и сама поехала разбираться с руководством, её муж с приказами не спорил. Она же добилась что его перевели в Загорск. Очень разумными были выставленные ею аргументы о некоторой климатической разнице между Нахичеванью и Крайним Севером, что может надорвать здоровье маленьких двоих детей. И аргумент над картой СССР: "Неужели по всему СССР для моего мужа есть только самые крайние точки: север и юг? А поближе мы служить не можем?" Анна Ивановна была старым членом КПСС, посещала все собрания и была активным пропагандистом всего правильного.

О её муже мне рассказала вторая пенсионерка-полковница Галина Васильевна, что он всю жизнь берег здоровье – мало пил и все накопленные силы отдавал слабому полу. А

Анна Ивановна всеми силами его дисциплинировала.

За то Анна Ивановна мне поведала о Галине Васильевне, что её муж уехал на север чтобы получить папаху, то есть стать полковником. А она с ним не поехала потому что у неё была дочь – десятиклассница и она не хотела оставлять девочку одну. Однажды Галина Васильевна решила порадовать мужа и прилетела к нему, пришла в общагу где он жил и на вопрос дежурного кто она – представилась. Получив ответ: "Как жена? Мы знаем его жену. Она тут живет и сейчас они оба на работе", надорвала свое здоровье навсегда. У неё на нервной почве отнялись ноги. Потом её долго лечили, и вот теперь она потихоньку работала здесь в бухгалтерии, а её дочь оканчивала в Москве университет. Дальше в рассказе Анна Ивановна делала вывод: "Чего она здесь сидела? Что стерегла? Конечно надо было сразу с ним ехать!" Я не стала спорить с выводами опытной женщины. Но будучи тогда достаточно молодой, то могла легко представить, что она стерегла. И на её месте все же тоже поберегла дочь, но и не ехала бы к мужу без предупреждения и обсуждения. Наверное потому что я не люблю получать стрессы сильнее, чем хочу знать одну только истинную правду.

И от Анны Ивановны я узнала, что в Нахичевани когда они в начале семидесятых приехали туда было много армян, а через десять лет, то их там уже практически не было – все уехали, их вытеснили.

Ну и об учебных тревогах она рассказывала смешно: кто

откуда выбегал на ходу одеваясь.

Наша Герасимовна, которая с Украины, тоже не была счастлива в браке. Она развелась с мужем и они остались жить в трехкомнатной квартире как в коммуналке. Он пил и на выходные запасал с собой, чтоб уже не бегать. Детям своим не помогал и всё такое.

Вот интересный факт: у её мужа была группа инвалидности по сахарному диабету и он потреблял пиво в промышленных масштабах, утверждая что ему от этого легче. И я как раз в то же время услышала по радио передачу, где рассказывалось что лучше всего от диабета помогает пиво. После пива, но значительно с меньшим эффектом следует вино, а остальное уже совсем не тот эффект дает. То есть мужик самостоятельно подобрал себе лекарство, пока ученые с мензурками вошкалились. С тех пор я отношусь к пиву с огромным пиететом.

У главбуха все было ещё хуже. Потому что у перечисленных женщин костры как бы и отгорели, а её – бушевал. У неё была маленькая дочь и муж – бывший прапорщик, которого выгнали за пьянство. Маслёнкин был с большими черными усами, смазливый и слегка похожий на Щелкунчика. Он часто прибегал к нам в бухгалтерию и о чем-то шептался с женой. Где и чем он занимался было окутано тайной, но официально он точно ни где не работал. Шустрый и наглый он завел себе вторую любовь, дарил там подарки чужому ребенку, а своему – ничего, и бегал между двумя жёнами.

Когда к ним в гости приехала его мамашка, то отметила что невестка замечательно похудела, рассказала какой у неё замечательный сын и тепло попрощалась. А невестка худела и таяла от большого личного "счастья".

Статистика ужасает. Всё таки 100% это 100%.

Когда я занималась начислением зарплаты, то пришлось столкнуться практически со всеми сотрудниками. И поучаствовать в некоторых конфликтах. Например, запомнился очень высокий и толстый водитель цементовоза по прозвищу Матрац, фамилия – Кузнецов. У него постоянно были вопросы к правильности начисления. Он становился над моим столом, слегка наклонялся и что-то на меня кричал. Это было со стороны комично, а из моей позиции страшно-вато. Впоследствии мне о нем рассказали, что он был замечательный светлой души человек. Однажды к нему прямо под машину шагнул маленький ребенок. Он абсолютно резко свернул, была дичайшая авария, цементовоз перевернуло, ему сначала ампутировали ноги, а потом он умер. И все время спрашивал жив ли остался ребенок. Ребенок тоже погиб, но ему этого не сказали. И он умер счастливый, что ребенка ему спасти удалось. Своих детей у него не было.

Были ещё два водителя, у которых каждый месяц в листе начисления почему-то значилось до 27 путевых листа. Вообще начислением заработанного занимаются диспетчера, потом это принимает плановый отдел. А задача бухгалтера – прямо обратная, вписать начисленную другими сумму, доба-

вить надбавки, типа за классность, ночные, вредность и вы-
честь все налоги, сборы, алименты. Так вот, смотрю на эти
начисления и что-то меня смутило в количестве отработанных
дней. Бывает что дней по путевкам много, если водитель
в предыдущем месяце затерял или не успел сдать какие-то
документы. Но у этих двоих откуда из месяца в месяц? И
прошла я в плановый отдел, подняла реестры путевых ли-
стов и стала смотреть по дням. Выяснилось, что ребята вовсе
не перерабатывали, а делали дубликаты путевых листов. То
есть, например в мае сдают как бы запоздавшие несколько
путевок за апрель, но в апреле они уже были. И такая не хит-
рая схема каждый месяц. Это было совместное творчество
диспетчеров с водителями. Вот я и рассказала о своем пер-
вом реально вскрытом и доведенном до разоблачения эконо-
мическом преступлении. Бледная инженер по зарплате под-
няла путевые листы за обозримый период и народу всё по-
ставили на удержание. Всё было абсолютно тихо и молча.

Ещё у нас появился удивительный солдат из Молдавии.
Вернее, он и раньше служил, но до поры никто не знал что
он удивительный. В Молдавии был завод по капитальному
ремонту КАМАЗов, но чтоб сдать туда автомобиль, надо что
бы он был полностью укомплектован правильными агрегата-
ми: двигатель, колеса, кабина. Чтоб была полная комплект-
ность. А у этого солдата оказался дядя на том заводе главным
инженером. И пацан мог сдавать туда любой кривой лом.
Этому замечательному парню выдали новенький КАМАЗ,

загружали на него что-то похожее на нуждающийся в капитальном ремонте КАМАЗ и отправляли в Молдавию. И так он стал ездить постоянно, даже остался работать после дембеля. На каждую поездку у него уходил почти месяц. Надо было ждать когда машину починят чтобы везти её обратно. Всё это время парень вместе с нашим новеньким КАМАЗом был полностью предоставлен сам себе. У нас ему шли командировочные и оклад. По слухам он уже начал в Молдавии строить себе дом. Однажды он даже поехал в командировку со своей беременной женой, ей захотелось прокатиться по стране перед тем как засесть дома с ребёнком.

Был у нас очень само – организованный прапорщик Дёмин, который руководил складским хозяйством. Он очень подружился с моим Серёгой, который приходился ему начальником. Дружба основывалась на бочке спирта на складе. И это уже заходило за все пределы. Бочка спирта это как целый большой курятник для лисицы. То есть неисчерпаемость наяву.

При этом вид Дёмина был прекрасен, в своем возрасте около сорока он был цветущий мужчина, который в жизни ничего тяжелее шариковой ручки не поднял. Очевидно что он просто методично спаивал Серёгу.

С Дёминым связана очень смешная наша бухгалтерская история. Он ежемесячно сдавал отчеты по складу и раз в год инвентаризацию. И у нас его документы по инвентаризации не нашлись. Мы ему горячо доказали, что он их нам так и

не приносил. Он очень удивился и написал всё заново. Во время уборки на полках после годового отчета мы их обнаружили, но Дёмину уже об этом не стали говорить. Как говорила наша Герасимовна: "В бухгалтерии ничего не теряется, все подшивается".

Учёт естественно велся в ручную с калькулятором. И поиск арифметических ошибок был самым обычным делом. Герасимовна всегда с сочувствием говорила: "У тебя оно потом ещё подробится". Это означало что искомая сумма разобьётся на несколько ошибок в разных местах.

В Загорске я остро почувствовала – наступают другие времена. Я случайно услышала сетования своего главбуха о том что начальник – мореман заставляет её делать документы о продаже списанных автомобилей каким-то кооперативам. Вообще движение основных средств вела Герасимовна, но с шефом общалась только Маслёнкина. Проблема была в том, что этих автомобилей на автобазе никогда в помине не было, то есть кооператоры их где-то уже раздобыли и покупались фактически только документы.

Жена моремана ездила на каком-то её личном маленьком автомобиле, что было в те времена в новинку. И мне объяснили что это «Ока», куплена как разбитая во время технических испытаний. В общем мореман шел в ногу со временем.

Для развлечения в Москву мы ездить перестали. Возможно что уже и наездились, и прошлись куда придумали, всё же шёл уже третий год. Да и в Загорске было где прогуляться

один – два дня в неделю. Как-то мы вдвоем ходили на шашлык. Раньше, в Дуброво мы всегда ходили большой компанией и в ход шло любое мясо, куры, утки. А тут Серёга привёл меня на берег и сам сделал шашлык, то есть компании у нас действительно не было.

А однажды мы на электричке прокатились в какие-то сказочные места и там то ли гуляли, то ли грибы искали, но пошел совершенно дикий ливень. До станции Серёга меня буквально тащил, было что-то с увязшей промокшей обувью и сбивающими с ног потоками воды. Но как только мы добрались до дома, он открыл входную дверь, пропустил меня вперед, развернул к себе лицом и потоптавшись на входе сказал: «Я хочу есть». У меня были совершенно другие планы чем готовить еду, я хотела рухнуть спать.

В Загорске я прибарахлилась революционным красным платьем с драконом от новоявленных кооператоров, в нём и осталась на всех Загорских фотках. С верой в будущее я стала покупать цветную фотопленку чтоб можно было со временем делать цветные фотки.

Из новостей лета 1989 я узнала новое слово: "путана" из фильма "Интердевочка". Там еще и повесть была. И к нам пришел анекдот:

"На Ивановской швейной фабрике идет заседание профкома:

–Мария Ивановна, вы такая знатная ткачиха, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, как же вы стали валют-

ной проституткой?

–Ну что вам сказать... Да просто повезло!"

По проституткам в стране пошел бум. Про них стали петь песни. Газманов со своей: "Путана, путана, путана, огни отелей так заманчиво горят" вырвался впереди "Спрута" с его мафией, где тоже всё заманчиво манило.

Женщин с пониженной социальной ответственностью оказывается было много, у них была "карьер" продвигалась сверху вниз, их ставили на учет и штрафовали на символические для «ночной бабочки» сто – двести руб. Всех анекдотов я тут приводить не буду, но суть их сводилась к тому что сосет тот, у кого нет денег, а путана -звучит гордо.

По Сергиеву Посаду могу вспомнить ещё что мы действительно много ходили в кино. Действительно означает именно действительно. Там ещё в кинотеатре появилась первая на моей памяти комната – видеосалон, под него то ли кабинет выделили, то ли угол холла отгородили. Мы смотрели все подряд боевики и ужастики. Но в настоящем большом кинозале тоже ничего не пропускали и в частности смотрели фильм, в котором "она переделалась в мужскую одежду, чтоб попасть в мужской клуб, а потом за ними погнались...". Фильм мне понравился, но название в памяти не сохранилось. Да, через лет шесть мне пояснили, как он назывался – "Девять с половиной недель".

Сначала мне нравилось смотреть все подряд фильмы. Потом, конечно, надоело. Но спокойно и уютно сидеть в ви-

деозале всё же приятно. И я придумала себе как правильно смотреть все эти повествования о жизни китайско-японских специалистов в области боевых искусств. Я смотрела на интерьеры, здания, одежду, разрисовку лиц. И тут обнаружила, что много фильмов снято вокруг одного и того же дерева, но с разных сторон.

Ещё заметила, что у нас с мужем не разная реакция на происходящее, а противоположная. Вот например, мы смотрим в кинотеатре боевик на тему установления советской власти в Средней Азии (кстати, очень рекомендую "Узбекфильм") и каждый раз когда я со скукой откидывалась в кресле, например, при виде драки или погони по крыше поезда, то в этот момент Сергей оживлялся и как раз наклонялся вперед.

А потом я научилась в кинотеатрах спать. Я засыпала примерно на третьем кадре и просыпалась странным образом за кадр до титров, может меня будил специфический шум в зале. Я смотрела последний кадр и начинала задавать вопросы. И мне довольно бестактно на это всегда отвечали: "Самой смотреть надо было!" И никогда не пересказывали содержание.

Но вот интересно, что засыпая на третьем кадре я все же лучше помнила какие фильмы мы смотрели. Может название я и не помнила, но четко знала – тут я уже спала. И всегда безрезультатно пыталась доказать, что на этот фильм мы уже ходили (тут я уже спала). Так было например, с фильмом

про автомобиль, который перелетает с небоскреба на небоскреб ("Восход "Чёрной Луны"), с фильмом в котором самурай в первом кадре несет на спине корзину, из которой выглядывает ребенок... Так что для меня осталось навсегда загадкой как воспринимал видеоряд сидящий рядом мой собственный муж.

Мы и дома таким образом вместе телевизор смотрели. На выходных при особо плохой погоде утром включаешь ТВ, ставишь на столик еду, и начинаешь проводить день по домашнему. Вот идет передача про животных – я смотрю, Сергей спит, потом начинается что то другое – Сергей смотрит, я сплю. И невероятно, но факт, мы таким образом могли сидеть на одном диване за день и не встретиться. Об обсуждении увиденного я думаю упоминать уже не стоит.

На этой автобазе у меня зарплата с премиями стала больше чем у Сереги, у которого начали что-то высчитывать из денежного содержания за недостачу вещёвки. Это было совершенно обычным делом для старшин и командиров роты. Парадную вещёвку крадут, отнимают, покупают дембеля. И её постоянно не хватает. Дембеля хотят возвращаться домой во всем новеньком. А взять его можно только у вновь принятых на службу.

Мне было в нашей бухгалтерии хорошо, работу я делала на автомате, тем более в добром ко мне коллективе. А у Серёги не складывалось. Его начальник – мореман был ментально безгранично далек от него. И любой вопрос началь-

ника приводил Серегу к озлоблению, которое глушилось из бочки спирта на складе, плюс его ещё и постоянно угощали.

Поводов было бескрайнее множество. Например, приехали родственники к солдату, отпустить солдата в отпуск, дни рождения, чьи-то звания. Всего не перечесть. Даже профессиональных праздников: 23 февраля, день автомобилиста, день строителя, день танкиста (каким-то боком, у Сереги были права на вождение трактора), ещё какие-то.

Он стал допиваться до дико агрессивных состояний. И однажды поздно вечером его притащили солдаты вусмерть пьяного. Он сопротивлялся и рвался обратно. Но они его держали и в таком виде просто засунули в нашу комнату в общаге. Он стал ломиться, но они держали дверь с обратной стороны. Тогда он повернулся и пошел на меня.

Я не помню хода битвы, но было где-то так: он меня повалил и нанёс несколько ударов сверху по голове, а потом не знаю как, но он оказался подо мной. Я вышла из комнаты и позвала соседа – мужа моей главбуха. Не помню где ночевала в эту ночь. На следующую ночь я ночевала у знакомой, а он приходил в себя, плакал и извинялся.

Не скажу чтоб я его прямо простила когда-нибудь вообще. Но мы типа помирились.

После этой дикой драки я поняла что соседи остались тайно очень довольны, потому что подозревали нас в идеальных отношениях. Мы им чем-то резали глаз. Мне такое не могло бы прийти на ум.

Не думаю что я когда-то упоминала об этом в своей дальнейшей жизни, заблокировав в памяти это случай. Сразу же после я что-то сказала Сергею. Но услышала от него интереснейшую версию: он почти меня не тронул, на мне нет ни единого следа, он был настолько пьян что не мог даже стоять и я его легко повалила, на нем куча рваных царапин и синяков. Я вот думаю, почему он меня именно бил по голове? Да он так привык – дубасить солдат чтоб не было следов.

Можно сказать, что этот случай оставил глубочайший след в моей психике, повлиял на формирование всей моей дальнейшей личной жизни и с Сергеем, и без него. Я просто не в состоянии кого-то подпустить к себе при малейших признаках агрессии. И скорее всего кинусь первая, если некуда будет сбежать.

Знакомая, у которой я провела следующую ночь, женщина лет под сорок, сказала мне, что с ним надо расстаться, потому что если он так относится ко мне в моем возрасте, не бережёт это молодое тело, то когда мое тело изменится, все только усугубится. Я запомнила эти красивые слова, но не для себя, а как красивую цитату, потому что для себя я сделала все выводы ещё раньше.

Родителям об этом я даже не говорила. Кому говорить? Отцу? Ну умрет он или его парализует. Что мне это принесет хорошего? Матери? Она – дура. Уйти? Вот куда? В лес к грибам?

Однажды, согласовавшись с картой и справочником

Москвы, я предложила поехать в Ботанический сад. Мы там почему-то ещё не бывали. Серёга неожиданно быстро согласился. И вот в выходной мы туда отправились. Серёга весь такой деловой прихватил с собой чемоданчик – дипломат. Я ещё удивилась: "Нафик он ему нужен?" Я вообще даже сумки не люблю таскать, стараюсь всё по карманам распихать. Но не мне же его носить, взял и взял.

Приехали и гуляли. Там, конечно, не Крым, но тоже интересно: огромные деревья, их величие. Потом Китайский домик... А потом мы зашли на достаточно пустынную аллею с лавочками и Серёга очень обрадовался и довольный уселся. Когда он открыл этот дипломат, то я поняла, что от навивности не избавлюсь никогда. Там были пару яблок и две бутылки водки. Я поняла как Серёга видел своё путешествие в Ботанический сад. Но свежий воздух и тенистая природа помоги пережить и этот день. Плюс Серёгин алкоголизм уже перешёл в ту стадию, когда с двух бутылок с ним ничего особо не случилось.

Я, учась в институте на экономическом, практически по всем предметам должна была читать работы Ленина, если не Маркса с Энгельсом. Разве что только по вышке этого не требовалось. А так начиная от фразы: "Социализм это учет и контроль" и по любому предмету. К концу обучения приобрелась интересная эрудиция: по номеру тома называть год написания Владимиром Ильичом его работы. И когда в фев-

рале 1986 года начался 27 съезд КПСС, то меня било мелкой дрожью что заставят ещё и эти материалы изучать, хоть мы уже были на дипломной практике. Но странным образом от нас "отвяли" и даже словом этот съезд не был ни где упомянут. Я на это только перекрестилась.

Но вот наступили новые времена, когда никого не надо было насильно гнать смотреть съезды. Но у меня-то испуг после института вьелся. Поэтому я очень удивилась, когда пришла на работу, а все расселись на стулья, установили телевизор и приготовились смотреть съезд народных депутатов СССР. То есть люди реально в офисе не работали: сидели и смотрели.

Он шел с 25 мая по 9 июня 1989. Там я впервые разглядела Сахарова. Он как-то в самом начале бойко проскочил к трибуне и начал говорить какие-то невозможные для моего затраханного институтом мозга вещи. Там звучало то, что по смыслу для моего понимания звучать не могло. Просто потому что за такое "к стенке ставят", даже за сам факт споров с Генеральным. Основными персонажами кроме Сахарова были Лигачёв и Ельцын. Активное меньшинство хотело быстро и радикально нас реформировать.

И там я впервые столкнулась с "математической задачей" на выборах: по итогам голосования Ельцын не прошёл в Верховный Совет, а ведь он был такой популярный. Мне с бумажкой долго объясняли это чудо. И я в конце даже поняла как эта арифметика работает: это как на тебе нарисована

мишень, а все остальные в сером.

===== ВСТАВКА . ПОЧУВСТВУЙ ВРЕМЯ
НА =====

По Горбачевской звезде удачи в середине съезда четвёртого июня грянула крупнейшая в истории СССР железнодорожная катастрофа – с поездом, который вез вагоны детей из Башкирии в Адлер. Был траур. Прикидываете: каждый год по дикой аварии. Прошлогодняя под Арзамасом унесла в шесть раз меньше несчастных жертв.

=====

Какой-то солдат сбежал через полгода Серёгиной службы в Загорске, и шеф сказал Сергею что тот в этом виноват. Вот какая же разница что сказал тебе шеф? Это же не суд в конце-то концов. Серёжа рассказал этому мореману кто виноват с его точки зрения.

Солдата пару недель искали и нашли на чердаке соседней части. Шеф был не из тех, кто станет глубоко философствовать и принимать извинения. По итогам Серёгу перевели в Ступино, я осталась пока в Загорске. Ему должны были дать там какое-то жильё.

Именно в Загорске мое молодое здоровье начало сдавать. Видимо это постучалась из за окна болотистая местность. У меня начали по утрам болеть мелкие суставы в пальцах рук и ног. Я даже сдала кровь по этому поводу, но дальше не продвинулась, потому что Серёга начал переводиться в Ступино, а я без него особо не активничала.

На некоторое время я осталась одна. Когда я оставалась одна, то не только к каким-то врачам, но даже в продовольственный магазин не ходила. Помню как дня три практически голодала, потому что дома был только лук и сало (сало у нас было всегда, его в промышленных количествах поставляла Серёгина мама). И вот я хочу есть, но чувствую себя плохо и на перерыв ехать в магазин мне абсолютно не хочется. По дороге домой захожу в наш занюханный магазинчик и всё там мне тошнотворно, я ничего не покупаю. Иду домой и там опять сало и лук. Так было несколько дней, пока не приехал Серёга.

Даже не знаю что это было с моей стороны: лень, депрессия, пофигизм? Носить я стала Серёгин серый длинный свитер с отворачивающимся воротом, я как погрузилась в этот ворот и часто звонила просто так своей тёжке в Москву. Это были фактически наши единственные знакомые в Москве, их отец был близким другом детства моего отца и тоже родом из Луганска.

Так продолжалось где-то полтора месяца, пока Серёга не получил комнату в коммуналке, а пока он обитал в страшного вида общежитии в комнате размером с кровать плюс коврик и в основном ночевал в батальонном медпункте, где по вечерам разряжался медицинским спиртом с начмедом Тимоёй, нашим будущим соседом по коммуналке. Однажды они разбили какое-то лекарство и вся Серёгина одежда провоняла как будто он больничный сотрудник.

Я пару раз ездила к нему в Ступино на выходные на дeнёк – посмотреть городок. Тут мне как раз дали на работе приличную полугодовую премию. И мы на неё купили Серёге джинсовую "варёнку": куртку и штаны – бананы от ново-явленного кооператива. Как-то случайно зашли на рынок и мне все это понравилось. Мне мы ничего не покупали потому что у меня не было никакого желания что-то мерить.

Серёга пробовал мне купить вязанную шапочку, натягивал их на меня и снимал. А потом сказал что на такое выражение лица конечно ни одна шапочка не подойдет.

Серёга же в этой одежде несколько лет по выходным смотрелся как пряник.

Через пару месяцев мы окончательно перебрались в Ступино, где я опять по переводу пошла работать на этот раз в Сбербанк, куда меня определил по благу новый Серёгин командир. Я за всю эту дикую траекторию ни разу не уволилась просто так. Всё время переводилась и на первый же день шла на работу. Это была моя позиция. Почти все жёны не работали. Я себя тоже сильно трудолюбивой не считаю. Но так было как-то легче жить, морально легче.

== 1990. Город Ступино ==

Ступино – это тоже под Москвой, но от Павелецкого вокзала мимо Белых Столбов, не доезжая станции Ожерелье, там ещё был значимый авиационный завод. Это хороший компактный городок без древностей.

В Ступино нас встретил очень спитый коллектив, им ру-

лил рыжий комбат, который собирался в ближайшее время переводиться в Казахстан "за папахой", то есть чтоб получить звание "полковник". Квартира в Ступино оставалась за ним, и он планировал в последствие вернуться. Вся армия держится на мужском честолюбии, системе званий. И походы "за папахой" то на крайний север, то в дикую степь – тому яркое подтверждение.

Я переехала в Ступино по дате примерно на День Строителя. Это невозможно забыть, потому что была организована пьянка каких я в жизни не видела. Нас загрузили в УАЗики и вывезли на лесную поляну. С собой была водка, много водки и пару десятков бутербродов. Я даже сразу не поняла происходящего, потому что закуска во всех предыдущих случаях моей жизни всё же была в полнейшем изобилии. Тут я её не увидела. Потом УАЗик уехал и я думала, что поехали наконец-то за едой. Но нет. Привезли опять водку, ящик. Всё.

Я не помню сколько выпила, скорее всего почти ничего. Вспоминался рассказ отца, про то как они своему коллеге (мой отец был прорабом) ради шутки налили стакан водки и во второй стакан вместо воды для запить – тоже водку. Когда он залпом выпил оба стакана, то стал рвать вокруг себя траву и заедать. Так вот, чтоб не есть траву, я только делала вид что участвую в мероприятии. Комбат играл на гитаре, мой Серёга тоже. Я первый и последний раз в жизни видела его играющим на гитаре. Скорее можно сказать, что они оба бренчали.

Вскоре рыжий комбат уехал. Кстати, у него была слава гулящего мужа. Так вот этот гулящий муж максимум через месяц приехал и забрал свою семью – гулять в районе Байконура очевидно было особо не с кем. Жена ехать мягко говоря не хотела, но смирилась и поехала, надеясь на временность.

Там жили на привозной воде такого качества, что её надо кипятить несколько раз и отстаивать прежде чем употреблять для приготовления пищи. Вы можете себе представить силу жажды получить звание полковника и папаху, что офицеры бросали своё жильё в Подмосковье, где у жён – работа, дети ходили в школу, имели друзей, их быт полностью налажен, и вот они всё бросали и ехали в необжитые степи или на крайний север за этим званием. Для справок – разница в окладе между полковником и подполковником – пять рублей.

Нашими соседями по пятикомнатной коммуналке на первом этаже двенадцатиэтажки были Серёгины сослуживцы. Они оба, как и их жёны были тоже с Украины.

В двух смежных комнатах жили Тимофей – военный врач, родом из села в Сумской области, с женой – тоже врачом сразу после института, и их годовалая дочурка.

В двух отдельных комнатах жили Сергей Киричко – пропагандист из Донецка с женой – медсестрой и двумя сыновьями – погодками, старшего из которых называли в честь отца – тоже Сергеем.

Мы мирно жили, дружили. Не то чтоб прямо дружили,

но спокойно делили общее пространство коридора, санузла и кухни. Однажды Серёге показалось, что я слишком часто упоминаю Тиму в разговорах и Серёга обозлился. Потом даже если я говорила "трактор", то Серёге слышалось "Тима", и он попросил меня в ближайшие пару недель не произносить слова, которые начинаются на букву "Т". Поскольку я примерно помнила какой он нервный временами, то такие слова как "там", "тут", "тама", "тута" и "туман" были исключены в первую очередь.

Нам досталась большая комната с лоджией и видом на ухоженный внутренний дворик, засаженный деревьями и кустами. Когда выглядывала а окно, то создавалось ощущение, что я в частном доме. Бонусом к этому эффекту приходились: мусоропровод с крысами, дикое количество комаров, тараканы и мыши.

Когда я в первый раз вошла в подъезд, то со следующего пролета лестницы на меня строго смотрела здоровенная крыса. Видимо пришла проверить кто тут новенький. Ну и себя показать.

Тараканы, которых я смогла практически победить в п/о Горки, тут оставались неистребимы. Периодически я все заливала дихлофосом, но через время поворачивая к себе хлебницу, стоящую на столе, видела их сплошной стеной уютно сидящими на привычных местах. В одиночку победить тараканов в Подмоскowie не трудно, а невозможно, особенно если рядом мусоропровод.

Мыши тоже захаживали к нам и приходилось что-то против них делать. Одна даже пробовала жить под этой самой хлебницей, и я своими глазами видела как она пыталась утащить туда хлеб прямо из под руки, когда я ела. Поэтому всё по возможности лежало в холодильнике.

Туча комаров обозначала присутствие в подвале рабочей теплотрассы. Мы отбивались как могли. Серёга по ночам ловил их при помощи пылесоса. Это немного помогало. Были интересно смотреть, как он за ними гоняется. У меня кожа, в отличие от него, менее восприимчивая и я отношусь к ним более спокойно. А на его белом теле все укусы горели. Но если взять для объективности мою руку и его, и посчитать укусы, то будет примерно одинаково.

Вскоре Серёгу послали в командировку на завод КАМАЗ в Набережные Челны, который уже перестал быть городом Брежнев. На заводе находилась ещё одна удалённая рота их Управления и офицеров периодически туда засылали. На этом заводе работали их солдаты.

Мне жёны других офицеров хвастались своими удивительными сковородками оттуда. Я Сереге восемь раз напомнила и он мне тоже привез это чудо техники. Не знаю из какого именно металла она сделана, Серёга тоже не знал, но к ней никогда ничего не пригорало. Ручку сами приделали деревянную. Однажды я её подзабыла на печке, ручка обуглилась, а со сковородкой ничего не сделалось. Цептер отдыхает.

Однажды Серёга сказал, что в совхозе неподалеку можно пособирать клубнику на выходных на каких-то условиях. Мне захотелось и мы поучаствовали в этом мероприятии. По итогам у меня пару мышц на ноге просто закаменели от непривычки. Я понятия не имела как собирают клубнику. Дачи у нашей семьи никогда не было, моя мать строго следила за тем, чтоб она не появилась. Когда отец что-то подобное предлагал, то она с остановившимся взглядом ледяным голосом спрашивала: «И кто там работать будет?» Так вот, мышцы у меня болели не меньше недели, я даже по этому случаю купила спортивную мазь – растирку. Больше идеи проехаться за клубникой у меня не возникало никогда в жизни. Через неделю Серёга мне просто принес вожденное ведро клубники, которое выменял у сторожей на самогон. Это был очередной наглядный урок для меня – как надо действовать, чтоб по адекватным усилиям получить нужный результат.

Я ела эту клубнику и ела, в первый раз в жизни без ограничений, только я и ведро. Началась крапивница, я её заедала сильными анти-аллергенными таблетками и ела дальше. Мысли сварить варенье или заморозить ягоды у меня почему-то не появлялось. По варенью – отсутствовал сахара. В 1989 году в Подмосковье уже начали вводить талоны. В итоге клубника у меня не пропала, и чистого не разведенного сока я напилась на всю оставшуюся жизнь.

В Ступино нас застали волшебные телевизионные сеансы

оздоровления Чумака и Кашпировского. Серёга включал на них телевизор, ложился на диван и вырубался в глубокий сон. Я засыпала с той же скоростью. Не знаю лечение от чего загадывал себе Серёга, и куда применял "заряженную" воду, но однажды он обнаружил, что у него за ухом исчезла то ли бородавка, то ли гигантских размеров родинка. Так что в чем-то помогло. Надо верить что тебе поможет даже то, во что ты не веришь.

Когда мы после Загорска перебрались в Ступино, то мне уже по своей линии перевестись не удалось – не было вакансий. И новый комбат нашел мне по знакомству работу в районном Сбербанке. Мне было уже вообще всё равно где работать, потому что с окончания института прошло всего три года, а я уже в четырех местах поработала и привыкла, что работа и коллектив меняются и страшного в этом ровно ничего.

В Сбербанке мне предложили на выбор в какой отдел идти, я понятия не имела в чём их разница. Пальцем ткнула в отдел последующего контроля. Тут я влипла по полной. Такого дурного места просто на свете больше не сыщешь. Суть работы заключалась в том, что в этот отдел свозились ордера о выдаче и приеме денег из всех сберкасс района. и их надо распахивать в сундуки по соответствующим местам, попутно проверяя соответствие подписей и изменений остатков. В конце года надо проверить и начислить проценты по вкладам. Всё. В случае каких-то сомнений ордерочек надо было

ставить боком и втыкать закладочку, это на языке сотрудников называлось «поставить на дыбочки».

Из всех работ для финансистов самой скучной и задолбательской является банковская. То, что сводят везде один раз в месяц, в банке происходит ежедневно по закрытии операционного дня. О занудности банковской работы нам ещё в институте лектор рассказывала о своём опыте – в юности сподобилась немного там потрудиться, и у неё осталось впечатление на всю жизнь. И я её мнение полностью разделяю.

В банке интересно работать, наверное, только руководителем. Наша управляющая была «десантирована» с партийной работы и потихоньку раздавала кредиты хорошим людям. Чувствовала она себя прекрасно, почти царицей. И это ещё времена кооперации только начинались. Ведь как замечательно раздавать чужие деньги своим друзьям под необременительные проценты. Для этого совершенно не обязательно иметь глубокое специальное кредитно – финансовое образование.

Однажды произошел прикол с выдачей денег. Кассиры вечером обнаружили у себя большой излишек – несколько тысяч. Стали разбираться: в этот день одна молодая семейная пара закрывала счет. Из банка им позвонили и вежливо спросили всё ли в порядке. Молодожены ответили да – всё в порядке. Больше подумать было не на кого.

Эти деньги теперь надо по акту оприходовать, но заведующая их просто решила отложить. И только через добрую

неделю прибежали все взмыленные перепуганные эти самые молодожёны, что им недодали несколько тысяч. Они наконец достали свой конверт и пересчитали деньги. Недостачу им отдали, но очень на них полюбовались.

Кстати кассиры на излишек реагируют не на много более положительно, чем на недостачу. Это так же очень сильно бьет по нервам. Я никогда не соглашалась даже на день замещать кассира на всех своих работах, просто категорически отказывалась.

У всех сотрудников банка повальное хобби – собирать монеты. Как только выходила новая монета, то все сотрудники дружно растаскивали их по коллекциям. И я нагребла себе. А когда кончились деньги пошла в магазин и заплатила такими. Кассир была в восторге и не думаю чтоб она их кому-то на сдачу отдала.

На перерыв мы всем отделом релаксировали чаем, в который добавляли кусочки яблок и мяту, и неспешными разговорами обсуждали жизнь: у некоторых мужья тоже военные. К одной прекрасно выглядящей сотруднице зашёл однажды такой муж, мы посмотрели на него и спросили на сколько лет он старше её. Она светло заулыбалась и разъяснила, что он на пять лет младше. Был шок. Мы думали что он лет на десять старше. Вот что мужику надо делать чтоб так износить свою внешность? Она рассказала, что он замечательнейший отец и муж, очень заботливый и хозяйственный.

Работала была близко от дома и иногда я ходила домой на

обед, скорее чтоб просто пройтись. И готовила каждый день на каком-то автомате. Очевидно мне просто это нравилось. Я этого не замечала и не задумывалась, что остальные делают по другому. Об этом мне сказала соседка Лена – когда к ней приезжала свекровь, то похвалила меня как образцовую хозяйку: "Всегда всё свеженькое". Я честно офигела, оказывается – я такая положительная.

Свекровь у Лены была абсолютно замечательная очень пожилая женщина, ветеран войны. Её сын – Серёжа был поздним ребёнком, он 1962 года рождения. Когда Лена ещё в Донецке рожала своего первенца, то ей занесли заражение крови и определили, что ничего сделать не могут. Температура зашкаливала, а врачи её просто бросили. Ей в палату даже не носили еду. Она рассказывала, что есть-то всё равно хотелось, и слышно что гремят по коридору обедом, и она из последних сил по стенке ползла в столовую, а медсестры ей в спину шептались: «Как жалко, такая молодая». И это при том, что и она, и свекровь её были их коллегами – медсестрами. Тут свекровь взяла дело в свои руки, невестку забрали из этого доброго роддома в ту больницу, где работала сама свекровь и вылечили. Лена резюмировала, что свекровь не могла вынести мысль, что её внучек останется без мамы, а сыночек – одиноким папой.

Мы на кухне очень мирно уживались. И рассказы о коммунальных боях явно не о нас. Возможно за счет хорошего характера моего и Лены. Но в отличие от меня она окружа-

ющий мир видела. Например, она обратила моё внимание на грохот кастрюльных крышек на кухне в наше отсутствие, когда там была только молодая доктор. Меня грохот кастрюльных крышек из кухни не удивлял – это же кухня. Но зайдя туда после Лёныного замечания, я увидела, что действительно на столах стоят только две кастрюли с борщом: моя и Лёны. Вот чем грохотала добрый врач? Лёна изрекла: «И вот пожалуйста вам – высшее образование».

Ещё интересно было разглядывать оливье на праздник. У Лёны было очень мелко нарезано, моё по среднему и очень крупными кусками у врачей.

Лёна первая сказала мне, что у меня плохое дыхание. Я сама этого даже не замечала, ну, дышу и дышу. Он сказала: «Послушай как ты дышишь». Медицинские работники смотрят на людей совсем не так как другие. Я так могу разглядывать заусенец на пальце, как они видят людей.

И Лёна первая мне сказала на моего мужа: «Ты что не видишь с кем ты живешь?» Это в ответ на то, что мои родители как раз приватизировали бабушкину квартиру в Луганске для меня и там что-то надо было платить. Я сказала, что может с родителями Сергея сброситься надо. Она категорично сказала, что надо выкупать самим.

Наши мужья по крайней мере раз в две недели ездили в Москву в Управление и привозили продукты оттуда. Однажды муж Лёны как-то подзабыл их купить и привез только яблоки. Лёна, которой надо готовить двум мальчикам, по-

ступила очень просто: она поставила перед ним эти яблоки и сказала: «Что привез, то и ешь. Другого у меня для тебя нет». Вот сидел он в кресле и задумчиво нарезал яблочко на дольки. Выводы, очевидно, сумел сделать.

В принципе любой офицер мог спокойно есть с солдатами в столовой, но там начали давать уже окончательное пойло. И мой Серега зачастил домой на обед. Как-то он заходит в квартиру, а по ней аромат гречки и жареного цыпленка. Он так вдохнул, но вспомнил, что кухня на три хозяина и сказал: «Надеюсь что это у нас». Это было у нас.

ОТСТУПЛЕНИЕ:

"ВРЕМЕ-

НА"=====

Не одним нам жилось плохо и непонятно. Эпохальную документалку «Так жить нельзя» Станислава Говорухина, в 1990 году посмотрели всей страной. Всей страной и говорили: "Так жить нельзя". Вкратце, там идётся о "новом прекрасном мире": нищете, преступности и кризисе государственной системы.

Чемпионат мира по футболу в 1990 я уже и не смотрела. Настроения не было, да и условий. Только финал и два полуфинала. Марадонна сумел вообще ни одного гола не забить, зато наш Заваров что-то забил, но он уже вовсе стал не наш, а "Ювентуса". Чемпионом стала ФРГ и главным там уже был именно тренер – Франц Беккенбауэр, а не какой-то игрок. Немцы это коллективная машина. Футбол на фоне происходящего в стране уже был зрелищем далеко не самым дина-

мичным. Теперь все смотрели политику.

=====

Однажды наш доктор – Тима, допившись до чертиков, заперся в комнате, и не открывал дверь своей жене, которая пришла с ребенком с прогулки. Она стучалась и уговаривала очень долго. Я ей предложила обойти дом и посмотреть с окна, потому что с лоджии увидела её Тиму. Когда мы обошли дом, то Тима стоял на улице под окном в ушанке посередине лета и его трясло. Она его уговорила пойти домой и кто-то влез в окно и открыл дверь изнутри.

Жена Тимы училась с ним в медицинском, и когда он перевелся в военно – медицинский в другом городе, и туда женщин не принимали, то она поехала за ним и один год обучения пропустила. Но потом уже будучи замужем как-то доучивалась. Так что Тима был её бесценным богатством и под надзором.

Однажды они попросили меня посидеть часик с их годовалой дочуркой. Её посадили в моей комнате на диван. Я приготовилась развлекать ребёнка, прикидывая, что будет мячиком, что будет машинкой. Но девочка как сидела глядя в одну точку, так и сидела. Я с таким столкнуться не ожидала и не знала надо ли её выводить из этого состояния. Мы так час и просидели. Когда мамашка вернулась, то я у неё спросила об этом. Она небрежно махнула рукой и сказала: «У неё бывает». Потом ребенка определили в ясли, а молодая врач начала устраиваться на работу. Ей предложили должность

патологоанатома и сказали – там зарплата выше, но она предпочла работать участковым терапевтом с живыми людьми.

Я тихо – мирно Москву осмотрела: монастыри, кладбища, проспекты, выставки; нормально готовить и покупать продукты научилась, курсы вязания окончила, некоторую практику работы с документами получила, а Серёга к двадцати шести годам заметно обрюзг, почернел и наша жизнь вошла в штопор.

Не знаю до чего бы мы естественным образом дожились, если бы я не загремела в онкологию. Мне сразу стало вокруг всё окончательно безразлично. Поэтому, на фоне своего настроения, я как-то свысока – сбоку и не сразу реагировала на происходящие.

Изменения в стране: из продуктов в 1990 -1991 годах в магазинах остались только пластмассовые мыльницы и перловка. Чтоб сделать себе дома яичницу однажды я зашла в ближайший ресторан и купила десяток яиц по ресторанной цене. В овощных продавались только зеленые помидоры и их деловито раскупали.

За хлебом стояли дичайшие, невероятные очереди. В этих очередях самое интересное это то, что хлеба в магазинах не было, его только должны были привезти.

Мои родители в Луганске в шоке смотрели телевизор и начали передавать нам еду с попутными командировочными. Сколько они передавали съесть невозможно: от семечек, в которые зарывали бьющиеся банки, до фруктов и заверну-

тых в укусную марлю цыпят.

Сергея встречал передачи на станции Ожерелье. Однажды притащил сумку, а там даже арбуз был, и говорит: «Как на рынок сходил». Я не помню чтоб просила присылать эти посылки. Но нам и раньше всегда что-то подкидывали и Серёгины родители тоже.

Было дико смотреть на происходящее вокруг. Не скажу чтоб я в этих очередях стояла хоть раз, но я их видела, и уже это заставляло задуматься: "В правильной ли местности мы находимся?" Серёга таскал хлеб понятно откуда, со страшной конспирацией его заворачивая. Видимо тоже не хотел стоять в тех очередях. Иногда Серёгина хозяйственность приводила к некоторым негативным последствиям. Однажды он притащил литровую банку черного молотого перца. Видимо намолотил где-то по случаю. И она у меня чуть-чуть перевернулась на столе. Но вот под столом стоял его сундучок с инструментами. И хоть я устраняла последствия маленькой аварии, но чихал он когда залезал в свой сундучок уже всегда.

Из Москвы тоже уже привезти покупки стало невозможно. В Москве наступил дикий голяк. Народ из соседних областей блокировал проезд машин с продуктами в Москву. Требовали, чтоб машины возвращались и сдавали товар в магазины своей области. Эпоха из загадки: «Что это такое "длинное зеленое и колбасой пахнет" – "электричка из Москвы" закончилась. В Москве ввели "карточки горожан", по ко-

торым теперь нужно было покупать товары даже не связанные с едой, например полотенце или простынь. Нам в части выдали какие-то бумажки что мы хоть и прописаны хз где, но типа москвичи.

Потаённый мир мужа открывался мне при уборке. Из всех углов выпадали то пустые, то полные бутылки.

Однажды ко мне приехала мать в очередную командировку в московский НИИ. Вот они с Серёгой наобщались. Он вечером пришел пьяный и что-то бормотал, слов было не разобрать кроме рефрена «тёща», которое шло как припев. На следующий день мы её провожали на Луганск с Павелецкого вокзала и Серёга так уж старался бегал вокруг нее, что народ ей говорил: «Ах, какой замечательный зять у вас. Таких не бывает».

В Сбербанке я проработала до самой болезни, то есть как обычно – что-то около полугода. У меня начало мелькать в глазах, их периодически застилало «снегом» и я тихо сидела и ждала, когда это кончится.

Перед новым 1990 годом я услышала, что в Ступино должен приехать Сахаров и решала как бы попасть на его выступление, но он так и не приехал, потому что умер.

На новый год 1990 мы поехали в отпуск в Луганск. Мы все вместе смотрели сериал "Просто Мария". Это бесконечная латино – американская нудотина, на которую подсели всей страной. Голоса дублирующих актеров навсегда въелись мне в уши. Но всё ещё было впереди. Нас ждали "Рабыня Иза-

ура", плачущие богатые, дикая Роза, а пока – просто Мария.

И под этот сериал, я не поняла, что со мной случилось, но свело спину и мне в первый раз в жизни вызвали скорую помощь. Приехал не абы какой врач, а пацан с которым я училась в параллельных классах – Котилевский, мне стало перед ним очень неудобно, что я в двадцать шесть лет докатилась до вызова скорой.

На следующий день я пошла к участковому врачу, и меня послали на прогревание, кажется с литием. И что-то пошло радикально не так. Вся спина покрылась красными рубцами. Но мне не отменили процедуры. Потом мы уехали обратно в Ступино. Я сильно кашляла и вызвала врача на дом, во что всё это вылилось я расскажу отдельно.

Таким образом, девяностые я встретила в Балашихинской областной онкологической клинике.

Оставив со своими пьяными мансами меня – больную в покое, Серега взялся за других. Как-то он повздорил с Тимкой. Тот заперся от него в ванной и Серёжа взялся вышибать туда дверь. Могу сказать, что он был в восторге от мероприятия. Я сидела в комнате и что-то читала, насколько это было возможно, а он забегал, озабочено выбирал какой-то новый инструмент в своем ящичке и срочно бежал обратно работать над дверью. В конце концов ему помог топор.

И как потом рассказывал Тима, когда дверь на него завалилась, то он подумал: «Сейчас начнётся!». Но Серега влез в ванну и довольный спросил: «Ну зачем ты от меня спрятал-

ся? Думал я не открою?». Всё.

Выломанную в ванную дверь так толком и не починили. Что там было чинить? Теперь она была кривоватая.

Ещё Серёга под окнами соседнего подъезда, где жил комбат устраивал матерные концерты, кричал тому в окна, что он о нём думал. Утром конечно же извинялся, ему было очень неудобно.

ОТСТУПЛЕНИЕ:

"ВРЕМЕ-

НА"=====

17 декабря 1990 года, выступая на IV Съезде народных депутатов СССР, Сажи Умалатова предложила депутатам отправить в отставку президента СССР М. С. Горбачёва. Бог иногда протягивает нам руку, и нам просто надо этот дар принять.

Я никогда не забуду этой женщины и ее выступления, которое видела в прямом эфире. Поэтому нашла и вставила стенограмму целиком: «Дорогие товарищи, я вношу предложение включить в повестку дня вопрос о недоверии Президенту СССР. Руководить дальше страной Михаил Сергеевич Горбачёв просто не имеет морального права. Нельзя требовать от человека больше, чем он может. Всё, что мог, Михаил Сергеевич сделал. Развалив страну, столкнув народы, великую державу пустил по миру с протянутой рукой. Не знаю, дорогие товарищи, может быть, вам импонируют эти подаяния, но меня они глубоко оскорбляют и унижают.

Уважаемый Михаил Сергеевич, народ поверил вам и по-

шёл за вами. Но он оказался жестоко обманутым. Вы несёте за собой разруху, развал, голод, холод, кровь, слёзы, гибель невинных людей. Люди не уверены в завтрашнем дне. Их просто некому защитить.

Вы должны уйти ради мира и покоя нашей многострадальной страны. Любить власть мало, извините меня, надо уметь пользоваться этой властью во имя народа на его благо.

Я знаю, что среди тысячи голосов мой голос как «голос» глухонемого. Он может быть не услышан. Но я знаю другое: данный съезд – это последняя вера и надежда народа. Все наши решения повиснут в воздухе, как это было до сих пор. В стране нет хозяина, а раз нет хозяина, то и выполнять решения некому. Каких только прав и полномочий мы не давали президенту! Их невозможно перечислить. Но результатов нет. Да они и не могут быть!

Если президент вместо того, чтобы сказать: «Мы должны объединиться и работать, находить внутри страны всё, что нам необходимо, чтобы накормить, одеть, обуть население), – выходит на трибуну и в очередной раз рассказывает, кто какие подачи нам даёт. Съедем, а потом – что? Мы живём по принципу: «Нам бы день простоять да ночь продержаться, а там и наши придут, освободят». Я не знаю, кого мы ждём.

Под аплодисментами Запада Михаил Сергеевич Горбачёв забыл, чей он президент. И абсолютно не чувствует пульса страны. А авторитет, уважаемый Михаил Сергеевич, должен

быть с порога родного дома. На протяжении шести лет люди постепенно отдаляются друг от друга. Страну захлестнули безнравственность, злость, ненависть, преступность. Гибнет страна!

– Заканчивайте, у вас две минуты осталось, – прервал меня Лукьянов.

– Извините, не перебивайте меня. Я вношу предложение, у меня ещё есть две минуты, дайте мне говорить.

В зале поднялся шум. Но я продолжала:

– Многие здесь кричат, это их право. Сохранив Горбачёва, вы хотели сохранить себя. Да, и я бы так хотела. Но это глубокая ошибка. Волна смывает всех. Никого не оставит на своём пути – ни левых, ни правых.

Зал опять отреагировал бурным рокотом. Мне необходимо было вновь овладеть вниманием депутатов, чтобы сделать главное, ради чего я прорвалась на эту трибуну:

– Знаю, что здесь мне не дадут сказать всё. У великого Державина есть прекрасные слова:

Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им.
Ум и сердце человечье
Были гением моим.

Надеюсь, на ваш разум и на то, что вы примете правильное решение. Потому прошу внести в повестку дня первым пунктом моё предложение «О вотуме недоверия Горбачёву». Прошу поставить вопрос на голосова-

ние. Если не пройдёт, то вторично поставить на поимённое голосование и опубликовать в газетах его результат»

=====

Нам свекровь привезла индюка. На старый Новый год на 14 января 1991 года я его в духовке на общей коммуналке приготовила. Было трудно – он еле вместился, но я старалась. Потом был общий стол, мы поставили этого индюка и у меня упала вилка. Когда я вынырнула из под стола, то в блюде был только один странный кусочек. Раньше я про такое читала только в юмористических рассказах. То есть я его полдня приспособливалась, и осталась в мгновение без своей доли. За столом мы были вшестером с соседями -сослуживцами и плюс пару детей. Если бы мне что-то досталось, то я бы этого индюка не запомнила.

Этот старый новый год был некоей компенсацией за основной праздник, на который наш начмед Тима вырядился Дедом Морозом, мой Сережа – Снегурочкой и дико буянили, приставая к прохожим. Не очень помню что там было дальше, но я ушла домой и Серега приперся ко мне до выяснять моменты. Тут меня за руку сзади жена Тимы и остановила, отняв бутылку шампанского. По этому случаю я на него просто одела довольно крупный торт. Вышла из квартиры и уехала в Луганск к родителям.

Но каждый раз когда я появлялась у них на горизонте с этой проблемой, они уверяли меня, что у Сережи масса положительных качеств. и его просто надо забрать оттуда. Мой

отец прошелся по знакомым, и Сергею сделали вызов на перевод в Луганское МВД. Хороший Сергей начал пытаться перевестись из плохой армии. Он написал рапорт на перевод по семейным обстоятельствам, приложил какие-то справки о моей болезни и вызов из Луганского МВД.

Референдум о сохранении СССР 17 марта 1991 – и такое ещё было, я встречала в Луганске потому что переоформляли бабушкину квартиру на меня. Я даже ходила голосовать. И кстати не очень разобрала постановку вопросов и не помню как проставила «птички». Я в принципе была тогда против СССР, потому что надеялась, что мы как-то своей республикой – прекрасной Украиной дадим лад нашим полям и заводам. А что творилось в Подмосковье, с их мыльницами и перловкой в гастрономах, я прекрасно знала.

***** ОТСТУПЛЕНИЕ: "ВРЕМЕНА"=====

В Прибалтике и на Кавказе этот референдум об СССР даже не смогли провести.

«Good bye, мой мальчик», -пела Варум.

Грустная – перегрустная комедия Эльдара Рязанова "Небеса обетованные" с пенсионерами на свалке в начале, и поездом уносящим их с этой планеты в конце" – украсят мои воспоминания о 1991.

Как вы догадываетесь, что если в магазинах ничего кроме мыльницы купить было нельзя, то денег на руках у населения за счет вынужденной экономии, оставалось много.

И правительство было этим недовольно. Этим народ мешал правительству. Поэтому в январе 1991 года была провернута небольшая денежная реформа. Но справедливости ради надо сказать что правительство об этом объявило. Министр финансов – Павлов, румяный и толстенький публично заверил, что никакой денежной реформы не будет. Какой вам еще "маяк" нужен?

Дальше кобра бросилась на людей: вечером в девять часов объявили что полтинники и сотки на руках уже сильно устаревшего образца. И с утра можно было обменять их на новый более совершенный образец, но до одной тысячи рублей. Остальные свои деньги надо было менять через заявку в специальную комиссию, которая и решит обоснованность наличия подобных деньжищ.

Надежда правительства, что часть денег у населения пропадет и количество налички придет в соответствие с количеством мыльниц в гастрономах не осуществилось полностью, но кто-то и пострадал. Главным итогом реформы стала утрата доверия населения к действиям союзного правительства.

Потом еще Павлов придумал со 2 апреля 1991 поднять цены в три раза. Говорят, что он был вполне приличным финансистом. Но очевидно, что когда всё идет по швам, то финансист может только такое придумывать. И чтоб уже бумагу зря не переводить ввели в обращение 200, 500 и 1000 рублей.

=====

Летом 1991 года мы с Сергеем опять переругались и я

уехала в Луганск, сказав что больше я ни в какое Ступино не поеду. Тогда Сергей прислал вещи контейнером. Когда его открыли, то там были все наши шмотки, то есть и его тоже.

А в это время всю их часть передислоцировали в Загорск, который к тому времени как раз переименовывали в Сергиев Посад.

Жёны обоих наших соседей сказали, что никуда они в пустоту не поедут. Киричко ждал квартиру, которую теоретически должны были дать вот-вот в каком-то очередном строящемся доме. Жена Тимофея уже работала врачом, ребенок был устроен в ясли, так что и им больше уже никуда не было надо.

Сергея, вместе с другими офицерами части, поселили в Загорске в гостинице за казенный счет. Про Киричко и Тимофея я не помню, они бывали там наездами и пытались перевестись в оставшиеся в Ступино подразделения.

Тимофей вообще был абсолютно необходим солдатам как врач, ведь он мог их срочно лечить зеленкой, и только если даже и это не помогало, то сопровождал – вез в госпиталь. А вот про госпитали я никогда ничего плохого не слышала, там всё было на уровне, это было место последней возможности для военных спасти своё здоровье.

Моя мать раздобыла чьи-то телефоны из Министерства обороны СССР. Где и как она всё это добыла не в состоянии была внятно объяснить даже она сама. Теперь она сопровождала своими назойливыми звонками прохождение по

инстанциям Серёгинаго рапорта на перевод. И это имело реальное воздействие. Никто не хочет дергаться от телефонных звонков. Ей что-то отвечали, просили больше не звонить и обещали сами перезванивать по ходу продвижения документов. И действительно перезванивали.

Тут ещё Серёге пришло письмо из дома – родители попали в аварию. Они ехали рано утром в соседний городок на рынок купить корм животным, там цены на ведро были несколько дешевле. И Серёгин отец на Жигулях на повороте трассы, по которой тридцать лет ездил каждый день по два раза на своей служебной молоковозке, поехал прямо, слетел и врезался в дерево. Он ушибся, машина всмятку, а мать сильно пострадала и с переломом бедра лежала в больнице. Серега рыдал. И мы поехали её проведывать. Всё было действительно не хорошо, она осталась хромой, автомобиль восстановить не удалось – для этого надо было купить новый кузов, что в тех условиях почти невозможно: новый кузов первой комплектности это практически и есть новый автомобиль. Его из магазина продают по многолетней очереди, а иначе в разы дороже. Свёкру купили ЗАЗ, которого для их потребностей – съездить на рынок было достаточно.

Моя дружка – Лена мне рассказала, что однажды в пять утра ей позвонили и сказали, что звонит моя мать. У Лены пролетело тысяча мыслей, а потом она пришла в себя и подумала, что голос моей матери она с Божьей помощью знает и стала разговаривать. Оказалось, что ей звонила моя свекровь

с просьбой: «В автомагазин сейчас завезли кузова. Это точно. И могла бы Лена посодействовать им его купить». Лена не могла.

Так же Лена с безошибочностью деревенских ген определила, что звонила ей моя свекровь по времени когда как раз собиралась первый раз идти "до свиней" Откуда у неё номер телефона человека, которого она видела два раза в жизни три года назад мне не известно.

Серёгин брат летом 1987 окончил школу, в 1989 окончил техникум и в 1991 должен был вернуться из армии, то есть его тоже дома не было: он служил на границе – в Армении.

Когда я думаю об этом моем браке, то всё, что можно вынести в вывод: сознание моих родителей от моего находилось в совершенно другой системе измерения. Я – слабый человек, подверженный всем мыслимым табу, но как в одной известной религии, когда наступает темнота, то кушать уже можно. То есть меня держит не внутреннее неприятие какого-либо поведения, а страх перед отцовским порицанием, перед разочарованием матери. И чтоб преодолеть это рубеж, мне понадобилось увидеть мир вообще другими глазами, пренебречь мнением этих людей как не заслуживающими внимания, сделать шаг через барьер.

Когда я теперь вспоминаю происходящее, то мне подруга говорит, что я сама виновата. И что она захотела и ушла из дома в восемнадцать лет на съемную квартиру. Наверное, мне действительно надо было копить какие-то деньги на ка-

кой-то побег из этого отрезка: родители – муж. Но чего не было – того не было. Я билась в этом двух-угольнике.

== Балашиха, ул. Карбышева, д. 6. Нельзя сказать, что я там не жила ==

Как я уже сказала, в начале 1990 года я заболела, мне стало не чем дышать. К слову, до двадцати шести лет я не лежала в больнице ни дня. И как-то мне в голову ничего плохого не приходило. Я вызвала врача на дом, она что-то выписала, потом продлила, а потом послала на рентген. Потом рентгенолог попросила сделать кое – какие дополнительные снимки. Потом всё это аккуратно свернули в трубочку, и вручили направление в Областную онкологическую клинику в Балашиху. Тут уже я и занервничала. Когда думаешь, что у тебя кашель обыкновенный, а тебя невесть куда посылают, да ещё и с соответствующим сочувствием в глазах...

Мы с Серёгой туда приехали. На приёме врач сказала мне пару фраз от которых почти стошнило и сказала, что лечить будут год. Тут же положили в больницу в "Верхнее торакальное отделение". Это была палата на шесть человек и все это были женщины от пятидесяти до семидесяти пяти. Я попросила Серёгу не говорить моим родителям.

Через пару дней к нам в палату завалила красивая женщина с огромным букетом. Я подумала: «К кому это она? Вот бы ко мне так пришли» Это оказалась моя тетка – москвичка. Ей звонили мои родители и она пришла меня проверить. Она спросила, почему меня положили в мужское от-

деление. Смешно. Просто это отделение нагляднейшим образом иллюстрирует вред курения. Там на все пространство было только шесть женщин – одна палата, остальные – мужики. У женщин это было последствие небрежного отношения к себе – недопеченное воспаление легких переродившееся с годами в опухоли.

Одного мужика проверили и сказали, что у него не онкология, а туберкулез и он уходил целуя свою справку. Да, это было такое место где справка о туберкулезе считалась за счастье.

Другой – старый дед после операции очень ругался со своей женой. Она его постоянно проведывала, приносила еду и действовала ему на нервы одним своим присутствием. Кажется, она его ругала за то что он курил или мало ел, а он просил оставить его в покое. Вот переругался он в последний раз при мне в коридоре со своей женой, а ночью умер. Ему таки действительно было очень плохо.

Серёга конечно же позвонил куда не просили, и мой отец привычно слег с гипертонией, а мать тут же приехала ко мне и остановилась у родственников друзей в Москве. Она взяла отпуск и каждый день меня проведывала и привозила еду. Честно говоря она дико действовала мне на нервы.

Серёга тоже взял отпуск, поселился вместе с ней в гостях и они меня задалбывали своим сочувствием. Просто не давали спокойно жить. У меня развился дикий комплекс вины, что я заставляю всех страдать.

В гости моя мать забралась к семье уже умершего друга детства моего отца – Рафика, который в своё время женился и переехал в Москву. Папа всегда его вспоминал когда проверял наши успехи в школе. С ним связана смешная история: однажды он приходит со школы и говорит: "Папа, меня перевели!" Оказалось, что его в начале учебного года перевели обратно в нижний класс. Раньше, в тридцатые годы и такое практиковали.

В доме и без моих матери и мужа людей хватало. В трёх комнатах жили Карина с мужем Колей и их дочери: дошкольная Раечка и почти подросток Оля, а так же племянница Наташа, которая училась в библиотечном колледже.

Наташа была вдумчивая девушка, которая училась на библиотекаря и читала невесть что: каких-то философов начала двадцатого века, которых в конце восьмидесятых повытаскивали из шкафа истории, и стали переиздавать их труды. Эти неизвестные здоровому уму спортсмена и дачника фамилии, уплывшие из нашей жизни на "Философском пароходе" 1922 года, типа Бердяева. Если вообще до того теплохода дотянули, потому что Розанов Василий Васильевич эмиграцией себя не запятнал и дожидался своих публикаций смиренно лежа в Загорске с 1919 года. Вот это всё задумчивая девочка Наташа и читала.

Младшенькая – Раечка была ребенок – огонь. Карина назвала свою дочку в честь недавно умершей мамы, но все у нее почему-то спрашивали дала ли она такое имя ребёнку в

честь жены Горбачёва. Кару это дико возмущало: "Как будто кроме Горбачёвой других Раис не было!"

На первое же утро общения с Раечкой Серёга подарил ей свою зубную щетку. Ребенок удивлялся: "Почему?" Действительно почему он так быстро сдался, лишь раз увидев, как она собирает все зубные щетки и засовывает их в унитаз?

Еще Карина переживала, что ребёночку надо подарить животинку – щеночка или котёночка, на что постоянно присутствующая у них в гостях сестра Гаяна припоминала, что котенок уже как-то у них пару дней был. И даже его удалось спасти – вовремя вытащить из того же животворящего унитаза, а потом вернуть соседям с извинениями, что ещё не пришла пора заводить животных.

Но в семью всё же одно животное сумело вкрасься. Это был кенарь, который просто залетел в окно. Кенарь в Московском небе жить долго не обязан – там холодно. Обродованные гостю хозяева съездили на рынок и купили ему клетку и подругу. Так что кенарь нормально попал. Хозяева попали тоже: птички стали петь им ни свет – ни заря, и поэтому их клетку предпочитали держать накрытой.

Когда я иногда бывала у них в гостях, то мы с Раей читали книги и очень прилично проводили совместно время. Как известно, делая вид что помогаешь ребенку, можно классно повозиться с совочком и пасочками. Я лично классно по-совершенствовалась в первую советскую электронную игру: Волк собирал падающие яйца, и во вторую: автомобиль по

трассе. Практически добилась в этом совершенства на грани человеческих возможностей.

За то другим, не разделяющим её интересов, Рая могла создать невыносимые условия. Ещё с раннего детства она обнаружила связь разъема телефонного кабеля с возможностью мамы часами беседовать с подругами. И охотно и радостно прерывала затянувшиеся беседы. Но мама Раю "пасла" и пытались отрезать ей такую возможность. Остальные – с переменным успехом.

С таким же успехом получалось у Раюши и кухонная работа. При мне её практически обидели, когда почти засунутую в огромную кастрюлю борща куклу с прекрасными волосами взяли и вытащили. Ребенок очень переживал. В целом же в доме действовала аксиома: "Рая всегда права".

Карина работала по суткам дежурной в ЖЕКе, который находился на первом этаже того же дома через подъезд. И каждый раз когда наступала её очередь "сутки-через-трое" очень возмущалась: "Как мне надоела эта работа".

Если среди моих знакомых выбирать главного домоседа, то без сомнения это Кара. Любой выход из дома надо было осмыслить и взвесить. Когда однажды она меня провожала на Павелецкий вокзал, то сказала: "Ты не представляешь себе что я для тебя делаю. Я так далеко не выбиралась лет шесть". А это говорит, что инфраструктура вокруг дома была налажена: хороший продуктовый, длинный магазин детской одежды, рядом детская поликлиника. Вот куда ещё на-

до ходить?

Однажды Кара при мне собиралась в гастроном с самого утра, но что-то её остановило, потом начался перерыв, потом... мы еле прибежали к самому закрытию.

Её любимый муж Коля работал водителем и в отличие от Кары бороздил Москву вдоль и поперек. В свободное время он таксовал то на своей машине, то на служебной – он был водителем какого-то начальники или хозяина. Однажды он попал в ДТП где ему грозило лишение прав. И пока затягивалась разборка, то он успел сделать себе вторые права "по утере", чтоб когда пришло решение о лишении, сдать в ГАИ один из экземпляров. Что говорит о том что со скоростью у него тоже всё было в порядке.

Вожделенный мною видик у Кары с Колей тоже был. И кое-какие кассеты. Но Коля всё время спешил и смотрел фильмы в основном на ускоренной перемотке, останавливая как он утверждал "на ключевых моментах". Кара объяснила какие ключевые моменты трах-тара-бах он отмечал: "Вот это все Колины ключевые моменты!"

Гаяна работала в НИИ в отделе спортивного инвентаря, и их экспериментальной звездой был в те годы единственный всемирно известный советский теннисист – Чесноков. Ему пытались всучить сработанный при помощи НИИ инвентарь. Но Чеснок (как они его называли) был согласен рекламировать всё, что угодно Родине, но только не использовать это лично.

Из пояснений успешности советской химии мне стало известно, что легче насыпать гору под специальные особенности советской смазки для лыж, чем сделать нужную смазку под уже существующие условия: гора – климат. Поэтому все советские звезды спорта очень сторонились советского инвентаря.

Гаяна как и Коля была автомобилисткой с юности. Ещё с тех пор как со словами: "Папа, я умею" нажала на газ, в результате чего к ним на кузов слетел цветок с чьего-то подоконника открытого окна на первом этаже. Теперь у неё был свой "Запорожец". И это было не для понтов, «на нем только припозориться можно», а средство передвижения. Всё со слов самой Гаяны. И поскольку стиль вождения у неё сохранялся с первого опыта, то на праздник "8 марта" её очередной любимым преподнёс в подарок бампер.

От неё же я узнала что "замуж можно выходить хоть сто раз, если, конечно, повезёт". Ещё вдогонку к моей болезни Гаяна рассказала, что тоже имела опыт страдания: однажды у неё капитально нарвало палец, было больно даже на него смотреть. Её положили в полном соответствии с диагнозом в отделение гнойной хирургии. Вы можете себе представить в каком там виде лежат? И там же оказалась Гаяна со своим пальцем. Это было даже не смешно. Пока она там лежала, то выполняла все обязанности санитарки для несчастных соседей по палате. И от неё ко мне пришёл вывод о том, что в болезни кто бы не был с нами рядом, но внутренне мы сам-

на-сам с небом.

Я осталась навсегда благодарна этой семье даже просто за то, что они были в моей судьбе.

За все время это были единственные реальные москвичи, с которыми я общалась. Хоть сплетни их московские послушала. Не какой прапорщик где ночевал, а достойные.

Главные сплетни по Москве были все про Пугачёву и её Кристинку. Что у Аллы Борисовны начался "молодёжный период" возвестил ещё с экрана Раймонд Паулс. Но ведь Кузьмин был на каких-то шесть лет младше неё. Интересные взгляды царили тогда в нашем обществе: "Ей же уже аж тридцать семь!". Единственное, что портило "женишку" имидж, это кликуха -: "ПТУшник".

Если уж говорить о её тогдашнем "молодежном" периоде, то скорее о смене музыкального стиля на при- роковый, что мне не особо нравилось. Но за то появились певицы, которые пели как ранняя Пугачева, так что каждому досталось по вкусам его. Мне очень нравилась, а кому она могла не нравиться Катя Семенова. Ну и Кристину в сплетнях не забыли – девочка подросла и переехала к Пресняковым.

И вот хочется в связи с этими слухами вспомнить великого Черчилля: "По свету ходит чудовищное количество лживых домыслов, а самое страшное, что половина из них – чистая правда." Либо я слухи не про Пугачеву не запоминала, либо их мне не рассказывали.

В конце концов материн отпуск закончился и она всё же

уехала. Серёга не очень-то уехал. Я после завтрака, а кормили там вполне сносно, ходила с ним в кино. Ночевать он иногда даже оставался в больнице. Помню там кто-то умер, и Серёгу заставили помогать медсёстрам перетаскивать тело. А он до чертиков боялся трупов. Там кто-нибудь умирал примерно раз в три дня.

Я вообще не сразу разобрала что со мной и как будет дальше. Женщин из моей палаты по очереди оперировали – вырезали секции в лёгких. Пол-этажа, которые занимало наше отделение "верхний торакс" это легкие. Соседние пол-этажа выглядели по сравнению с нашими ужасно. У нас был просто заплыван туалет, а там лежали с нижним тораксом – желтые и зелёные желудочки.

Когда я поступила в отделение, то мне сразу сделали какой-то укол в вену, через неделю второй. Я понятия не имела что это. Но первый курс химиотерапии – приветствует вас.

Вообще сразу скажу, что за полтора года мне не сделали ни одного укола в ягодицу. Всё было исключительно в вену. Мне ни разу не сказали чтоб я хоть что-то купила из лекарств – всё выдавали. А про уколы – никогда не знала даже названий лекарств. Карточку в руках тоже не держала – было категорически запрещено давать больным смотреть в их карточки. Кормили тоже – не помрёшь. Возможно, я попала в последний эшелон советского бесплатного здравоохранения.

Один раз меня посылали на консультацию в МОНИКИ (Московский областной научно-исследовательский клини-

ческий институт имени М. Ф. Владимирского). Я туда съездила, но результаты врачи передавали по своим каналам. И мне больные объяснили, что в Балашихе лечат лучше, чем в МОНИКИ, потому что там типа наука и эксперименты, а тут практика – тысячи одинаковых больных, так что лечиться лучше здесь.

Что меня ещё вытянуло – это крепкое молодое здоровье. Потому что болезнь болезнью, но само лечение, весь его курс стоит хорошей болезнью. Через полгода больничного мне выдали документы об инвалидности на год "с последствиями облучения и химиотерапии". И ещё через год продлили на ещё один год. После всего перенесенного, сильную одышку я получила на всю жизнь, это кажется называется пневмосклероз. А после многочисленных химиотерапий все органы своего тела я чувствовала по отдельности. Вот лежишь и чувствуешь контуры своих почек, печени, желудка. Неперевершено. И начали бить судороги по ногам от вымывания калия из организма. От этого и просыпалась, хоть и пила таблетки «Оротат калия» пачками.

Однажды, когда уже при энной химиотерапии я спросила медсестру, что она мне колет, то она ласково ответила: «Какая тебе разница?» Я ответила, что волнуюсь: вдруг лысеть начну. И тут получила ценную информацию о том, что то, от чего лысеют, мне уже давным – давно прокололи. Просто есть люди, на которых это не действует, с чем себя и поздравила с ужасом и удивлением. Больше я ни от кого не слыша-

да, что на них это не подействовало. Это вкратце сочинение "Как я провела полтора года". Всегда читая детективы люблю после ознакомления с основными персонажами посмотреть чем кончилось, а потом уже внимательно и спокойно читать всё произведение. Мне так интересней, без нервов.

Так вот, в этом хирургическом верхне – торакальном отделении мне назначили биопсию – то есть взять кусок ткани из лимфоузла для анализа, но надо брать именно там где лимфоузел увеличен, у меня в средостении и подмышками. В моем случае предписали – из подмышки, не вскрывать же грудную клетку.

Эту процедуру проводят в операционной, а она на несколько отделений одна, и наши – два дня в неделю. На каждый день назначают три операции, а меня записали после трех операций дополнительно. Но в этот день операции были очень тяжёлые и меня не взяли – сильно устали. Потом через день та же история повторилось. И мне сказали, что в следующий раз с меня просто начнут. За это время полный первый курс химиотерапии уже мне сделали (это два укола с интервалом в неделю).

В день биопсии медсёстры мне вкололи какой-то успокоительный препарат, отвели в операционную, раздели, разложили, привязали. Тут пришли анестезиологи делать местный наркоз. Осмотрев мои записи они спросили: «С какой стороны обкалывать?» Медсестры не знали, они в углу смотрели модный журнал. Я предложила с любой стороны, моего сове-

та врачи не послушались. Наконец пришел мой хирург – заведующий отделения, профессор, доктор наук. Он и должен был делать мне биопсию. Он начал тыкать меня в подмышки, вздохнул и сказал: "Отвязывайте, рассосалось". Медсестра, вынырнув из журнала мод, офигела. Она сказала, что работает тут пятнадцать лет и первый раз кого-то отвязывает без операции. Я вернулась в палату, где мне сказали, что я так боялась, а вот ведь быстро вернулась, но я пояснила, что мне биопсию так и не сделали.

После этого меня перевели в Радиологию и стали лечить по первичным снимкам. По ходу делали контрольные рентгены легких. В какой-то момент я сбилась со счета: сколько мне сделали рентгенов и прочих проверок лимфоузлов по всему телу. Светили, вливали, и я сама стала маленьким Чернобылем.

Нас в палате было человек десять. У всех кроме меня опухоль молочной железы. Но некоторых облучали после операции, а некоторых перед.

На мне нарисовали зеленкой кресты на спине и груди, и по ним прицельно лучили. Рисунок надо было поддерживать, чтоб «прицел» не сместился. Но эти лимфоузлы во-первых увеличившись помяли легкие, во-вторых невозможно было "лучить" только их и не попадать по легким. Так что досталось и здоровым органам.

Лечащий врач мне сказала, что если бы ей пришлось выбирать на свою душу какую-то из здешних болезней, то она

бы выбрала мою. А другая сказала, что через эту больницу проходят тысячи людей и подавляющее большинство выздоравливает и навсегда забывает эти места. И что здесь место где лечат, а не умирают. Я потом очень многим знакомым в их трудных ситуациях это повторяла и успокаивала.

Я притащила свой плеер, который мы купили еще в Дуброво у Герасименко. Он у него был из магазина "Березка" куплен на чеки, заработанные в Афгане. Этот плеер тянул батарейки немыслимо. У меня очень быстро ушла целая упаковка Тошибо. Я преимущественно слушала две кассеты: "Группа крови" "Кино" и "Наутилус". "Наутилус" с его "В комнате с белым потолком" очень соответствовал моему настроению. Лечащий врач говорила, что её пугает моя глубокая задумчивость, наверное это был «аут».

В Москве на всех углах стали продавать книги индусской религии в очень красивой обложке. Они сразу кругом вот появились. Мне Серёга одну купил. Я пробовала её читать. Но я скажу то же, что и другие: в больнице не читается. Вот как бы все условия: лежишь, кормят, тишина, свет, но не читается в больнице. Там можно слушать музыку или что кто рассказывает. Поэтому, большие палаты на мой взгляд абсолютно оправданы, лежи себе и слушай.

Однажды меня приехали проведать всем скопом подружки из Загорской бухгалтерии. Им шеф выделил под это мероприятие автобус. Мне было приятно послушать их наставления. И вообще сам факт, что они приехали.

Потом меня перевели в Химеотерапию, в которой я лежала много раз по неделе с перерывом на две недели на восстановление. А последние раза два стала приезжать только на процедуры и в тот же день возвращаться домой. Не то что мне это было легко, но я не была прописана в Подмосковье и каждый раз когда я заново ложилась в больницу, то моему мужу надо было брать справки, что он военнослужащий, а я его жена, потом с ними ехать в министерство здравоохранения и получать на них визу- разрешение на лечение именно в Московской области. Мне это надоело, потому что это ну очень часто. Я сказала, что вполне смогу лечиться наездами, ведь меня не тошнило.

Вы представляете какое лошадиное здоровье я там оставила: у меня не выпали волосы и меня не тошнило от химиотерапий. Единственное – это стучали пульсы в голове от преднизолона, но его по схеме приходилось пить до 14 таблеток в день. Для сравнения: моему родственнику как-то выписали по таблетке в день, и он кричал о себе как о самом больном в мире человеке.

От Химеотерапии остались в воспоминаниях перебинтованные до локтя руки из-за «погоревших» вен и дикая вонь в коридорах: смесь запаха помоев после ужина, выносимых почему-то только по утрам, медикаментов, рвоты, сортира и просто мусора.

Теперь, через десятилетия, захожу в больницу, и содрогаюсь от напоминаний этого запаха. Могу сказать что эта вонь

на надорванный организм действовала так: просто в палате набирался воздух и надо не дыша проскочить до выхода с этажа чтоб не стошнило.

В Химеотерапии умирающих было резко меньше и значительно больше молодежи. Помните, у Пушкина есть в стихах: "Как вероятно вам чахоточная дева порою нравится на смерть осуждена. Бедняжка клонится без ропота, без гнева". Вот таких дев и пареньков я повидала вдосталь.

Однажды мы с двадцатилетней соседкой по комнате, которой отсекли часть легкого, после не долеченного воспаления легких, пошли проводить в "Верхнее торакальное" её подругу со времён операции, которая легла на какое-то типа восстановление. Это была красивая высокая двадцатипятилетняя блондинка, с макияжем и маникюром. У нее руки были все в бинтах, вены все пожжённые, и уколы ей уже делали то ли в голову, то ли в ноги. Её отец ещё пошутил, что она как после Афганистана. Голоса у неё почти не было – шёпот. Она говорила: «Врач обещает что голос постепенно восстановится. Но когда? Наверное никогда». Я посидела немного возле неё. В палате на четверых она лежала одна. И запах по палате шёл какой-то мускусный. Я такой запах помню на похоронах бабушки. На следующий день моя соседка ходила её проводить сама. А ещё на следующий день та девушка умерла.

Одна больная с удовольствием рассказывала про соседку по дому. Как та бегала и возвещала всем про её болезнь

и скорую смерть. А по итогам на этих выходных ехала та добрая соседка в электричке, и ей на голову сорвался плафон. Не убило, но шарахнуло здорово. А сама больная была поглощена сбором приданного для своих сыновей. В магазинах становилось окончательно пусто и она в близлежащем купила по случаю пару одеял. Мы спрашивали: «Зачем? Ведь приданное должна приносить невеста». Она ответила: «А вдруг нам девочка без приданного попадётся. Нет, я им всё приготавливаю». Я вспомнила, что у Серёги тоже было «приданное»: большое темно-синее атласное покрывало с вышитыми в середине в китайском стиле аистами. Когда он ещё курсантом был дома в Ровеньках на каникулах, то оно очень ему понравилось. Его мама купила ему это покрывало и припасла, потом выдала мне после свадьбы со смехом: «Так что наш Серёга с приданным».

Отношение к больным в семьях было диаметральной. Наверно потому что в этом случае среднего отношения быть не может. От некоторых мужья сбегали вот в первый же день. Она еще до больничной палаты не дошла из приёмного отделения, а ей уже последнее «прости» забыли сказать. А с другими возились и годами на руках тягали рыгать в туалет после химии. Некоторые в этой больнице фактически были прописаны с детства. Переходили из детского отделения во взрослое.

Химиотерапия очень негативно сказывается на формулу крови, красные тельца стремительно падают, поэтому у боль-

ных постоянно берут кровь из пальца на анализ. И помню как от одной больной из нашей палаты её лечащий врач пряталась, потому что боялась говорить о её последних результатах анализов крови.

И врезался в память устраиваемый заведующей отделением Химио-терапии шмон по тумбочкам. Искали порченные продукты или что-то в этом роде. У меня, естественно, были только грязные вещи. Наша зав. отделением на мой инвентарь только вздохнула и махнула рукой. Это была пожилая немка и вскоре она уехала из страны. Я слышала что она была поклонницей экстремального лечения: проколоть всё по максимуму и кто выжил – тот выжил. "И печень собакам выкинуть" – добавляли больные.

Все больные пытались заниматься самолечением. Они проращивали овес, проводили эксперименты с мумиё. Обычно хобби было одно на всю палату. У меня не было ни какого хобби. Мне хватало кино и мужа. Один пожилой больной сказал: "Как все эти процедуры проведешь – так не будешь знать от чего вылечился."

Врач, которая приняла меня с первичным направлением, и направила в стационар больницы, была легендарная. Раньше она работала в отделении и всем больным говорила ужасные вещи прямым текстом. Некоторые от её реплик падали в обморок. Например: "Да, у вас рак". Наш профессор отправил её от себя подальше в поликлинику на прием, где я и узнала в первую же минуту что: "Лечить будут год. А что вы

хотите!?" Но это оказалось абсолютно чистой правдой. Просто такой человек американского образа мыслей. У нас же за день до смерти говорят что голос со временем восстановится.

Пока я лежала в этой больнице мой перенервничавший Серёга привык к положению вещей и вернулся к привычному образу жизни. Да и обстановка казарменного уюта располагала. Я приезжала домой, и соседи рассказывали интересные истории. Например, что он стоя под балконом у своего командира полночи орал ему маты и ругательства. А тот лишь просил его пойти поспать. Поспав, Серега ходил очень извиняться.

Как-то Серёга куда-то затерялся, а у нас были планы. Я позвонила к нему в часть и мне ответили, что он уехал: "У него с женой что-то случилось". Просто классика. Я им ничего не сказала.

Однажды в Балашихе мы пошли смотреть сто-первый фильм, но этот был с лекцией перед началом. И моя мать пошла с нами. Вышла лекторша и стала читать свою непрошеную лекцию, и вот трезвый Серёга так от лекторши напрягся, что стал ей отвечать из зала: "Давай, хватит. Уже всё понятно! Начинайте кино". Лекторша что-то ему отвечала. Зал поразвлекся. Моя мать потом говорила: "Серёже кино и с лекцией обязательно".

Дома после химио- терапий мне было тоже "весело". Однажды Серега пришел весь в кабачковой икре, доказывал

фразой: "понюхай если не веришь" что это именно икра. Из его рассказа следовало, что сплоченным офицерским коллективом они расслаблялись за столом и заедали, чем Бог из солдатской столовой послал: нагребли несколько банок этой самой икры. Я почему-то уверена, что больше у них из закуски ничего на том столе и не было. И когда диспут перешел в активную фазу, то на него с начмедом Тимой другая сторона, а там было четверо, перевернули стол. На следующий день я как раз собирала свои шмотки в химчистку и он унижено просил взять и этот дорогой ему тулуп. Я прихватила, хоть и без желания, потому что каждый раз, когда я притаскивала его бушлат в химчистку, то на меня странно смотрели. Плюс тащить тяжело. Почему он сам его не сдавал мне было непонятно.

В целом каюсь: мне в больнице было замечательно, по сравнению с другими моими альтернативами на земле, там можно было находиться. В палате всегда кто-то про что-то рассказывал, или можно просто смотреть в потолок и это не считается зазорным. Простор палат в которых мне довелось лежать практически сопоставим с простором бескрайних полей России. Это минимум шесть в хирургии, куда я попала для начала, и максимум шестнадцать коек в Химиотерапии.

То что я в эту больницу попала в свои двадцать шесть лет было первым звонком с неба. Чтобы мне наконец понять, что я принадлежу все же лично себе, а не окружающим. Что это время, время жизни – оно мое, и часы очень быстро тикают,

и могут лично для меня абсолютно в любой момент остановиться. Что мне никто не поможет настолько, насколько я сама себе и только связь с небом имеет реальную цену. Есть то, что ценно для души и есть все остальное, то есть это две большие разницы.

В итоге лежала я в этой больнице непрерывно что-то около двух с половиной месяцев, а потом через каждые две недели ложилась на неделю на "химию" сопровождающуюся преднизолоном по схеме до четырнадцати таблеток в день, и так раз семь. Коробок от этого лекарства я узнаю из тысячи.

Дат и сроков не помню, но в 1991 году в апреле я там точно еще лежала, потому что мне продляли группу инвалидности по последствиям лечения. Я точно помню, что пенсию мне платили до апреля 1992 года. Перед окончательным отъездом из Подмосковья я получила от лечащего врача выписку в опечатанном конверте со строгим условием: приеду домой, стану на учет и передам конверт как есть запечатанным. Я почти так и сделала. Только в больницу не пошла, конверт действительно не стала распечатывать и стала потихоньку отходить от последствий лечения. Конверт распечатала лет через десять – не раньше.

В мае 1992 я устроилась работать в УВД Луганской области в бухгалтерию на участок работы "денежное содержание сотрудников". Для этого надо было пройти медкомиссию и заполнить анкеты. Поскольку лечилась я в Подмосковье, про этого в Луганске ни где написано не было. И пенсию мне

оформляли в 1990 в Подмоскowie, я тогда работала в Ступинском Сбербанке экономистом. В общем, я при прохождении луганской медкомиссии эту небольшую деталь со своим здоровьем опустила, тем более что никогда из Луганска не выписывалась – прописаться-то было не куда.

== 1991. Загорск, который стал Сергиевым Посадом ==

У военных в стране начался полный обвал. Выводили войска из ГДР, забирали из Средней Азии, Грузии, да отовсюду. И всем этим офицерам было непонятно что делать дальше, ведь многим до пенсии оставалось всего ничего. И они были счастливы получить возможность дослужить в Московском военном округе, это вообще уже было лучшим, что с ними могло в той ситуации произойти.

К нам из Баку перевелся начальником штаба пред-пенсионный офицер, привнесший интересные новые для нас обороты ругательств. Например, обозначая лень сотрудников: "У вас во рту мухи е*ся, а вам "кыш" сказать лень". О своей судьбе мальчика из русской глубинки он говорил: "У меня был выбор умереть с голоду или остаться служить в армии. Я выбрал второе". Ему с семьей выдали аж две комнаты в общежитии, куда он и выгрузил вещи из трехкомнатной бакинской квартиры. Интересно, что с женой они жили в разных комнатах. Будем считать, что это пережиток длительного пребывания в исламской культурной зоне: женская и мужская половины. Нельзя же подумать, что они вусмерть друг другу надоели.

В гостинице армейские снимали весь этаж, платило естественно Министерство Обороны. Было довольно весело. По вечерам мы в холле играли в карты, а дети весело бегали во-круг.

Помню, подбегает пятилетний сын к командиру соседней роты и весело спрашивает: "Папа, скажи, что для тебя самое важное на свете?" Папа начинает что-то про него, братика и маму, а малыш задорно кричит: "Нет, папа, водка! Мама говорит, что водка для тебя важнее!". И скачет дальше. Мы очень посмеялись, он косился на жену, а она спокойно продолжала смотреть в карты.

Что ему на жену коситься? Она же не солдат-срочник, может и прибить пока пьяный лежать будешь. Потом в ответ на вопрос: будут ли они служить дальше или тоже планирует уволиться, он вспоминал, что до армии работал автослесарем и сидел весь чумазый в ремонтной яме. И не очень хочет он обратно в эту яму, а делать больше особо ничего не умеет.

Серёга на последних месяцах нашего пребывания в армии вошел в полный штопор. Его несколько раз избили местные. Однажды я приехала из Луганска и остановилась в Москве на ночь у друзей – помните мою тезку с большим букетом в онкологии – вот у неё, а Серёга должен был за мной заехать и забрать в Загорск. Но он почему -то не заехал.

На следующий день в дверь позвонили, мы открыли и на пороге стоял незнакомый монгол. По голосу это был Серёга. Просто черный и синий. У меня началась истерика, наверное

первая в жизни дикая истерика. Меня просто откачивали, пытаюсь внушить что я своим видом пугаю их детей.

После этого случая, когда его отдубасили ещё один или два раза, у меня уже не было никакой истерики. Я это уже прошла. У местных парней в Загорске начался типа вид спорта отловить офицера и отоварить по полной. Вот за год до этого я такого даже не слышала. Так что, кроме Серёги, по очереди отлупасили и почти всех остальных. Из наших, перебравшихся из Ступино избили и врача -Тимку, и пропагандиста, ещё кого-то.

Вообще, последние полгода перед увольнением можно назвать окончательно съехавшем с рельс периодом. После повторного перевода в Загорск, впервые я приехала туда сама. Серёга даже пропустил мою телеграмму, очевидно уже разучился читать. И обнаружила его за запертой дверью, за которой угадывался дикий гужбан. Я начала стучаться, гужбан затаился, дверь мне не открыли. Голос Серёги: "Кто там?" – мне не обрадовался. И начались манёвры

Я барабанила – он не открывал. Из соседней комнаты вышла дама лет под пятьдесят и возмущалась, что я тут тарабанию к людям. Я села на стол в коридоре и задумалась: «Должна ли я дико оскорбиться, обидеться на ЭТО и уйти?». Но не было во мне этого чувства. Во первых, мне через несколько дней надо ехать на медицинский контроль в Балашиху. А так же я абсолютно не ревновала: не кого и не к кому.

У меня были свои планы: встретиться с подругами из бух-

галтерии автобазы, погулять по Троице – Сергиевской Лавре. Почему я должна это всё отдать на службу другой схеме, эмоций по которой у меня вот абсолютно нет?

Мне было глубоко по*й на происходящее за дверью, но я ему этого не сказала, просто любовалась на ситуацию. Даже не знаю каким образом (эпоха до телефонов) он вызвал кого-то кто увел меня подальше чтоб я не видела кто и в каком состоянии выгребался из этой комнаты. Кажется, мне надо было выйти на улицу и стать так, чтоб он меня видел в окно.

Со слов Серёги, гужбан в его комнате организовал командир батальона, тот самый под окнами которого Серёга в Ступино упражнялся в ночном оре пока я лежала в больнице. Тот, очевидно, радовался обрушившейся свободе: его жена в Ступино заведовала магазином, хорошо зарабатывала и он дома "ходил по струнке", очень любил, уважал и боялся свою жену. А тут – "окно возможностей".

Второй иллюстрацией Серёгина состояния были его штаны: на ширинке отсутствовали ВСЕ пуговицы. Я ему что-то сказала и про это, он ответил что пришьет. Вечером пришел со службы уже с пуговицами, но лицо так быстро не исправись – он был просто замогильно-серый, и это в двадцать семь лет.

Когда Сергей допоздна не возвращался, то было ясно что ввалится страшный и дико пьяный, слегка пьян он был постоянно. Даже если бы он не пил в какие -то первые полдня, то принятая с вечера дурь так просто не испарилась бы.

Однажды стою на балконе этой полугостиницы и жду его. Подъехал УАЗ, из него вышли два солдата и выволокли тело. Тело брыкалось и они его по дороге ожидаемо раза три уронили об асфальт. В полуночной тишине гулко грохотало от того как его голова стучала об асфальт. Притащили тело в комнату и бросили. Конечно опять всё было в крови. Я не думаю, что солдатам так уж было его жаль, чтоб ни дай бог не уронить. Вы же понимаете как они могли к нему относиться.

Мне всё так надоело, я думала только о том, какую надо иметь голову, чтоб выдерживать это стучание об асфальт. Если бы я так треснулась, то погибла бы на месте. А он вставал назавтра и шел в казарму к подъему – служить дальше.

Я ему рассказывала о том, что это в конце концов крайне опасно. Он всегда отвечал: "Ну подумаешь, и умру я!" Я же, хорошо насмотревшись в Балашихе, объясняла что в подавляющем большинстве случаев никто так сразу не умирает, а для начала долго и тяжело болеет. Забегая вперед скажу, что лично он полностью испил то, к чему стремился, и свои шесть лет "под себя" отлежал, но уже совершенно вдали от меня.

Однажды он устроил истерику и почикал себя перочинным ножиком: "прошёлся" по своим рукам, но не глубоко. И сначала эти раны не проступили, а были только белые полоски. То есть он «чикал», но пугающей крови не видел, а вот потом из них всех сразу и полилось. И на болотистом климате начало неделями гнить. Тут приехала моя мать на

пару дней в очередную командировку – она на заводе в эти годы «собрала» все мыслимые командировки на Москву – их завод прямо подчинялся союзному Главку. И храбрый Серёга всё у нее спрашивал: "А это заживет?", но обстоятельства полученной травмы не оглашал. Мама, начавшая постепенно осознавать с кем имеет дело, сказала: «Нет. Так и будешь ходить».

По соседству с нами в гостинице в двух комнатах жил полковник, приехавший из Казахстана, с той самой женой, что возмущалась на мой стук, когда я ломилась в собственную дверь. Он ждал жильё, его жена преподавала вязание и вышивание в кружке при Доме Офицеров, а сын как раз окончил школу и собирался по вызову поехать в США к родной сестре.

Эта сестра была очень активная девушка. Она окончила Плехановскую академию по специальности: «ветврач», получила распределение в глухой совхоз. И провела там буквально месяца три. Ей выдали открепление и послали в университет письмо с просьбой таких специалистов больше не присылать. Ещё она снялась в эпизодах в художественном фильме Константина Райкина "Лисистрат", где надо было голыми (обнаженными) бегать. Это окончательно помогло ей раскрепоститься. И занятие это ей значительно больше понравилось, чем больные коровы в далекой деревне. И она с подругами укатила в США, прихватив документы по квалификации "массажист". Сейчас же оформлял документы к

ней на выезд уже младший – восемнадцатилетний сын полковника.

А папа ждал жилье, и ему предложили квартиру в очень техногенном месте, но он отказался. Я удивилась, что они предпочли дальше жить в гостинице. Мне казалось что существует опасность остаться тут на всегда и не получить вообще ничего. Но жена полковника объяснила, что если бы они согласились, то потом никто не стал бы давать им другое жилье и они бы так и остались жить в полном окружении той помойки.

С этой полковницей я нормально подружилась на правах младшей подруги. По её трафарету и под её чутким руководством вышила себе на футболке разноцветную бабочку в первый и последний раз в жизни. Ещё она научила меня делать переплет на книги. И Серёга мне для этого занятия принес, сделанный по предоставленному образцу маленький станочек. Я упражнялась на появившихся в продаже детективах Агаты Кристи в мягких обложках. Полковница подарила мне самодельную «синьку» – копию старинной на "ять" книги о рукоделиях всех видов.

Это была рослая как гренадер женщина с щуплым и очень моложавым мужем. Как пара они не смотрелись, но спокойно ладили, а дети у них оба красавчики. И была огромная гора фоток о службе в Казахстане: кони, ишаки. Их дочь так среди этого и выросла, умела ездить верхом, хорошо училась и легко поступила в московскую академию. Она реально любила

животных, но сидеть в коровниках глухих деревень явно было «не её». Она могла бы быть врачом маленькой городской вет.клиники «Айболит», лечить Барсиков и Кноп, но разминулась с созданием этих клиник буквально на несколько лет.

Кстати, о вопросах питания. Ещё со времен Ступино в Подмосковье ввели продажу продуктов по талонам.

На эти талоны можно было купить каких-то серых макарон, ну и всё остальное примерно такого же цвета и качества. Как говорится: "Ушла большая вода из джунглей". А военным начали выдавать продовольственные пайки. Нам в гостинице этот продпаек приходилось загружать в холодильник на общей кухне. Да, там были общие кухни, хоть это и числилось гостиницей. В пайках запомнилась гора свежемороженого минтая. В целом паек был продуманный, не лишний и съедался. И его хватало на двоих.

Моя мать из всей горы минтая сделала нам "консервное блюдо": стушила, переложив слоями с луком и томатом. Серёге очень понравилось. Она порекомендовала этот рецепт и соседке –полковнице, коптящей кухню горой жарящегося на нескольких сковородках минтая. Но та отвергла: «У меня нет времени возиться». Что было удивительно, так как жарить каждую рыбёшку всё же дольше, чем сложить всё в одну кастрюлю и поставить на медленный огонь. Иногда стоит остановиться просто чтоб подумать.

В магазинах без талонов продавалась только перловка. В её приготовлении мною было достигнуто вкусовое совер-

шенство, с тушённой получался плов.

Я попробовала немного работать на том же самом моём старом рабочем месте. Оно очередной раз освободилось по обычной причине – декрет. Сделала две зарплаты и закруглилась. Работу выполнять было легко, но просиживать по восемь часов почему-то стало невыносимо, очевидно из-за химио – терапии, "чемоданного настроения" и нервной измотанности. Зато нашла хищения через приписку дубликатов путевых листов. Сказался опыт работы, накопленный в Ступинском последконтроле.

Мне с моим «чемоданным» настроением припало ещё и посмотреть из окна Подмосковной войсковой части и на Августовский путч 1991 года, с их глашатаем – Геннадием Янаевым с трясущимися руками.

Наш главный инженер автобазы, тот что соседствовал с нами, когда мы жили в прошлый раз в общежитии "Пентагоне", сразу переобулся туфли на сапоги, брюки навывпуск на галифе, и стал ходить по автобазе в португальском, заметно повеселев. Остальные что-то радостей не проявляли. Женщины из бухгалтерии, глядя в окно на вышагивающего по площади автопарка "героя" обстебали его как могли.

Все ждали какие будут команды. Но никаких команд не поступило.

Я позвонила в Луганск своей подружке Лене узнать как там дела, и она накричала: "Вы что там все с ума посходили?". То есть с её стороны полезных комментариев не посту-

пило, а ведь она была дочь главного бухгалтера Обкома партии и канал слухов у неё был прекрасный.

Вся страна выучила ранее не известное широким слоям название курорта "Форос", и посмотрела, какой Ельцин могучий и какой Горбачев в потерях. Один особо нервный путчист застрелился вместе с женой. Менее впечатлительные через год уже подстригали саженцы у себя на дачах. Согласитесь, любопытный симбиоз высокой драмы и фарса.

У нас появился новенький молодой непьющий офицер. Он пытался как-то зарабатывать. У него был автомобиль наподобие скорой помощи. Все остальные молодые офицеры его презирали и ненавидели. В их кругу ментально считалось нормальным украсть машину песка и продать, но деньги надо совместно пропить, а если не на пропой, а какое-то скопидомство, то спокойно могли заложить. Вот такой был этикет в их братстве.

Эра деловых пацанов в армии ещё явно не наступила. При этом к тому имелись абсолютно все возможности. Мы находились в ближнем Подмосковье, доступ к стройматериалам – неограниченный, как и вся мыслимая строительная техника. Можно было купить в складчину домик – развалину, свезти туда шаровых стройматериалов, превратить во что-то более ценное и перепродать. Но этим никто не занимался.

Однажды я разговаривала со своей бывшей соседкой по общаге – главным бухгалтером Масленкиной и пожаловалась на странные трудности службы Серёги, не понимая его

сложностей. Она мне точно так и ответила о своём муже, что по сравнению с «успехами» наших мужиков – уж точно бы смогла служить лучше.

Но московскому генералитету наши орлы строили дачи тихо и по субординации безропотно. Наша Автобаза транспортной механизации при стройбате являлась так сказать оплотом строительства. Даже один взвод был почему-то не водители, а строители, наверное, чтоб лишний раз не задействовать в деятельности "посторонних". И техника – уже не все только самосвалы, а и бульдозеры, краны, панелевозы. Несколько солдат мы вообще не видели, они постоянно находились на чьей-то даче. Один автомобиль-кран случайно утонул, попав на тех дачах в болото. Мы радовались что хоть солдат не утонул.

Примерно с середины 1991 года обстановка в армии стала ближе к невыносимой. Мой муж говорил, что по вечерам стал бояться заходить в казармы – там витал какой-то новый нездоровый дух. Первыми «ушли» чеченцы. Однажды утром ни одного чеченца в нашей и соседних казармах не было, к ним пришли какие-то люди, дали билеты и гражданскую одежду и сказали, что если кто не придет на поезд, то убьют.

До этого солдаты убегали по одному, их разыскивали, за ними посылали по месту жительства, а теперь ушло всё землячество и не из одной казармы, а из всего расположения.

По инструкции положено было за сбежавшими посылать по месту жительства офицера, сообщать в местный военко-

мат и всё такое. А тут даже и никого не послали. Незадолго до этого сбежал армянин и за ним послали нашего пропагандиста. Тот прилетел в Ереван, и ему уже по дороге из аэропорта в такси дали по голове и ограбили. Но потом он очухался, и даже привез какие-то документы, что солдат будет продолжать службу в Армении.

Ещё раньше сбежал один украинец, за ним послали моего Серёгу и он привез справку из Херсона, что солдат дальнейшую службу будет проходить на Украине по месту жительства. По Серёге было видно что встретили его вполне хлебо-сольно, и стрессов точно не было.

Прибалтов в армии к этому времени уже не было. Последние прибалтийцы у нас уволились весной 1988. А осенью 1988 моего мужа посылали в Наманган за узбекским пополнением. Он очень нервничал и боялся. Но приехал вполне счастливый, с гостинцами и рассказал как там дико жарко и по всем чайханам курят наркоту. Я спросила насчет его ощущений, но он сказал, что категорически не приемлет наркотики. Вот образец стойкости. Интересно, кто и как ему внушил ужас к наркотикам, и почему это не распространялось на технический спирт и чачу в резиновых грелках?

История нашего пребывания в войсках закончилась аккуратно в декабре 1991 года. При чем двумя дорогами одновременно. В связи с отменой Советского Союза пришла телеграмма, что все замполиты по желанию могут перевестись на другую должность – кадровиками, но мой муж был техна-

рем. И одновременно, всего за год, его рапорт на перевод дошел от подачи до министерского приказа «уволить из Министерства Обороны СССР по переводу в МВД СССР». Правда страны уже не стало, разминулись буквально на пару недель.

Когда Серёге объявили этот приказ, который опять сопровождала/ курировала звонками моя мама, а он смог теперь «завалиться» на уровне Управления на Окружной, уже будучи подписанным министром, то придя домой в несколько угнетенном состоянии Серёга сказал мне: "Всё. Теперь ты будешь моя рота". Чувство юмора он всё же не успел пропить. Но у него всё ещё было впереди.

Интересно заметить, что молодые замполиты практически все захотели уволиться, кроме нашего пропагандиста. Но объявленных условий остаться на службе было два: рапорт на перевод кадровиком и чтоб остальные офицеры на общем собрании его поддержали. А пропагандиста недолюбливали сильно и завалили.

Я после этого уехала сразу же, а Серёга через пару недель, так как надо было сдать дела и передать роту. Поэтому новый 1992 мы встречали отдельно. Но он мне в районе двенадцати ночи позвонил и «висел» на телефоне в переговорном пункте, где надо было кидать пятнадцатикопеечные монеты больше часа. Он и плакал, и рассказывал о своих глубоких чувствах, и о светлом будущем. Очевидно, что путней компании на Новый год у него в Загорске не нашлось, а может, с учетом армейской традиции, начинать все празд-

новать крайне заблаговременно, то уже никакая компания к его состоянию добавить ничего не могла бы.

С учетом того, что я тут же уехала в Луганск, то не знаю кто из замполитов в конечном итоге остался служить дальше кадровиками, а кто уехал. Многим было особо не куда ехать. Нас же уже ждали в Луганске и Серёгина новая работа и моя перешедшая от бабушки квартира.

=====

В довершение могу сказать, что жена последнего Серёжиного комбата вскоре эмигрировала в Германию, а её муж должен был уволиться и подъехать к ней, но вместо этого он разбился на машине.

"Мужики как куры: двадцать метров от дома и уже ни-чьи" (из интернета).

== Возвращение ==

По приезду в Луганск у Серёги не было никаких обязательств перед МВД пойти служить именно туда, потому что тот запрос на перевод, по которому его из армии уволили, в ситуации распада страны уже не играл ни какой роли. Ему предложили пойти работать на фирму «Совгарт» в ремонтный цех. Это было очень знаменитое в городе автопредприятие, оно занималось перевозками по всей Европе, располагая солидным автопарком фур – длинномеров и тягачей.

Но Серёга устроил домашнюю сцену о том что ему такое невыносимо и он должен думать о своём льготном военном стаже. И его взяли вовсе не по переводу, а просто «с улицы»

в милицию, сначала в уголовный розыск, а потом он очень быстро перевелся в ГАИ. И для начала очень переживал и стеснялся своей синей милицейской формы.

Рисунок его поведения от смены деятельности не изменился. Его начальник через несколько лет службы, устав переживать "за возможную ответственность за ЧП с личным составом", посадил в машину и лично отвез в нарко-диспансер на кодировку. И год Серёга не пил. Но потом, ровно через год и одну неделю – всё вернулось.

В тридцать семь лет у Серёги произошел инсульт, от которого он не оправился. Но это уже было не со мной. Потому что моя мать, оказавшись с ним на расстоянии меньше чем тысяча километров, и наобщавшись плотно с этим "замечательным парнем", сказала: «Я не понимаю как ты с ним жила! Я бы его выкинула с балкона через месяц!».

А когда уже после развода однажды Серёга пришел вечером к моим родителям, потому что у него автомобиль рядом сломался, то мой отец через запертую дверь сказал ему: «Извини, Серёжа, но я тебе не открою. Потому что ты пьян, а я стар и слаб».

А я все эти годы была терпелива и сильна.